

КОНТР@БАНДА

Ежемесячный журнал о современной русской литературе

Журнал «Контрабанда» основан в ноябре 2007 году на Седьмом форуме молодых писателей в Липках участниками литературного Интернет-журнала «Точка Зрения» (<http://lito.ru>) Алексеем Караковским, Анастасией Яковлевой-Помогаевой и Андреем Белозёровым. Генеральные партнёры журнала – издательство «Современная литература в Интернете» (<http://litseries.ru>) и веб-студия «Web-техника» (<http://webtechnics.ru>).

Журнал приглашает к сотрудничеству литературных критиков и публицистов. Приветствуются юмор, дерзость, интеллект. Не приветствуется академичность, официальность. Публикация литературных произведений осуществляется на коммерческой основе (1 страница - 500 рублей). Заявки на публикацию принимаются по адресу karakovskii@gmail.com. Редакция оставляет за собой права отказа в публикации любых текстов.

Журнал распространяется в Москве, Петербурге, Калининграде, Казани и Одессе, а также через Передвижную книжную лавку писателей Живого журнала (подробнее - см. на официальном сайте). Журнал «Контрабанда» является участником журнальных Интернет-порталов «Читальный зал» и «Мегалит»

Официальный сайт журнала: <http://zhurnal.lito.ru>
E-мэйл: karakovskii@gmail.com

Главный редактор – Алексей Караковский.
Верстка – Алексей Караковский.
Фото – Наталья Караковская.

Редакционный совет:

Сергей Алхутов (Москва) – прозаик, редактор Интернет-журнала «Точка Зрения», член Союза писателей Москвы.

Лиене Ацтия (Саулкрасты, Латвия) – поэтесса, главный редактор Интернет-журнала «Точка Зрения».

Алексей Караковский (Москва) – прозаик, музыкант, издатель, член Союза писателей Москвы.

Обозреватели:

Елена Бондаренко (Блонди) (Железнодорожный, Россия) – прозаик, главный редактор Интернет-проекта «Книгозавр».

Андрей Моисеев (Москва) – критик, эссеист.

Анна Никольская-Эксели (Барнаул) – детский писатель, Посол Мира «Конвента Народной Дипломатии» в России.

Вероника Сафонова – журналист, критик.

Ольга Таир (Новозыбков, Россия) – прозаик, критик, эссеист. Модератор сообщества «Мир книг» books_world.

Дэн Шорин (Тула) – писатель-фантаст, редактор Интернет-журнала «Точка Зрения».

Общественный совет:

Кирилл Ковальджи – поэт, прозаик, переводчик, секретарь Союза Писателей Москвы.

Ирина Медведева – руководитель литературного конкурса «Илья-премия».

Евгений Степанов – кандидат филологических наук, главный редактор журналов «Дети Ра» и «Футурум-Арт».

Перепечатка материалов разрешается только с письменного разрешения редакции.

Номер подписан в печать 11.04.10 в 18:40. Заказ № 4

Отпечатано в ООО «ИПЦ «МАСКА». Москва, Научный проезд, д. 20, стр. 9. тел.: (495) 510 32 98. www.maska.su, info@maska.su

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Роскомнадзором, ПИ №ФС77-38426 от 15 декабря 2009 года.

Вномере:

Раньше равнины и кагал наживались за счет контрабанды товаров - теперь студенты равнинского училища контрабандой ввозят революционную литературу
Йоханан Петровский-Штерн. «Судьба средней линии».

Доктрина	2
Алексей Караковский: «Глупо отрицать, литература – сплошное удовольствие».	
Рецепты чтения от Ольги Таир	4
Владимир Богат: «В жаркой Африке»	
Елена Ронина: «Культурный конфликт».	
С. Чумаков: Василий Кандинский.	
Nelly Delay: «Япония вечная».	
Владимир Лефевр: «Алгебра совести».	
Алексей Самойлов: «Я-книга».	
Перечитывая классику	7
Кирилл Ковальджи. Загадочное стихотворение Пушкина	
Письма из ниоткуда	10
Георг Гейм (стихотворения в переводах Антона Чёрного)	
Исторический слой	12
Грэйл Маркус. Анархия в соединённом королевстве (из книги «Следы губной помады»)	
Большая литература	17
Ольга Денисова. Почему люди не читают?	
Технология культуры	19
Сергей Алхутов. Пове©твование о копирайте	
Портрет писателя в интерьере	21
Андрей Моисеев. Мои любимые авторы: Александр Якунов.	
Голос блогосферы	23
Андрей Моисеев. Поэтические сообщества «Живого Журнала»	
Кунсткамера	24
Елена Бондаренко. Врунет: прозаики.	
Безумный словарь	25
Олимпийское.	
Дикий гон	27
Бантики-в-слезах. Город в форме Шарика.	
Фантом	29
Марина Дробкова. Я - ромб	
Контрабандное читво	31
Александр Вишнёв. Стихотворения.	
Юрий Козлов. Стихотворения.	
Ник Нечаев. Miserere	
Полина Фёдорова. История одного разногласия.	
Алексей Шмелёв. Стихотворения.	
Вера Эвери. Дом с привидениями.	
Издательство - авторам	64
Издательство «Современная литература в Интернете»	

АЛЕКСЕЙ КАРАКОВСКИЙ: “ГЛУПО ОТРИЦАТЬ, ЛИТЕРАТУРА - СПЛОШНОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ!”

Алексей в сетевом сообществе человек известный, в представлениях не нуждается. И все же я представляю его еще раз. Алексей — автор трёх книг. Рок-музыкант с 18-летним стажем. Критик, известный своей жёсткостью. Автор блога, в котором часто поднимаются темы, связанные с историей, философией культуры и религии — иронично, провокационно. С 2003 года занимался разработкой и продвижением сайтов, в 2007 году включился в издательский бизнес.

А.Н.Э.: — Алексей, ты — прямо «человек-оркестр». Не боишься, что заряд от перегрузки однажды кончится? Что-то ставишь во главу угла?

А.К.: — Я занимаюсь большим количеством дел не одновременно, а по очереди. Для меня это — возможность переключаться, отдыхать. Сейчас основным стало сочинение художественной прозы, но я не знаю, что бы я делал без музыки, программирования, путешествий — всё такое вкусное, прямо как в анекдоте. Вообще, в конечном счёте, любые направления искусства — это просто формы выражения некой Идеи, художественной философии... Может быть, Идея — это и есть главное.

А.Н.Э.: — Сетевая литература — что это? Явление самобытное или всего лишь одна из ступенек к печатной публикации?

А.К.: — Специфическим явлением можно назвать только тексты, созданные в Интернете, а не просто в нём опубликованные. Так как в случае прозы, например, имеет огромное значение верификация информации. Например, я недавно работал над повестью «Девочка, которая всех спасла», одна глава которой описывала быт психушки, другая — быт детей-инвалидов, третья — быт наркоманов. Я не работал с аддиктами, но благодаря психфаку прочий материал мне хорошо знаком. И всё равно я выложил текст в «Живой журнал», после чего, за счёт обсуждения с квалифицированными читателями блога, очень сильно переработал эти фрагменты текста. Не думаю, что это было бы возможно без Сети.

Есть распространённое мнение, что сетевая литература как социум — это субкультура с неким неприятным душком. Прочитав слова Алексея Алёхина, главного редактора журнала «Арион»: «Беда, однако, не только в том, что это общение в отсутствие сколь-нибудь серьёзных ориентиров (в предыдущие пару веков молодые стихотворцы, все ж, старались равняться на великих предшественников, а не на Васю с соседнего сайта) выливается в непрерывную игру на понижение. А в том, что стилистически, лексически, по типу мышления все эти бесчисленные опусы на удивление однолики, и по той же самой причине: подросток всегда одинаков, это зрелые деревья разнятся и по облику, и по высоте. Когда я однажды обратил внимание своих молодых коллег на это обстоятельство, то в ответ услышал что-то вроде “поэтическая молодежная субкультура”. Надо ли объяснять, что “субкультура” так же отличается от культуры, как “субпродукты” — от настоящей провизии?».

На самом деле, Алёхин представляет точно такую же субкультуру толстых журналов, которая обладает точно теми же особенностями воспроизводства литературных норм. Следовательно, по своим со-

циальным формам сетевая и несетевая литература различий не имеет, а качество текста определяется уж точно не приговором одного главреда или одного издателя. Объективные качества текста вскроет любой профессиональный литературный редактор, для этого не надо претендовать на уникальность. А окончательные точки над одним местом расставит читатель.

А.Н.Э.: — Самый твой известный сетевой проект — литературно-публицистический журнал «Точка Зрения». Назови три причины, по которым автору следует идти именно к вам, а не, скажем, в Прозу.ру.

А.К.: — Мне гораздо легче назвать причины, по которым автору следует идти в Прозу.ру, а не к нам. У нас он не найдёт ни дружеского похлопывания по плечу с констатациями неизбежной гениальности. У нас нет никаких рейтингов, а перебранки, если и случаются, то происходят только за счёт недопонимания отдельными собеседниками целей и задач сайта. «Точка Зрения» — это просто лаборатория по анализу литературного текста, скучное обсуждение слов, фраз и мотивов к созданию рукописи. Лучшие же произведения выбираются не для виртуальных наград, а для того, чтобы предложить какие-то формы сотрудничества в издательской сфере или ещё где-нибудь. Например, наши авторы регулярно выступают на радио «Теос». Неужённую энергию и страсть в общении с ближними у нас просто-напросто негде применить. Поэтому в ленте обсуждения фигурируют не столько авторы, как на Прозе.ру, сколько читатели.

А.Н.Э.: — В этом году ты открыл собственное издательство. «Литкон», если не ошибаюсь? Ты предлагаешь авторам печататься за собственные деньги. По сути это тот же самиздат или?..

А.К.: — В «Литконе» я работал какое-то время, набирался профессиональных знаний, но в августе издательство закрылось на пере-

регистрацию и, судя по всему, это ещё надолго. Так что пришлось мне открыть собственное дело — издательство «Современная литература в Интернете», в портфолио которого я включил все книги, изданные мной с 2003 года в рамках разных литературных проектов.

Издание за собственный счёт не является самиздатом ни юридически (так как имеет ISBN), ни практически. Любая книга — это бизнес-проект, просто в данном случае инвестором является сам автор, и для книги это очень хорошо, потому что крупные издательства никогда не занимаются рекламой своей продукции, а автор без рекламы не может, ему на сердце неспокойно. Почему-то считается, что такой способ издания унижает автора. По-моему, автора унижает не это, а равнодушные издатели, которые не дают ему квалифицированных советов по разработке бизнес-плана и реализации книги.

У меня в этом плане всё по-другому. Я всегда провожу маркетинговое исследование, благодаря которому автор может оценить, какой тираж ему выгоднее всего заказать. Обычно о получении прибыли речи не идёт (хотя за свои собственные книги я стараюсь всё-таки получать какой-то кэш), в реальности книга — средство имиджевой рекламы, что-то вроде дорогой и красивой визитки. Но, тем не менее, практически все книги выставляются на продажу. И те, кто хотят их приобрести, обязательно приобретают не в магазинах, так на литературных мероприятиях. Я, например, провожу фестиваль «Пересечение границ», посвящённый истории, географии и культуре земного шара.

Кстати, я ничего не имею против издания авторов за счёт моего издательства, но это должны быть люди, книги которых захотят купить абсолютно все, кто их увидит хотя бы один раз. Не надо думать, что таких авторов нет. Я уже нашёл одного такого, просто пока имя называть не хочу, приберегу до 2010 года.

А.Н-Э.: — Есть ли какие-то минимальные требования к издаваемым рукописям? Или публикуете всех, кто принесет денежку в кулачке?

А.К.: — Как профессионал я обязан работать с любым клиентом, но это же не значит, что я обязан заваливать мусором книжные прилавки. Если качество текста слабое или среднее, а редактор с корректором разводят руками, книга не поставляется в продажу (в магазинах её просто не возьмут на реализацию). Правда, я сейчас озвучиваю ситуацию, которая может лишь теоретически возникнуть: пока что к нам не приходило ни одного слабого автора.

А.Н-Э.: — У тебя были публикации в «Октябре», «Сибирских огнях» и других толстяках. Как-то это не очень вяжется с твоей активной сетевой деятельностью. Расхожее мнение — в сети публикуются неудачники...

А.К.: — Толстяки мне очень помогли на той стадии, когда я не был уверен в себе на 100%, и мне было нужно положительное подкрепление. Но сейчас формат толстых журналов и, тем более, формат крупных издательств у меня вызывает скуку. Мой мир гораздо шире, интереснее и насыщеннее этих мини-резерваций и не обязан включать в себя одну лишь литературу. Например, у меня есть сайт, посвящённый исчезнувшим городам, посёлкам и деревням на территории экс-СССР. Зато благодаря толстякам я познакомился с несколькими невероятными людьми, и самая невероятная — Валерия Пустовая. Если кто-то из тех, кто читает это интервью, хочет опубликоваться в толстяке, не думайте долго, посылайте текст к ней в «Октябрь». Там его точно прочтут и дадут квалифицированную оценку, можете мне поверить.

А.Н-Э.: — Есть ли на твоей памяти авторы, которые стартовали в сети, раскрутились (я сейчас не имею виду блоггеров) и стали «печатными»?

А.К.: — Это немного не мой профиль, поэтому мои знания не отличаются от общепринятых. Скажу лишь, что с Лео Кагановым я знаком с середины девяностых годов, а в начале 2000-х он с удовольствием публиковался на «Точке Зрения». Точнее, дал нам добро на публикацию его текстов с неизменным указанием на его сайт. Но это дискуссионный вопрос, когда раскрутился Лео — до Интернета или благодаря ему. Вот Владимир Ланцберг, тоже автор «Точки Зрения», раскрутился на Грушинских фестивалях, а в Интернете так и остался не особо востребованным, что, по-моему, жаль. Это бывает чаще с людьми. Да и какой смысл становиться звездой в печати? Книжный бизнес же находится на последнем издыхании практически во всём мире.

А.Н-Э.: — В сети невероятное количество проектов, предлагающих помощь начинающим авторам. Как не растеряться в этом изобилии? Куда в первую очередь идти?

А.К.: — Да я бы не сказал, что кто-то предлагает квалифицированную помощь, кроме Avtoram.com. У этого ресурса единственный минус: там не разбирают тексты. И правильно делают, кстати, — это очень неблагодарная работа. Но за разбором можно сходить на «Точку Зрения», в творческую лабораторию «Первый шаг». Там любой текст разберут по кирпичику на составляющие — кроме крупной прозы.

А.Н-Э.: — Алексей, дай, пожалуйста, напутствие начинающим авторам.

А.К.: — Чтобы адекватно относиться к себе и к литературе, надо понимать несколько вещей. Первое: литература — это ремесло, тяжёлая тщательная работа, у которой есть свои технические требования; если ты не владеешь технологией, ты не писатель. Профессиональный критик или редактор всегда заметит недостатки текста, и не надо думать, что он испытывает к тебе личную неприязнь, у него таких, как ты, — десятки в день. Второе: всё, что ты пишешь, ты пишешь не для себя, а для людей, а значит должен находиться в их реальности. Если ты считаешь себя тоньше, умнее и эстетичнее жалких никчёмных людишек — ок, имеешь право, но ты должен это доказать в их системе миропонимания, а не в своей. Если ты наоборот спереживаешь униженным и оскорблённым, не строй из себя пророка или Мессию, авторские права на второе пришествие принадлежат Господу Богу, а ты говоришь со своими соседями по подъезду. Третье: твои произведения — это не только твоя интеллектуальная собственность, но и твоя зона ответственности. За то, что ты написал текст, тебе никто ничего не должен. И если ты не сумел доказать достоинства своей литературы ни критику, ни читателю, ни издателю, дело в тебе. А в остальном — глупо отрицать, литература — сплошное удовольствие!

Беседовала Анна НИКОЛЬСКАЯ-ЭКСЕЛИ

● РЕЦЕПТЫ ЧТЕНИЯ ОТ ОЛЬГИ ТАИР

Ведущая колонки — Ольга Таир, автор блога в Живом Журнале **saprice**, модератор сообщества «Мир книг» **books_world**.

Владимир Богат. «В жаркой Африке»

Развиваем творческое мышление дошкольников 4-6 лет. Издательство «Академия развития». 2006 год.

Вы никогда не задумывались над тем, что творчеству можно научить так же, как математике или грамоте?

Вот уже более 20 лет в отечественной дошкольной педагогике используется теория решения изобретательских задач (ТРИЗ), которая позволяет ребёнку нестандартно решать встающие перед ним проблемы. Он учится находить нужное решение поставленной задачи через выявление и формулировку противоречий, используя при этом различные ресурсы. Стремясь достичь идеального, то есть лучшего решения, ребёнок выходит не на один, а даже на несколько правильных ответов, что является важным критерием творческого мышления.

Решая задачи, встающие перед героями этих историй, дети приучаются творчески мыслить, снижая при этом стереотипность мышления и, самое главное, они понимают, что из любого затруднительного положения всегда можно найти выход!

ЗЛОЙ ДИКОБРАЗ

Однажды в кустарнике, мимо которого маленький львёнок ходил к озеру, поселился дикобраз. Он очень не любил, когда кто-нибудь приближался к его жилищу и часто пугал львёнка, выпуская свои длинные иглы. Львёнок жаловался черепахе: «Ты представляешь, он так громко шипит, да ещё грозитя уколоть меня своими страшными иголками, если я приближусь к кустарнику». Умная черепаха подумала и сказала: «Значит, не нужно подходить близко к жилищу дикобраза».

«Но как же я тогда пройду к озеру, ведь кустарник находится как раз на пути туда?» — удивился львёнок. «А ты ходи к озеру тогда, когда дикобраз уходит на охоту или по другим своим делам», — посоветовала черепаха. Львёнок задумался: «Интересно, как же я узнаю, ушёл дикобраз на охоту или сидит в кустарнике?» Спросить об этом черепаху он не решился. Помогите львёнку решить эту задачу».

Елена Рони́на. «Культурный конфликт»

Сборник рассказов, Водолей publisher. М. 2009

В наше насыщенное информацией время читать короткие рассказы и удобно, и приятно. Но не все имеют к ним интерес, потому что, как правило, слишком мал временной промежуток, и не всякому автору удается создать полномасштабный мир, раскрыть характеры героев. Поэтому писателю, берущемуся за рассказы, так важно не столько выстроить занимательный сюжет, сколько мгновенно привлечь внимание читателя к проблеме.

Скажу, почему мне нравятся рассказы Елены Рониной:

Во всех ее рассказах улавливается поток сознания современной интеллигентной женщины. И одновременно с этим дается, чуть ли ни поминутный, репортаж дня — динамичные действия, запоминающиеся детали обстановки, нюансы чувств.

Остановлюсь на некоторых рассказах из ее новой книги «Культурный конфликт» (всего у Е. Рониной вышли три книги, которые продаются на «Озоне»).

В одних рассказах, как пишется в аннотации, «читатели узнают себя». Читая, например, рассказ «Почему я не люблю 1 сентября», многие вспомнят свои детские обиды на школу: предвзятость отдельных учителей, жестокость одноклассников, растерянность своих родителей перед непомерными требованиями школы. Вряд ли отыщет-ся хоть один человек, избежавший этих проблем.

А, знакомясь с рассказом «Культурный конфликт», подумают о том, почему иногда не удается сохранить семью, даже, если оба супруга замечательные люди. Что различия бытовых пристрастий, обусловленных разным воспитанием, национальным менталитетом, сгладить непросто. И вдвойне сложно, если в жизнь молодой семьи активно вторгаются родственники.

Но главное удовольствие от прочтения состоит не только в том, чтобы узнать себя в знакомых обстоятельствах. Есть более высокий уровень влияния на духовное сферу — узнать себя при новых обстоятельствах.

В этом смысле на меня большое впечатление произвел рассказ «Музыкант». Возник удивительный эффект «узнавания» чувств и мотивов людей, из совершенно незнакомой мне музыкальной среды — чувств матери, чей сын обучается игре на флейте. А это значит, что писательнице удалось выйти за рамки конкретики, великолепно, причем, данной в рассказе. Рониной удалось сказать что-то общее для всех, кто хоть однажды читал вместе с ребенком книжку, помогая решить школьную задачу или обучал плаванию. Приведу особо понравившуюся мне цитату из этого рассказа:

«Я всегда «дышала» с Антоном. И все мамы духовиков берут дыхание вместе с выступающим (на концерте) ребенком. Потому что мы знаем, как это сложно. Дыхания может просто не хватить».

Вряд ли можно более образно показать, как становишься в некоторые мгновения жизни с близким, родным, человеком единым целым.

Галина ВРУБЛЕВСКАЯ

С. Чумаков «Кандинский»

Классика, 2000 г.

Книга из серии «Мир шедевров. 100 мировых имен в искусстве».

Небольшая по формату, но с приличным количеством цветных иллюстраций книга, бумага — мелованная даже на тех страницах, где мы видим текст. Книгу приятно держать в руках, она похожа на игрушку, которая не только радует владельца, но и своим видом немало меняет интерьер комнаты, настолько удачно оформлена её обложка.

Василий Кандинский — основоположник абстрактного искусства, возникшего в начале двадцатого века. Рассказ о жизни Кандинского краток, всего одиннадцать страниц, но этого оказывается достаточно, чтобы с пониманием рассматривать репродукции картин художника.

«Первая абстрактная акварель создана была Кандинским в 1910 году. Он начинает писать беспредметные, но полные внутреннего напряжения картины. Все опознаваемые предметы, например, церковь, гора, лес, озеро, облака, словно бы расплываются, растворяются в ярких, светящихся красках. Не предметы основа композиции, и не

● РЕЦЕПТЫ ЧТЕНИЯ ОТ ОЛЬГИ ТАИР

светотень, создающая иллюзию объемности, а сами цвета и линии обрастают к чувствам».

Василий Кандинский был образованным человеком: защитил диссертацию по экономике, его ожидала научная карьера. Вдруг Кандинский изменил все в своей жизни и начал изучать азы рисования, понимая, что без этого ему не быть художником, хотя он к тому времени уже участвовал в выставках и его работы отмечали своим вниманием критики.

На Кандинского огромное влияние оказали французские импрессионисты, но Василий Васильевич изучил их опыт и создал свою, уникальную школу живописи.

Если вы любите современное искусство, то эта книга для вас. Она лучше репродукций в рамках потому, что в книге они компактны, в ней работ художника много, как в музее: шестьдесят одна.

Можно бесконечно рассматривать иллюстрации и получать удовольствие в одиночестве, с другом или с детьми. Живопись Кандинского интуитивно понятна всем.

Великий художник, наднациональный, долгое время живший во Франции и Германии.

Приятно видеть в его работах русские мотивы и понимать, что он наш художник, родной.

Ольга ТАИР

Nelly Delay «Япония вечная»

Астрель, АСТ, 2006 г.

Эта книга — мини-путешествие, длиною в сто двадцать страниц, по истории Японии. В ней рассказывается о служителях синтоистских святилищ, монахах, японских садах камней и мхов, гербах и монастырях старинных кланов, о японском искусстве.

Первые главы «Япония вечная» дают возможность узнать много нового из истории страны. Третья глава книги посвящена придворному искусству.

«Соколиная охота была любимым развлечением императорского двора. Нарядно одетые вельможи вдохновляли художников создавать новые предметы роскоши. Император и аристократы строили богато украшенные замки или храмовые святилища».

Nelly Delay рассказывает об утверждении буддизма в Японии, столичной политической и религиозной жизни, пантеоне буддийских богов, литературе древней Японии, искусстве эмаки — рукописного свитка с рисунками и каллиграфически выписанным текстом.

Небольшая по объему книга напоминает энциклопедию обилием коротких статей на разнообразные темы. Не смотря на несколько суховатый язык, читать текст интересно, т.к. каждая его страница снабжена роскошными цветными иллюстрациями.

Странички о японских садах камней стали моими любимыми. Иллюстрации удивляют сказочной красотой. Непривычный для нашего глаза японский стиль строить здания, трепетное отношение японцев к природе, внимание к каждому, казалось бы, ничем не примечательному камню или даже горсти песка вызывает восхищение.

Автор подробно рассказывает о значимых деятелях искусства далекой страны: писательнице Сэй Сэнагон, поэтах Мацуо Басе и Исса, создателях коанов.

Вот этот список прекрасной Сэй Сэнагон вошел в книгу Nelly Delay:

То, что утонченно-красиво:

Белая накидка, подбитая белым, поверх лилового платья.

Яйца дикого гуся.

Сироп из сладкой лозы с мелко наколотым льдом в новой металлической чашке.

Чётки их хрусталя.

Миловидный ребенок, который ест землянику.

Если бы Сэй Сэнагон жила в наше время и читала книгу «Япония вечная», то, несомненно, в этот список попала бы и она, как вещь изысканная и красивая настолько, что от неё невозможно отвести взгляд.

Ольга ТАИР

Владимир Лефевр. Алгебра совести

Пер. с англ. Викторины Лефевр, Елены Юдиной. — М.: Когито-Центр, 2003

Первое издание этой книги на английском языке вышло в 1982 году. Настоящее издание представляет собой дополненный перевод на русский язык ее второго издания (2001). Термином совесть автор называет «...работу автоматического процессора, внедренного в человеческое существо. Этот процессор регулирует наши поступки и порождает <...> моральные терзания. С этой точки зрения, все люди обладают совестью в том же смысле, в каком все люди обладают сознанием, мышлением и способностью говорить» (с. 1). Для построения формальной модели субъекта автор использует интуицию, позволяющую выявить правила оперирования с понятиями добро и зло, не зависящие от их конкретного содержания в данной культуре и напоминающие правила оперирования с понятиями истина и ложь в формальной логике.

В первой книге («Этические системы») автор стремится показать, что оценка отношений между добром и злом, нормативная для некоторой культуры, предопределяет типологию индивидов, принадлежащих к этой культуре, т.е. существует связь между этической философией индивида и его психологическим типом. Эта связь может быть выражена формально на строгом математическом языке. Автор различает две этические философии. Одна (1) основана на принципе «компромисс между добром и злом есть зло», вторая (2) — «компромисс между добром и злом есть добро». Система (1) реализована в Западной культуре, (2) — в культуре Советского Союза (а также в Китае и в некоторых странах Индокитая, Ближнего Востока и Африки; ранее — в культуре дохристианской Европы). Система (2) может быть связана не только с коммунизмом, но также с фашизмом или с некоторыми экстремистскими религиозными философиями. В этой книге строится модель индивида как абстрактного автомата, которая, в отличие от бихевиористской, содержит не только «поведение», но и «семантику внутреннего мира» (образ себя, образ другого, чувство вины, страдание, жертвенность etc). Теория Лефевра предсказывает, что индивид в системе (1) стремится установить отношения компромисса или союза с другим индивидом, а индивид в системе (2) а priori стремится к конфронтации со своим партнером. Это предсказание якобы полностью подтверждается при исследовании типичных аме-

риканцев и типичных советских людей. Во второй книге строится модель морального выбора.

Алексей Самойлов. Я-книга

Ганга, 2009 г.

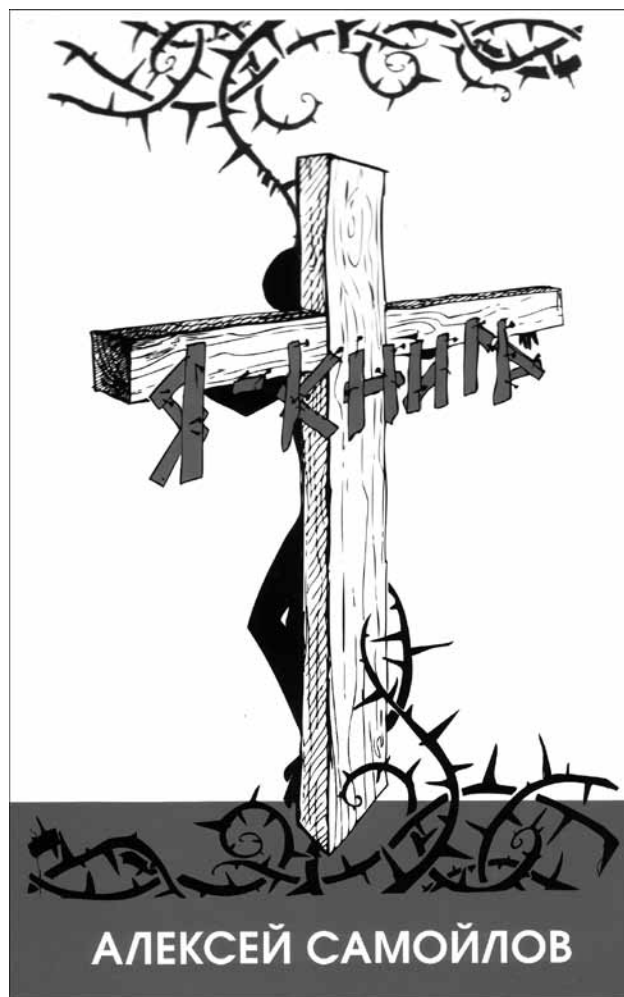
В одном из городских книжных магазинов появляется новорождённая Книга, и зовут её Безусловная Любовь. Активная и любознательная, она начинает познание себя через общение с окружающим миром: спорит с другими Книгами и предметами, попадает к людям, читается. В своих видениях героиня наблюдает распятого на кресте человека, а затем обращается в девушку по имени Анна — одну из учениц Иисуса Христа. Будучи в облике Анны, Книга узнаёт, что скоро предаст своего Учителя. Возвращаясь в тело Книги, героиня ищет смысл существования в наслаждении настоящим моментом, даже не догадываясь о том, что жизнь её последнего читателя теперь зависит от её собственной жизни.

Я-Книга уникальна тем, что повествование в ней ведётся от лица героини-Книги. Это позволяет почувствовать всё волшебство книжного мира изнутри, а мир людей увидеть необычными глазами книг, живущих на полках книжных магазинов и стеллажах шкафов.

Об авторе: Алексей Самойлов (также известен как Заяц) родился в 1974 году в Москве. Пишет книги с 19 лет, начинал с криминальных драм. Работал в составе коллектива, издающего книги под общим псевдонимом (издано 7 книг). Произведения А. Самойлова публиковались в журналах и районных газетах. А. Самойлов — автор сборника удивительных новелл «Маргарин» (Из-во «Вест-консалтинг», 2008 год), создатель и руководитель литературно-игрового клуба «Антилир» (www.antilir.ru, с 2001 года), главный редактор журнала «УХ» (с 2004 года). Организатор фестивалей, концертов, тренингов, психолог.

Знаешь, есть такое выражение: «человек, как открытая книга...». А существует ли книга, открытая как человек? Открытая, как дверь в еще незнакомый дом, или открытая, как новая звезда, а то и вселенная? Да, существует. И представляется она читателю (а что читателей она выбирает сама, я не сомневаюсь) совершенно обезоруживающе, как может обезоружить только беззащитность: «Я — Книга»

Ты, конечно, начнешь читать легкую сказочную историю так, как привык — складывая слова в предложения и трансформируя их в образы и сюжетные коллизии. Но если ты настоящий Читатель, то быстро откроешь главный секрет книги: она — живая, и сама ведет тебя за линии строк и плоскости страниц, туда, где уже не нужно слов. Ты проникаешь, принимаешь, творишь и растворяешься в незнакомом, но таком приветливом мире. А так ли уж он незнаком? Разве твои поиски, сомнения, встречи, открытия, уходы и возвращения — весь твой опыт бытия и небытия не напоминают тебе Книгу, прекрасную, неповторимую и, главное — открытую? Разве ты не можешь сказать себе: Я — Книга, которая пишется ежеминутно? И ты же тоже хочешь узнать, кто твой подлинный Автор, а кто наполняет твои страницы лишь цитатами? И не возникал ли у тебя соблазн зачеркнуть какие-то строчки или вообще вырвать пару страниц? Хватило ли у тебя смелости, как у героини осознать и озвучить свою главную мечту — быть прочитанной, а значит — отдать себя до последней странички, строчки, буквы...? Найдется ли такой Читатель, который сможет не только отразить тебя как зеркало, но и раскрыть меж

твоих строк такие глубины, о которых ты и не подозревал? И сможешь ли ты ему довериться? А вдруг его привлечет лишь эффектная обложка?

Да, это другой мир. Но может, именно там мы научимся делать то, что пока еще не очень получалось в нашей жизни — искать, дарить, удивляться, смеяться, возмущаться, спорить — жить — открыто. В полный разворот. Всей душой. Всем существом. И свободно путешествовать между любимыми мирами, которые отныне станут гостеприимными.

Где странствует сейчас твоя душа, кто ты в этот ускользающий момент ускользающего мира? А ты — одновременно и целое, и частица бытия — и человек, и книга, и автор, и читатель, и даже идиот... Учитель и ученик, предающий и преданный... Ты — разные воплощения Любви, которой так трудно открыться, потому что она — бесконечность, а значит, и неизвестность... и дух захватывает, и ноги не чувствуют опоры, и тень распятия надвигается прозрачно, но неотвратимо, и жар костра уже не согревает, а обжигает — но когда чувствуешь в своей руке теплую, маленькую и такую сильную руку главной героини книги — ничего не страшно...

Лидия ГОРДЕЕВА

ЗАГАДОЧНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ ПУШКИНА

Как счастлив я, когда могу покинуть
Докучный шум столицы и двора
И убежать в пустынные дубравы,
На берега сих молчаливых вод.

О, скоро ли она со дна речного
Подыметса, как рыбка золотая?

Как сладостно явление ее
Из тихих волн, при свете ночи лунной!
Опутана зелеными власами,
Она сидит на берегу крутом.
У стройных ног, как пена белых, волны
Ласкаются, сливаясь и журча.
Ее глаза то меркнут, то блистают,
Как на небе мерцающие звезды.
Дыханья нет из уст ее — но сколь
Пронзительно сих влажных синих уст
Прохладное лобзанье без дыханья —
Томительно и сладко; в летний зной
Холодный мед не столько сладок жажде.
Когда она игривыми перстами
Кудрей моих касается — тогда
Мгновенный хлад, как ужас, пробегает
Мне голову, и сердце громко бьется,
Томительно любовью замирая.
И в этот миг я рад оставить жизнь —
Хочу стонать и пить ее лобзанье —
А речь ее... Какие звуки могут
Сравниться с ней — младенца первый лепет,
Журчанье вод, иль майский шум небес,
Иль звонкие Бояна Славья гусли.

Это стихотворение написано Пушкиным в 1826 году при отъезде из Михайловского. Помечено: «23 Nov(embre). С(ело) Козаково» (на пути в Москву), и проставлены инициалы «E.W.» Во всех изданиях, включая академическое, считается, что это набросок монолога Князя из будущей «Русалки».

В Полном собрании сочинений Пушкина (издание IV-е, «Наука» Л. 1977) этому стихотворению даже отказано в праве на самостоятельное существование — оно помещено в V-ый том в драматургический раздел «Ранние редакции»: «... К первоначальному замыслу «Русалки» относится напечатанный 23 ноября 1826 года отрывок...».

Далее идет текст стихотворения. Здесь не только явная опечатка (вместо «написанный» — «напечатанный!»), но и ничем не обоснованные утверждения, что это «отрывок» и что он относится к замыслу более позднего незавершенного драматургического произведения, автором, кстати, никак не озаглавленного...

Сколько неточностей в одной фразе!

Но, как говорится, закон обратной силы не имеет. Появление «Русалки» (1832) не должно «давить» на восприятие стихотворения 1826 года! По содержанию оно целиком самостоятельно, по форме, в сущности, завершено и явно относится к собственно пушкинской лирике.

Князь появится потом. Сейчас перед нами Пушкин. Его лирическое стихотворение, глубоко личное, чуть ли не интимное, необыкновенно смелое для своего времени и загадочное. Любовь к русалке? Да и к русалке ли? («у стройных ног» — откуда у русалки ноги?). Скорей — к женщине, к утопленнице, к призраку во плоти!

Что за этим кроется?

Ходасевич уверенно пишет, что Пушкин «автобиографичен насковзь... В весьма многих случаях автобиографический материал Пушкиным тщательно замаскирован... автобиография зашифрована ради сокрытия ее от глаз и пересудов современников: такова, в особенности, «Русалка».

Думаю, что Ходасевич прав. Добавлю лишь, что стихотворение «Как счастлив я» тем и отличается от будущей «Русалки», что оно лирическое, обнаженное, оно предшествует драматургической «маскировке, шифровке».

Чтобы почувствовать собственную тайну этого стихотворения, надо читать его свободно, свежими глазами.

Это стихи о мучительной и необычной страсти. Нет ни намека на какую-то трагедию, на муки совести или на возмездие. Нет и младенца. То ли воспоминание о погибшей (утонувшей) любимой, то ли видение, сон, наваждение. И начинаются-то стихи с выражения собственного настроения. Действительно Пушкин рвался в столицу из Михайловской ссылки, а вырвавшись, очень скоро... захотел вернуться! 15 сентября он пишет из Москвы П.А. Осиповой: «Москва шумна и занята празднествами до такой степени, что я уже устал от них и начинаю вздыхать по Михайловскому...» Скажете, эпистолярная любезность? Но вот что он пишет Вяземскому 9 ноября из Михайловского: «Вот я в деревне (...) Деревня мне пришла как-то по сердцу. Есть какое-то поэтическое наслаждение возвратиться вольным в покинутую тюрьму (...) Милый мой, Москва оставила во мне неприятное впечатление...»

Потому стихи и начинаются с личного признания:

Как счастлив я, когда могу покинуть
Докучный шум столицы и двора
И убежать в пустынные дубровы,
На берега сих молчаливых вод.

Примерно через год в стихотворении «Поэт» Пушкин почти дословно повторяет:

Бежит он, дикий и суровый,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...

Почему же в первом случае считают, что это Князь, а не сам поэт? Отметим еще переключку с наброском 1926-го года:

Там на берегу, где дремлет лес священный.
Твое я имя повторял;
Там часто я бродил уединенный
И в даль глядел... и милой встречи ждал.

Стихотворение «Как счастлив я...» развивается в лексическом русле пушкинской лирики, именно пушкинской, а не «чужой» (когда поэт вживается в образ того или иного персонажа). Об этом говорит и невольная автореминисценция. В стихотворении «Ночь», написанном ранее, уже была строка: «... мои стихи, сливаясь и журча, // текут,

● ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ

ручьи любви...». А еще в стихотворении «В степи мирской...» (1827): «сверкая и журча». Здесь же о смерти: «холодный ключ забвенья, он слаще всех жар сердца утолит».

Лишний раз повторю — это «авторское» стихотворение, а не заготовка к монологу героя будущей драмы. Иначе, почему Пушкин при всей своей рачительности не использовал впоследствии ни строки из этого текста для монолога Князя?

Стихотворение существует само по себе, но то, что стоит за ним, безусловно легло в основу «Русалки». Что-то связано с реальными событиями личной жизни поэта. В. Ходасевич (да и многие другие) обращались к Ольге Калашниковой, крепостной крестьянке, от которой у Пушкина родился сын 1 июля 1826 года. Ходасевич пишет: «...Как ни тяжело это высказать, я полагаю, что девушка погибла либо еще до прибытия в Болдино, либо вскоре после этого. Возможно, что она покончила с собой, может быть, именно традиционным способом обманутых девушек, столько раз нашедшим себе отражение в народных песнях и книжной литературе — она утопилась...».

Но, как теперь известно, Ольга была выдана замуж в 1831 году; потеряв первенца Павла, родила второго, Михаила, чьим воспитателем был сам Александр Сергеевич...

Тайна остается. Упомянутые инициалы «Е.В.» (Елизавета Воронцова? Евпраксия Вульф?) ничего не проясняют. К тому же, не видя рукописи, трудно судить какое отношение дата и инициалы имеют к тексту стихотворения. Дата проставлена над текстом и без года — обычно Пушкин так не поступал.

Может быть, с загробным явлением любимой каким-то образом преломилась смерть Амалии Ризнич, его молодой возлюбленной? Кстати, вскоре после ее отъезда из Одессы она родила сына... О ее гибели Пушкин узнал в 1826 году. Сначала «из равнодушных уст я принял смерти весть и равнодушно ей внимал я...» Но впоследствии «аукнулось». Пушкин пишет ряд стихотворений — трагических, страстных, потусторонних:

Приди, как дальняя звезда,
Как легкий звук иль дуновенье,
Иль как ужасное виденье,
Мне все равно: сюда, сюда!..
... Хочу сказать, что всё люблю я,
Что все я твой: сюда, сюда!
(«Заклинание», 1830)

Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —
А с ними поцелуй свиданья...
Но жду его; он за тобой...
(«Для берегов отчизны дальней», 1830)

Стихи эти пишутся, когда Пушкин готовится к свадьбе... И, наконец, не о ней ли, об Амалии, в «Евгении Онегине»? —

Тебя уж нет, — о ты, которой
Я в бурях жизни молодой
Обязан опытом ужасным
И рая мигом сладострастным...

И еще: В «Путешествии Онегина» была строфа:

Я вспомнил речи неги страстной,
Слова тоскующей любви,
Которые в минувши дни
У ног Амалии прекрасной
Мне приходили на язык...

(Пушкин потом написал «У ног любовницы прекрасной», но всё равно в опубликованный текст не включил). Недаром и Елена Зингер в книжке «Явись возлюбленная тень...» (1999 г.) пишет о стихотворении «Как счастлив я...»: «... Возможно, с беспокойной памятью об умершей косвенно связаны самые причудливые видения поздней осени 1826 года. Например, «русалка»... Во всяком случае, есть некая лексическая переключка этого образа со стихами, посвященными Ризнич...».

И не знал ли о ее болезни, не предвидел ли Пушкин еще в 1823 году ее близкую смерть в страшноватых незавершенных стихах:

Придет ужасный час... твои небесны очи
Покроются, мой друг, туманом вечной ночи <...>
В обитель скорбную сойду я за тобой
И сяду близ тебя, печальный и немой,
У милых ног твоих — себе их на колена
Сложу — и буду ждать печально... но чего?
Чтоб силою мечтанья моего...
Вот именно — «силою мечтанья!»

2

Что-то было, какая-то тайна сокрыта за настойчивым возвращением Пушкина к теме загробной, скажем так, любви.

Вспомните слова Русалки:

С той поры,
Как бросилась без памяти я в воду
Отчаянной и презренной девчонкой
И в глубине Днепра-реки очнулась
Русалкою холодной и могучей,
Прошло семь долгих лет...

«Русалка» пишется в 1832 году, как раз через семь лет после смерти Амалии... В более ранней редакции — строки, не вошедшие в окончательный текст, где смерть Амалии как бы накладывается на судьбу Ольги Калашниковой, может быть, грозившей утопиться:

К н я г и н я

Я слыхала,
Что будто бы до свадьбы он любил
Какую-то красавицу, простую
Дочь мельника.

М а м к а

Да, так и я слыхала,
Тому давно, годов уж пять иль больше.
Но девушка, как слышно, утопилась...

Итак, связано ли это возвращение Пушкина к теме русалки с его женитьбой? И нет ли еще какого-нибудь указания на то, как могла продолжаться «Русалка»?

Мне кажется, на оба вопроса следует ответить утвердительно. Обратимся еще к одному стихотворению, которое Пушкин почему-то пожелал хорошенько спрятать. Оно переадресовано... сербскому фольклору и помещено под номером 15 в «Песни западных славян» — якобы русский перевод с французского якобы перевода Мериме с несуществующего оригинала. Пушкин написал это стихотворение после того, как оборвал работу над «Русалкой». Тема не давала ему покоя, и он все-таки дал ей лирическое разрешение в «Яныше королевиче»:

... Там на дне молодая Елица
Водяною царицей очнулась
И родила маленькую дочку,
И ее нарекла Водяницей.

Все идет примерно, как в «Русалке», но есть и продолжение. Князь (то есть, королевич) посылает русалочку за мамой и на следующий день опять приходит:

Рано утром, чуть заря зарделась,
Королевич над рекою ходит;
Вдруг из речки, по белые груди,
Поднялась царица водяная
И сказала: «Яныш королевич,
У меня свидания просил ты:
Говори, чего еще ты хочешь?»
Как увидел он свою Елицу,
Разгорелись снова в нем желанья,
Стал манить ее к себе на берег.
«Люба ты моя, млада Елица,
Выдь ко мне на зеленый берег,
Поцелуй по-прежнему сладко.
По-прежнему полюблю тебя крепко».

Увы, никакого раскаяния, а лишь новая вспышка страсти. Как в стихотворении 1826 года. Для тогдашних драматургических канонов такая «достоевщина» никак не годилась, да и в личном плане была слишком рискованной. Похоже, очень похоже на ту страшную лирику, любовь к умершей... Да еще в связи с женитьбой.

Елица спрашивает: «Каково, счастливо ль поживаешь // С новой любой, с молодой женою?». А Яныш отвечает: «Против солнышка луна не пригреет, // Против милой жена не утешит».

Если вспомним, что Наталья Николаевна вышла замуж не по любви, что в отношениях с мужем она — «склонясь на долгие моления... стыдливо-холодна» и что эти строки Пушкина о ней передатированы, отнесены к более ранним (все это «на всякий случай», ибо такие стихи не отдавались в печать), то зашифрованное окончание «Русалки» в «Яныше королевиче» не покажется невероятным. В силу своей непоколебимой художественной правдивости Пушкин не мог иначе повернуть сюжет своей драмы, предпочел оставить ее «открытой» (как он тоже поступал не раз).

Итак, перед нами три ипостаси: стихотворение «Как счастлив я, когда могу покинуть...» (собственная лирика), затем «Русалка» (художественное преображение темы) и, наконец, «Яныш королевич» (лири-

ческое разрешение незавершенной драмы). Тут и Шекспир, и Достоевский. И даже Фрейд. Но прежде всего — Пушкин. Наше всё.

P.S. П. Анненков в «Материалах для биографии А.С.Пушкина» (с.326-27) пишет, что в рукописи первая сцена «Русалки» помечена апрелем 1832 года, «хотя первые неясные черты драмы встречаются уже в тетрадах 1829 года». Что имел в виду Анненков? Было ли это в канун женитьбы поэта? Комментаторы поправляют Анненкова: «Первоначальный замысел относится к 1825-1826 годам». А, может, все-таки к 1829 году?

О. Муравьева в книге «Мериме — Пушкин» пишет о «Русалке»: «... Возможным источником этого сюжета называют оперное либретто Краснопольского «Днепровская русалка», переведенное с немецкого...». Почему тогда не сослаться и на сагу о Тидреке Бернском (Теодорихе Веронском): «... однажды конунг Вилькин отправился со своей ратью на восток, и пристал он у одной своей земли в Русиланде... вышел на берег и пошел один-одинешенек... Там он встретил красивую женщину, к которой у него явилось желание, и он был с нею. Было то не что иное, как то, что зовется морской женою... Когда он пробыл дома... пришла к нему одна женщина и говорит, что она принесла собой его ребенка. Он отчетливо признал ту женщину...» («Откуда есть пошла земля Русская», том 1, стр. 577-578).

Ох, эти фавулы и сюжеты! Литература из литературы — только бы не из живой жизни... Но дальше О. Муравьева верно замечает, что ссылка поэта на некий источник «Яныша королевича» «является мистификацией, нужной для того, чтобы нарочно «перепутать» свои произведения и переводные». Увы. Мимоходом прикоснулась к загадке и прошла мимо. Интересно отметить, что, говоря о фольклорных мотивах, Муравьева (тоже мимоходом) бросает фразу: «самоубийство покинутой девушки, тоска женатого изменника по прежней любви...» Да, именно тоска (не раскаяние!). Она-то и помешала Пушкину завершить «Русалку». Кстати, О. Муравьева в убедительной и серьезно аргументированной статье «Образ «мертвой возлюбленной» в творчестве Пушкина», слава Богу, не рассматривает «странное стихотворение» 1826 года как предтечу монолога Князя, а осторожно относит его к «словам лирического героя».

Наконец, С. Рассадин в книге «Драматург Пушкин»: «... Считается, что с замыслом «Русалки» связан лирический набросок 1826 года: «Как счастлив я...»... Это подступ к драме, но «докучный шум столицы и двора» — пока что очень свое, пушкинское...». Что значит «пока что»?! Просто «свое, пушкинское».

• ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ

Можно предположить, что в советскую пору это стихотворение упорно приписывалось будущему Князю еще и по той причине, что полагалось оберегать светлый образ великого поэта от подозрений в «некрофилии».

P.P.S. Еще одна деталь, может быть, и не имеющая прямого отношения к разговору. Известно, что 1 января 1824 года Амалия Ризнич родила сына, которого назвала, кстати, Александром! Но Пушкин вне подозрений, он познакомился с ней летом 1823 года, когда, получается, она была уже беременна. Однако этот период проходит под знаком пушкинской любви, недаром страстное стихотворение «Ночь» («Мой голос для тебя и ласковый и томный...») поэт пишет 26 октября 1823 года, то есть когда Амалия чуть ли не на седьмом месяце. Исследователи не сомневаются, что стихотворение обращено к ней. Повторяю, в нем строка «мои стихи, сливаясь и журча...» аукнула через три года в стихотворении «Как счастлив я...»: «... волны //Ласкаются, сливаясь и журча...». Случайно ли?

P.P.P.S. Обнаруживаю вдруг, что в романе-хронике Григория Анисимова «Что в имени тебе моем?..» (Москва. Мусaget. 1998 г.) писатель без тени сомнения и без всяких объяснений относит стихотворение «Как счастлив я...» к памяти об Амалии Ризнич: «... Нет, не забыл он своей любви. С того самого дня, 26 июля 1825 года [на самом деле — 25 июля 1826 г. — К.К.], когда узнал, что Ризнич умерла во Флоренции...»

«Явись возлюбленная тень, как ты была перед разлукой», — зывал он. И тень являлась. Он сидел на берегу Сороти и почувствовал, что кто-то коснулся его кудрей. Перед ним стояла обнаженная женщина. От зелёных её волос исходило сияние.

По его спине пробежал озноб сырой прохлады. Глаза женщины мерцали, как звезды на небе.

Мгновенный хлад как ужас пробегает
Мне голову, и сердце громко бьется
Томительно любовью замирая.
И в этот миг я рад оставить жизнь,
Хочу стонать и пить её лобзанье —
А речь её...».

(И всё-таки не так всё просто. Остаётся какая-то тайна).

Кирилл КОВАЛЬДЖИ

René Maltête. La sirène

• ПИСЬМА ИЗ НИОТКУДА

ГЕОРГ ГЕЙМ

Георг Гейм, представитель раннего экспрессионизма (1887–1912), погиб за два года до начала Первой мировой, когда катался на коньках со своим другом Эрнстом Бальке (друг утонул тоже). У Гейма было издано два сборника стихов — «Вечный день» (1911) и «Umbra vitae», который, как и сборник новелл «Вор», вышел посмертно.

Гейм писал апокалиптические стихи, предсказывая в них как собственную смерть (смерть утопленника), так и мировые войны. В его времена в изысканных альманахах властвовали пейзажные и любовные стишки, сочинявшиеся подражателями Стефана Георге и Рильке. Против такого рода «мертвечины» Гейм со товарищи боролся, выступая в кабаре с чтением собственных «страшных» стихов (Стефана Георге он прямо называл «красивым трупом», «der schone Kadaver»). Гейм находился под огромным влиянием Бодлера, Рембо, Ван Гога и Гельдерлина.

Благодаря Гельдерлину в последние полтора года жизни Гейм стал писать нерифмованным стихом. До этого он писал исключительно пятистопным ямбом (отчасти пародируя засилье этого размера в современной лирике, отчасти превращая его в своеобразную жесткую структуру, не знающую исключений). Унылость и монотонность входят в его поэтику составной частью — внутри этой конструкции властвуют экспрессия и выразительность, доведенная до натуралистического абсурда. На смену греческим героям классицизма и греческим божествам романтизма приходят демонические силы — фавны, лемуры, демоны городов, Ваал, Кибела, корибанты и пр.

По материалам «Шоковой терапии»

(www.shock-terapia.ru)

Ultima Hora*

Ultima hora (лат.) — «последний час».

Синеет ночь. В тюремной тишине
Возносит тяжкий вой к луне глухой
Бедняга, уцепившись на окне,
Как нетопырь в проклятый час ночной.

И руки сквозь решетку выползают,
За шлейф хватая позднюю звезду.
А смерть, жнец гильотины, размечает
Багровую на шее борозду,

Он будет ей на плахе рассечен.
И слепо он на новый день воззрит
В корыте мелком. И смертельный звон
Сырое утро мрачно огласит.

Высокий вяз, растущий у стены,
Зашептывает звон его цепей.
И ранний соловей из тишины
Щебечет глубоко в тени ветвей.

И лунный бог всплывает из лугов
В рассветном серебре. Свой рог большой
Обвив волнами золотых шнуров,
Он тонет в дальней жниве голубой.

Луи Капет

Вкруг эшафота барабанный бой.
Помост, как гроб, полотнищем обвит.
На нем станок. И катафалк открыт
Для тела. Нож блистает белизной.

На крышах флаги красные порхают.
Места у окон скуплены толпой.
Зима. Но здесь народ горяч, как зной.
Он рвется, насаждает. Не пускают.

Шум слышен. Крики ширятся, кипят.
В повозке он, Капет. Покрыт дерьмом,
Обкидан грязью, волосы торчком.

Его с телеги тащат и крепят —
В колодке голова. Удар ножом.
Густую кровь артерии сочат.

Робеспьер

Он блеет, как козел. Глаза таращит
В солому, вниз. Жует мокроту рот,
Сквозь щеки по глотку ее сосет.
И ногу за бортом телеги тащит.

На кочках он взлетает над собой,
И звон цепей, как гулкий бубен, глух.
Веселый смех детей терзает слух,
Их мамы поднимают над толпой.

Щекочут пятки. Он не замечает.
Телега встала. Он глядит вперед:
Там эшафот в конце его встречает.

По серой глади лба стекает пот.
Рот страшную гримасу сжимает.
Ждут крик. Ни звука он не издает.

КАТА

**Κατά [κατά] (др-греч.) — «вниз».*

Багряный гром. Бушующий ревет
Дракон пурпурный — солнце, и хвостом
По вышине небесной глади бьет,
По горизонту, полному огнем.

И белый мрамор вавилонских стен,
Громадных пагод камень золотой
Кошмарным светом повергает в тлен
Секира солнца огненной рукой.

И музыки божественный хорал
Отверстый исторгает солнца рот,
И эхом вторит поднебесный зал,

Тиранна темной ночи он зовет —
Луну, тетрарха, что сквозь млечный шквал
Быков четверку бледную ведет.

Сумасшедшие

Луна взошла из облачной стены.
На прутьях сумасшедшие висят,
Как пауки. Вдоль изгороди в ряд
Блуждающие руки их видны.

Увидим танцы, в окна бросив взгляд —
Бал сумасшедших. Вдруг один ревет
Безумец. Быстро вширь их рев растет,
И стены от рычания дрожат.

Он только что про Юма говорил.
Вдруг в ярости хватает он врача.
Тот весь в крови. Он череп проломил.

Толпа глядит, от радости крича,
Но скоро их прогонит свист бича.
Шмыгнут мышами из последних сил.

Перевёл Антон ЧЁРНЫЙ

ГРЭЙЛ МАРКУС. АНАРХИЯ В СОЕДИНЁННОМ КОРОЛЕВСТВЕ

С этого номера мы начинаем публикацию глав перевода книги Грейла Маркуса «Следы помады: Тайная история XX века» (1989) — с разрешения переводчика Александра Умняшова.

Темы, затрагиваемые в этом исследовании и его главные герои: средневековая ересь (Братья Свободного Духа, Катары, Рантеры), Великая Французская революция (Сен-Жюст), дадаизм (Хуго Балл, Рихард Хюльзенбек, Рауль Хаусманн, Йоханнес Баадер), леттризм (Исидор Изу, Мишель Мур, Жиль Вольман), ситуационизм (Ги Дебор, Рауль Ванейгем, Мишель Бернштейн, Иван Щеглов), поп-культура (The Orioles, Элвис Пресли, Майкл Джексон), британский панк (Sex Pistols, The Slits, The Adverts, X-Ray Spex, The Mekons) и многое другое.

Полностью книга на русском языке ещё не издавалась. Для более основательного знакомства с текстом произведения мы рекомендуем обратиться к блогу переводчика — gileec.livejournal.com.

ПРОЛОГ

Сидящие в лондонском кафе две нарядно одетые женщины с некоторой безразличностью рассматривают мокнувшего под дождем человека. «Это тот самый убогий старик со свистулькой», говорит одна из них. Человек в надвинутой на глаза поношенной шляпе пытается насвистывать “I am an antichrist!” «Прошло семнадцать лет, с тех пор как Монти вытолкнули в сточную канаву из магазина Малькольма Макгрегора “Sex ‘n’ Drugs”...» — так подписана эта картинка из комикса Рэя Лоури о приключениях вышедшего из моды, но когда-то претендовавшего на роль спасителя поп-музыки, Монти Смита.

Прошли годы, но в то время, как я пишу, первые слова Джонни Роттена в “Anarchy in the U.K.” — этот раскатистый взрыв хохота, рвущийся наружу крик, избитые слова, с которых вдруг слезла вся фальшь перед тем, как им выплеснуться на улицы —

I AM AN ANTICHRIST

— остаются самыми убедительными из того, что я когда-то слышал. Слушая эту запись сегодня — слушая, как Джонни Роттен рвет на части эти слова и бросает их миру; вспоминая, с какой сокрушительной улыбкой он пел — я снова впадаю в ступор, пот выступает на лбу, меня трясет. Пит Тауншенд из The Who сказал однажды: «когда слушаешь “Anarchy in the U.K.”, “Bodies” и дальше по списку, в первую очередь тебя торкает то, что это на самом деле происходит. Этот башковитый парень говорит о чем-то, что, как он искренне верит, происходит в мире, говорит об этом по-настоящему злобно, с неподдельной страстью. И это доходит до тебя, пугает тебя — заставляет чувствовать дискомфорт. Как если бы кто-то сказал: «немцы идут! Мы обречены!»

Это всего лишь поп-песня с претензией, когда-то бывшая хитом, дешевая поделка, а Джонни Роттен вообще никто, так, безымянный правонарушитель, чьим самым большим достижением до 1975 года, когда он попал в магазин Малькольма Макларена ни Кингс Роуд, было

приставание на улицах к прохожим. Одна шутка — и вот уже его голос становится чем-то новым в рок-н-ролле, который, в свою очередь, был чем-то новым в послевоенной массовой культуре: голос, отвергающий все социальные факты и в этом отказе утверждающий, что возможно все.

И он остается новым, потому что рок-н-ролл его не догнал. Ничего подобного — ни до, ни после — в рок-н-ролле не случилось, хотя в то время голос этот обращался ко всем и, будучи услышанным, придавал сил. Тогда, как по волшебству, в массовом искусстве стала возможна связь между определенными социальными фактами и определенным звучанием, что приводило к заметным переменам в социальной реальности — и этот голос стал новой гласностью. Бесчисленными глотками он говорил бесчисленные новые вещи. Включив радио, ты не мог не удивляться, и выключить приемник составляло труда.

Сегодня эти голоса по-прежнему цепляют и пугают, как и тогда — местами, потому что их требования все еще не выполнены и актуальны; местами, из-за того, что они однажды замолчали. Sex Pistols были коммерческим проектом и искусственно созданной группой, призванной изменить музыкальный бизнес и заработать на этих переменах — но Джонни Роттен пел, чтобы изменить мир. И это сделали те, кто однажды услышали в его голосе свой. Это можно услышать в тех небольших произведениях, которые остались от них. И, слушая, можно удостовериться: «это действительно происходит». Но голоса со временем заглушаются, ведь нельзя говорить в прошедшем времени: «это действительно происходит». После войн и революций мир не изменился, а мы оглядываемся из времени, когда, как однажды выразился Эйзенхауэр, «это кажется более существенным сейчас, чем тогда, когда это происходило». После требований, которые так кратко сумели выразить Sex Pistols, не изменилось ничего. Потрясение от таких требований, выраженных в музыке, постепенно перешло в ощущение, что все прошло, затерялось в суете дел, что «этого на самом деле не было». Музыка стремится изменить жизнь, а жизнь продолжается, и музыка остается единственным, о чем можно говорить.

Sex Pistols нарушили законы поп-среды, нарушили общепринятое притворство, регулирующее то, что можно услышать и то как на это реагировать. Потому что общепринятое притворство — это то, на чем стоит мир. Идеологические нагромождения воспринимаются как нечто естественное, законы поп-среды становятся законами повседневной жизни: по дороге на работу, дома, на фабрике, в офисе, в кино, при покупке продуктов, при покупке пластинок, при просмотре телевидения, при занятиях любовью, в разговорах, в молчании, в составлении планов на будущее — эту среду музыка Sex Pistols изменяет таким образом, каким каждый отдельный человек меняет свой ежедневный круговорот. То есть музыка связана с человеческими поступками, она ищет им обоснования. Именно так музыка меняет мир.

Элвис Костелло вспоминал, как однажды это сработало, когда он был еще Диклэном Макманусом, программистом, ожидавшим свою электричку до Центрального Лондона. Это было 2 декабря 1976 года, на следующий день после того, как Sex Pistols выступали на ток-шоу, рекламируя альбом, изменивший мир: «Боже, ты видел вчера по телеку Sex Pistols?» Я ехал утром на работу и на платформе все читали газеты с шапками про Sex Pistols, которые произнесли FUCK в прямом эфире. Как будто бы случилась самая неслыханная штука на свете. Вряд ли это можно назвать крупным историческим событием, но то было отличное утро — когда у народа вдруг кровь закипела». Испол-

• ИСТОРИЧЕСКИЙ СЛОЙ

нилась старая заветная мечта — как будто бы Sex Pistols или их новый поклонник, или пассажиры рядом с ним, или само телевидение счастливым образом заново открыли формулу, изобретенную в 1919 году в Берлине неким Вальтером Мерингом, который поставил опыт на бумаге, слово за словом, не обозначая названия игры.

??? Что такое ДАДАяма ???

ДАДАяма это

Значит доехать от железнодорожной станции с помощью двойного сальто

Потом сальто мортале /

Теперь или никогда /

ДАДАяма заставляет

Кровь закипать как

В плавильном котле

Приводит в ярость простой люд /

(немного похожа на бой быков — немного на митинг Красного

Фронта — немного

на Национальную Ассамблею) —

½ позолоты — ½ посеребренного металла

плюс добавочная стоимость

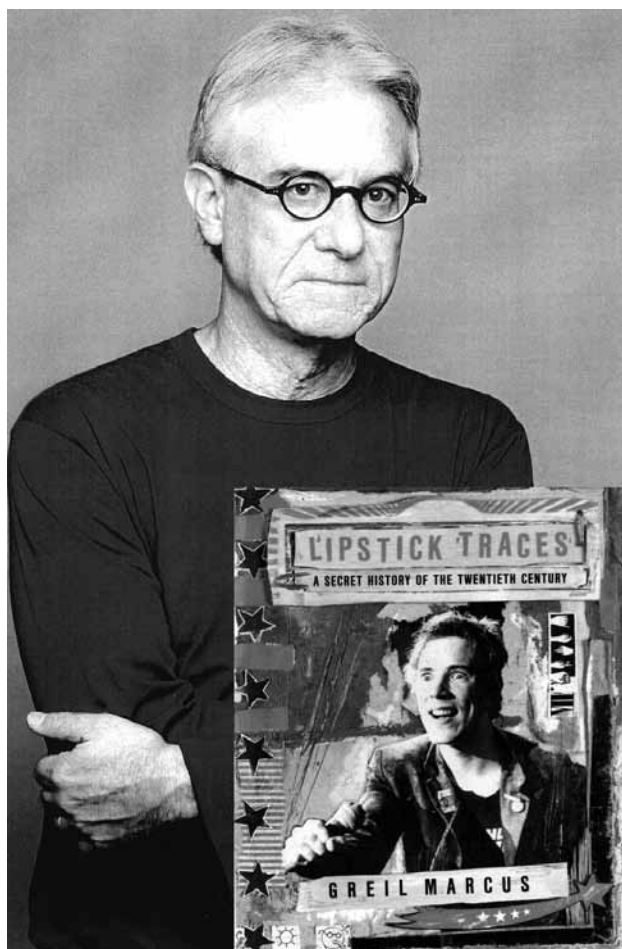
= Повседневная жизнь

∞

Повторяя друг друга через пол века, Костелло и Меринг ставят вопрос, из которого получилась эта книга: ошибка ли называть случай Sex Pistols крупным историческим событием — и что такое вообще история? Является ли историей цепочка событий, которые могут быть проанализированы и оценены — новые организации, новые карты, новые правители, новые победители и проигравшие — или, может быть, это еще и то, что остается от тех мгновений, от которых вроде бы ничего не должно оставаться, ничего, кроме тайны призрачных связей между людьми, разделенными временем и местом, но почему-то говорящими на одном языке? Найти ту важную зацепку, ведущую к пониманию, почему и Меринг, и Костелло говорят о железнодорожной платформе и закипающей крови? Случайное совпадение обычных выражений может быть случайностью, но может намекать и на настоящее родство. Двое говорят об одном и том же, подбирают те же слова, чтобы зацепить самое важное — такое не может быть чистой случайностью. Может быть, тот язык, на котором они говорят, то возбуждение, с которым они это говорят, имеют свою собственную историю. Так почему бы не рассказать другую историю, отличную от той, которую мы знаем?

ВОПРОС

Вопрос этот слишком обширен, чтобы браться за него с наскоку — до поры до времени оставим его, пока он окончательно не сформируется. А пока есть музыка: слушая записи Sex Pistols сегодня, не кажется ошибкой перепутать их с самым важным историческим событием. Слушая "Anarchy in the U.K.", "Bodies", или "This Year's Model" Элвиса Костелло, или "Complete Control" The Clash, или "Boredom" The Buzzcocks, "Oh Bondage Up Yours!" и "Germfree Adolescents" X-Ray Spex, "Wake Up" Essential Logic, "Fairytale in the Supermarket" The Raincoats, "Chairs Missing" Wire, "Never Been in a Riot" The Mekons, "An Ideal for Living" и "Unknown Pleasures"

Joy Division, "Once Upon a Time in a Living Room" The Slits, "At Home He's a Tourist" и "Return of the Gift" Gang of Four, "Kerb Crawler" Au Pairs, "Ü" Kleenex и (после того, как Кимберли и Кларк сменили название) "Split" и "Eisiger Wind" Liliput, "Crossing the Red Sea with the Adverts" The Adverts (где на обложке изображена мазня вокруг фото-коллажа посередине, в котором помещен биллборд на фоне многоэтажки с надписью «земля изобилия»; звучание же с самого начала — миллениаристкое, ведущее слушателя то ли в землю обетованную, то ли в пустыню на сорок лет) — слушая все это сейчас и, особенно, The Roxy London WC2 (Jan-Apr 77), плохо записанную концертную подборку, где на фоне застольных разговоров и бьющейся посуды можно расслышать разные группы, которые еще до Джонни Роттена объявляли себя антихристами, но которые давно забыты всеми, включая тех, кто их гримировал — слушая все эти остатки наследия, роясь в этой мусорке с обрезками, на этой полке с уцененным товаром, в распродажах коллекций на блошиных рынках — я трепещу от того, какой же хорошей была эта музыка. И какой хорошей осталась.

Что осталось неизменным в этой музыке, так это желание изменить мир. Желание естественное и простое, но оно движет закаменевшую историю — закаменелость ее выражается в круговороте тех ежедневных поступков, на которых зиждется мир. Это желание начинается с требования не жить как объект, но жить как субъект истории — жить так, как будто что-то зависит от действий отдельного человека — и это желание высвобождается на свободной улице. Проклиная Бога и государство, работу и досуг, дом и семью, секс и спектакль, публику и саму себя, музыка вскрывала ненатуральность всех этих идеологических нагромождений, которые нужно изменить или с ними покончить. Стано-

вилось очевидным, что это лишь дурные шутки, а во время музыки это казалось шуткой еще большей. Музыка становилась тем «нет», которое превращалось в «да», а затем снова «нет» и снова — «да», так как нет ничего правдивее нашего убеждения в том, что поставленный перед нашим запросом мир обнаружит свою фальшь. И если ничто не было истиной, то возможно было все. И в этой поп-среде, в пространстве, сгенерированном самим обществом, чтобы породить и уничтожить условности — здесь, где у такого как Джонни Роттен, не было шанса быть услышанным, все правила были отменены. В заявлениях о том, что поп-музыка есть нечто несущественное, можно было услышать, что поп-музыка вообще никогда не существовала.

После нелепых воззваний Джонни Роттена — в каком-то смысле он с самого начала и был тем убогим стариком, пытавшемся высветить свою бредятину (“I want to destroy pass-ers-by” — хрипел Антихрист, зачитывая текст из своей грязной листовки, а ты в это время обходишь бродягу стороной) — подростки стали выкрикивать философию, хулиганы творить поэзию, женщины — развеивать мифы о женщинах. Приличная еврейская девушка по имени Сюзан Уитби стала называть себя Лора Лоджик и вышла на сцену Roxу в слепой жажде насилия и смуты. Крик стоял поверх стиха, мелодии, ритма, гармонии, бита — тот крик, что стал первопричиной выступления, иногда даже единственной причиной. Затаянные богохульства, замолчанные проклятия, содержавшие в себе похороненные желания, отливались в семидюймовые пластинки, с той уверенностью, что кто-то услышит и расшифрует те коды, о которых не подозревали сами ораторы.

Мне стало интересно, откуда доносится этот голос. Из определенного времени — начала 1975 года, из определенного места — Лондона, затем повсюду в Британии, и дальше по городам и весям всего мира. Отрицание истинности существующих социальных фактов, переходящее в утверждение возможности всего. «Я увидел Sex Pistols, — говорил Бернارد Самнер из Joy Division (а позже, после самоубийства лидера группы, — из New Order) — и они были отвратительны. Но мне показалось, что они прекрасны. Мне захотелось стать таким же гадким». Исполнители дурачились, низвергали предков, плевались в зрителей, а те плевались в ответ. Мне стало интересно, что есть причина такого поведения, ведь это были, в конце концов, не художественные жесты, а коммуникативные и, в любом случае, уместные, хотя и необычные. Я много знал о рок-н-ролле, но ничего не знал об этом. Этот голос и эти жесты — сами ли они по себе такие, или чем-то побуждаются? И если побуждаются, то чем?

ДВАДЦАТИ

Двадцатидвухлетний человек перед микрофоном объявляет себя демоном-разрушителем и переходит к действиям — не оставляя камня на камне вокруг. Он со смехом отрицает устои своего общества, а затем истребляющей чередой гласных так бурит скважину истории этого общества, что это уже чистое наслаждение. Он низводит западную цивилизацию к нескольким партизанским аббревиатурам, а английские луга — к блочным многоэтажкам. «Наша архитектура настолько банальна и противоестественна, что сам поход на работу представляется тяжким испытанием. Улицы или запущены, или расфуфырены, или совсем узкие, вокруг уродливый бесцветный бетон, а лестничные пролеты социальной инженерии наводнены дерьмом, рванью и граффити. Все жмутся по углам. Ни у кого нет чувства локтя,

старика умирают в одиночестве и отчаянии. Уровень нашей жизни чрезвычайно низок» — такое говорил вовсе не Джонни Роттен, записавший в 1976 году “Anarchy in the U.K.”, а «Святой Боб» Гелдоф (чуть-чуть не дотянувший до Нобелевской премии в 1986-м за организацию кампании против голода в Африке) в 1985-м, просто пересказавший “Anarchy in the U.K.” своими словами. Выглядящая язвительной бессмыслицей песня именно об этом, хотя в исполнении Sex Pistols слышатся не проклятья, а радость:

Is this the em pee el ay
Or is this the yew dee ay
Or is this the eye rrrrrrr ay
I thought it was the yew kay
Or just another
Country
Another council tenancy!

Было впечатление, что рушится город. В этой размеренности и нарочитости слова прыгали друг за другом с такой скоростью, что невозможно их было вычленивать по отдельности, было слышно лишь как дробятся социальные факты — когда Джонни Роттен грассировал своими rrrrrr, было ощущение, что вместо зубов у него одни обломки. Это были нерасшифрованные коды: кто знал, что такое MPLA, да и кому это интересно? Это шутка, крушащая мир. Ощущение свободы. Это свобода — написать песню, услышав новость о том, как подросток Бренда Спенсер пришла в школу и застрелила трех одноклассников, просто потому что не любила понедельники. Боб Гелдоф так однажды и поступил.

“I Don't Like Mondays” стала хитом номер один в США, восстановив право Бренды Спенсер на правый суд. Плохо другое — была ли песня, наподобие этой, сущностью того «панка», корни нигилизма которого якобы шли от Sex Pistols? Сущностью чего? Записанные интервью Гелдофа, толкующего “Anarchy in the U.K.”, и Роттена в 1976-77 гг. — беспристрастные свидетели: и хищный Джонни и святой Боб оба цитируют сюрреалиста Луиса Бунюэля, который, как пишет Полин Кейл, «однажды отозвался о тех, кто восхвалял «Андалузского пса», как о

• ИСТОРИЧЕСКИЙ СЛОЙ

«толпе идиотов, считающих фильм великолепным и поэтичным, тогда как он, по существу, гнусный и горячий призыв к убийству».

Речь идет о нигилизме, но "Anarchy in the U.K." — поклонник предпочтет воспринять это так — была нечто иным: шалостью отрицающего. «Anarchy in the U.K.» — это объявление о самоуправлении, о максимальной независимости, о «сделай-это-сам» — говорил менеджер Sex Pistols Малькольм Макларен и, что бы это ни значило (что «сделай сам»?), это не было нигилизмом. Нигилизм — это вера в небытие, желание стать ничем: забвение — вот его преобладающая страсть. Лучше всего это отображает серия фотографий Ларри Кларка "Tulsa", на которых молодежь 60-х вусмерть обкалывается вместо того, чтобы превратиться в местных Чарли Старкуэзеров и Кэрил Фьюгейт, на которых они очень похожи. Нигилизм может найти свой голос в искусстве, но никогда — удовлетворение. «Это тебе не игрушки, Ларри — говорила Кларку одна из участниц его фотосессий — это самая настоящая чертова жизнь». «Да, для многих это были совсем не игрушки, но не для меня» — позже вспоминал Кларк, хотя сам тоже принимал участие, ставя фотоаппарат на автоспуск и снимая струящуюся у него по руке кровь.

Нигилизм способствует замыканию мира на собственном самоуничтожении, но отрицание дает возможность убедиться, что мир не есть то, чем кажется; а когда отрицание абсолютно, то оно предполагает возможность обращение мира в ничто, возможность нигилизма наравне с творением занять расширенную территорию. Нигилист, не важно, сколько людей он или она переубивает, всегда солипсист: кроме него ничего не существует, лишь его мотивы имеют значение. Когда нигилист спускает курок, давит на газ, разжигает огонь, бьется лбом — мир заканчивается. Отрицание всегда поступок политический, оно признает существование других людей, призывает их быть. Тем не менее, методы отрицающего — настоящее или символическое насилие, богохульство, разгул, хамство, оскорбление — остаются методами нигилиста. Как отрицание, "Anarchy in the U.K." может быть объяснено в этих интервью: стремясь доказать, что мир не то, чем кажется, отрицающий понимает, что для других мир искажен. Но когда в октябре 1977 года — год без месяца после "Anarchy in the U.K." — вышел четвертый и последний сингл Sex Pistols "Holidays in the Sun", о таких трактовках уже не могло быть речи.

К ТОМУ ВРЕМЕНИ

К тому времени, когда бесчисленные новые группы публичных ораторов уже декларировали свои требования невозможного, Sex Pistols оказались запрещены повсюду в Британии. Разжигая страсти по поводу общественного порядка, даже — общественной безопасности, городские власти отменяли их концерты, а магазинные сети отказывались продавать их записи. А те пластинки, что можно было достать, EMI (первый лейбл Sex Pistols) самолично изъяли из продажи и уничтожили, после того fuck в прямом эфире, который произвел такое впечатление на Диклэна Макмануса. Патриотически настроенные рабочие бойкотировали следующий сингл "God Save the Queen", трехминутный бунт против серебряного юбилея Елизаветы II, а A&M (второй лейбл Sex Pistols) стерли пленки. В конце концов вышедший на Virgin (третий лейбл) "God Save the Queen", был вычеркнут из хит-парада BBC, а первое место осталось пустым, так что возникла совершенно дикая ситуация, когда самая популярная песня оказалась запрещена. Пресса нагнетала панику ради газетных продаж, но настоящая паника началась позже, когда Парла-

мент объявил Sex Pistols угрозой британскому образу жизни: социалисты клеймили их фашистами, а фашисты — коммунистами. Джонни Роттена подстерегли на улице и порезали ножом, другого члена группы также выследили и избili строительным ломом.

Сама группа была запрещена. В конце 1975 года, когда они, в качестве разогрева, впервые вышли на сцену, то испортили вечер и другой группе, потому что пробки полетели уже через десять минут. Теперь же им приходилось выступать без рекламы и под другим именем. Сама бессодержательность той среды, которую они высветили — нарастание шума новых голосов снизу, усиление хулы сверху, и борьба обеих сторон за обнаруженную территорию — привела их саморазрушению и к прекращению нигилистического шума.

В этой среде для Sex Pistols с самого начала была перспектива — одна из троп, ведущих на свободную улицу. Но в их музыке зияла черная дыра, своенравная страсть к разрушению иерархии ценностей, с которым никто не мог смириться — вот почему, с самого начала Джонни Роттен был едва ли не самым пугающим певцом из тех, кого знал рок-н-ролл. И в конце эта агрессия приняла иную форму: наверное, никто до сих пор не постиг всю глубину "Holidays in the Sun", да и вряд ли кто сможет.

Они начали так, как будто бы у них была целая концепция: в "Anarchy in the U.K." они проклинали настоящее, а в "God Save the Queen" дошли до того, что проклинали разом прошлое и будущее. "NO FUTURE" —

NO FUTURE, NO FUTURE

NO FUTURE FOR YOU

NO FUTURE, NO FUTURE, NO FUTURE

NO FUTURE FOR ME

— так звучал саркастический напев в конце песни. "No future in England's dah-rrreeming!": английская мечта о славном прошлом, олицетворяемая Королевой, «идiotкой», основной туристической приманкой, стержнем экономики, основанной на пустоте, мазью от зудневной чесотки английского общества по Империи. «Мы это будущее, — кричал Джонни Роттен, представая уголовником, беглецом из психбольницы, пещерным человеком — ваше будущее». Изображенные в прессе глашатаями нового молодежного движения Sex Pistols отвергли эту роль посредством "God Save the Queen". Каждое молодежное движение представляет себя неким займом на будущее и требует его немедленного обеспечения, но когда в перспективе нет никакого будущего, займы аннулируются.

Sex Pistols были больше, чем вступление к исправленному изданию социологического исследования о британской послевоенной молодежной субкультуре — насколько больше, вероятно можно понять, прочитав фрагмент, ставший частью коллажа на обратной стороне первого сингла The Clash "White Riot / 1977": «В обществе появляется некая напряженность, когда сокрушительный натиск доводит промышленность до застоя или до баррикад на улицах, и это годы спустя, после того, как либералы отказались от «устаревшей романтики, — пишет кто-то, не указавший ни своего имени, ни времени написания статьи — журналисты выдумали теорию, что это ведет к конфликту между поколениями. Молодость, как ни крути, это не длительное состояние, и конфликт между поколениями не так опасен для государства, как конфликт между управляющими и управляемыми». Так, может быть, именно этим стали Sex Pistols: конфликтом между управляющими и управляемыми. И хотя вторая лондонская

• ИСТОРИЧЕСКИЙ СЛОЙ

группа — The Clash — всегда разгадывала загадки Sex Pistols, и это очевидно, но — лишь единицы из услышавших “God Save the Queen” слышали ее.

Разрушительное омерзение в голосе Джонни Роттена (“We love our Queen / We mean it, man / God save” — так заканчивалась строчка), ослепляющая непримиримость музыки, превращающей непримиримость в самостоятельную, всеобъемлющую ценность: своим звучанием “God Save the Queen” выдвигала требования, которые ни одно правительство не могло удовлетворить. “God save” было спето с такой интонацией, что ни о каком спасении не может быть речи. Гитара вспарывала напополам и песню, и того, кто ее слушал.

Что осталось в итоге? Вероятно, маскарад: со своим третьим синглом “Pretty Vacant” Sex Pistols восстают из многовековых могил Лоллардами, последователями средневековой британской ереси, приравнявшей работу к греху и отрицающей то и другое. В Библии сказано, что работа — это кара Господня за первородный грех, но то была не Библия Лоллардов. Они утверждали совершенство Бога, а, поскольку мужчины и женщины — Его творение, то и они безгрешны. Но, работая, люди отдаляются от своей изначальной природы, отказываясь от Богом данной независимости в пользу Великих Мира Сего, в пользу лжи, что мир был сотворен на радость избранным. Такие убеждения были опасны для четырнадцатого века, и может показаться странным искать их в поп-песне века двадцатого, но кто знает, о чем возопят похороненные желания?

«Мы не могли предположить, что дела обернутся таким образом, — говорил Бернард Родес, в 1975 году один из партнеров Малькольма Макларена по магазину Sex, а позже ставший менеджером The Clash — у нас не было манифеста. Не было книги правил, но мы надеялись на то... На меня очень повлияла первая купленная мной пластинка Джеки Уилсона “Reet Petite”. Мне никогда не было особой надобности объяснять кому-то, о чем это все... В 75-м я слушал радио и там какие-то эксперты балаболели о том, что будет, если к 1979 году число безработных возрастет до 800,000 человек, и один парень сказал, что это будет хаос и анархия на улицах. Вот они — корни панка. И один знал об этом».

Социалисты, вроде Бернарда Родеса, знали об этом, но про Малькольма Макларена и его друга Джимми Рейда, до магазина Sex — издателя-анархиста и художника-плакатиста, такое трудно было подумать. К июлю 1977 года, когда вышел “Pretty Vacant”, безработица в Британии возросла до невероятного миллиона и панк-группа “Chelsea” выразила к этому свое отношение в протестном сингле “Right to Work”. Но Джонни Роттен не знал языка протеста, на котором толкуют те, кто ищет лишь удовлетворения жалоб и требует власти с мольбой в голосе, тем самым признавая законность власти вообще — и это было не о том. В “Pretty Vacant” Sex Pistols объявили о праве не работать и о праве отвергнуть те ценности, что с работой связаны: терпимость, амбиции, почтительность, умеренность, честность, надежда, прошлое, за которое Бог повелел работать, и будущее, которое надо строить работой. «Ваш Бог ушел, зайдите в другой раз» — пел Джонни Роттен в “No Feelings” на «В»-стороне первого и уничтоженного тиража “God save the Queen”. По сравнению с социологией Родеса Джонни Роттен говорил на неизвестном языке. Вместе с миллионом безработных Sex Pistols самодовольно уселись на дороге и сплюнули: “We’re pretty / Pretty vacant / And we’re don’t care”. На тот момент это была их самая забавная запись и самая профессиональная по звуку, более похожая на Beatles, чем на дорожную аварию, но высунутый язык Джонни Роттена к концу песни

покрылся болячками: как и на предыдущих синглах, “Pretty Vacant” заставил замолкнуть смех слушателя и им подавиться.

Таким был проект — Бог и государство, прошлое, настоящее и будущее, молодежь и работа: все это имело отношение к Sex Pistols в тот единственный год, который они провели в хит-парадах. И остались лишь “Holidays in the Sun” — заслуженная свобода, геополитическая и всемирно-историческая, распространившаяся на гораздо большую территорию, чем та, на которую смогли в свое время ступить Sex Pistols.

ОБЛОЖКА

Обложка была завораживающая: на лицевой стороне был помещен комикс, изображавший группу туристов, отдыхающих на пляже, в ночном клубе или совершающих свой отпускной круиз по Средиземному морю, а в облачках для реплик Джимми Рейд вместо рекламных текстов приписал слова Джонни Роттена, которые тот пропевал на пластинке: «дешевый отпуск за чужой счет!». На обратной стороне была изображена идиллическая сцена семьи за обедом — фотография, которую Рейд сопроводил приклеенными подписями: «хороший образ», «хорошая мебель», «хорошая комната», «хорошая женщина средних лет», «хороший мужчина средних лет», «хорошая пища», «хорошая фотография», «хороший юноша», «хорошая девушка», «хороший знак» (хороший юноша держит за руку хорошую девушку), «хорошенькая маленькая девочка» (она высунула язык), а под изображением — «хорошая обложка». «Я не хочу отпуска на море», — начал Джонни Роттен — «я хочу съездить в новый Белзен».

И он поехал. Поехал в Германию, с группой марширующих туристов, окружавших его, словно видения нацистского лагеря смерти, которые для англичан все равно, что Освенцим для американцев — символ сегодняшнего зла. «Я хочу увидеть историю» — пел он, но история недостижима; сегодня Белзен находится не в Германии, а на территории, которую называют «Восточной Германией» — это больше похоже на идеологическое нагромождение, чем на местность. И вот Джонни Роттен стоит у Берлинской Стены, около этого идеологического нагромождения, символизирующего разделение на две социальные системы, правящие миром — миром, который представляется сейчас гораздо более существенным, чем когда-либо.

Джонни Роттен стоит у Берлинской Стены. Люди смотрят на него и ему это не выносимо; шум марша все ближе и это также невыносимо. Люди теряют терпение, а он начинает кричать: ему необходимо перейти за стену. Неужели там — настоящие нацисты? Неужели Восточный Берлин — прообраз того без-будущего Запада, который он предрек? Он не может остановиться, ему надо это увидеть. Может быть, он даже не знает, о чем он поет, но музыка нарастает, давит на слух подобно гнетущей неизвестности в произведениях Эдгара По. Голосу Джонни Роттена подвластны такие дьявольские ухищрения, что слова слетают с губ, не успев оформиться в языке. Не совсем ясный смысл песни способен напугать, свергнуть и оставить в замешательстве. Время и место условны, ты перемещаешься по карте и попадаешь в никуда. Любая аналогия здесь условность и неопределенность.

Перевёл Александр УМНЯШОВ.
Продолжение в следующем номере

ПОЧЕМУ ЛЮДИ НЕ ЧИТАЮТ?

Размышляя над статьей «Литературные излишества» в «Ъ-Деньги»

Все больше и больше моих друзей заявляют мне: «Я вообще не читаю художественную литературу». А раньше — читали. Да что читали — зачитывались. И наоборот. Кто в детстве читающим ребенком не был, сейчас с радостью мусолит низкопробную литературу.

Пока я вижу две причины сокращения читающих людей. И первая — решение проблемы структурирования времени и переход к его нехватке. Нашим родителям тоже было некогда, да и нас нагружали и в школе, и в институте. Но время на чтение находилось всегда. По две-три книги в неделю глотали запросто. Однако с появлением компьютера я и за собой замечаю — времени на чтение уходит катастрофически много.

Сегодня открыла книгу, которую очень хочу прочитывать, и ужаснулась: 35 а.л.! Это же надо два дня по 16 часов, и не меньше! А мне некогда, мне надо и работать, и писать, и редактировать, и еще пообщаться хочется, и обед приготовить, и ЖЖ посмотреть. Ну или 16 дней по два часа, но это же на два часа раньше надо бросить все дела, чтобы не клевать носом над книгой! А я хочу прочитывать не одну книгу, а 10, 20, 100 и более! И в то же время, прочитанного мною за день — очень большой объем. Но не художественной литературы — статей и учебных материалов. Иногда — конспектов. Как я полюбила конспекты, кто бы знал! Они экономят столько времени!

В таком «конспекте» я и прочитала интересную мысль: «восточноевропейский читатель имел достаточно времени, в то время как его западноевропейский коллега занимался проблемами «инвестирования времени». Иначе говоря, он сначала думает, сможет ли та или иная книга обогатить его инвестирование времени» (Из интервью Дубравки Угрешич). Очень страшно звучит: «инвестирование времени». И вместе с тем, это очень похоже на правду. Вот я хочу стать хорошим писателем. И каждая прочитанная мною страница — инвестирование времени в осуществление этого желания. Я глотаю статьи и книги о том, как надо писать, — десятками и ежедневно. Я стараюсь читать только классику и хороших стилистов, потому что мне надо учиться. И при этом меня очень тяготит чтение с экрана! А в е-буке нельзя делать пометок. Иногда я позволяю себе смотреть кино, но и это зачастую — инвестирование времени, потому что я выбираю фильмы не для души, а для анализа сценария. Кстати, фильмы отнимают времени меньше, чем книги.

И, я заметила, читать перестали те мои друзья, кто стремится к росту, кто постоянно учится, набирает квалификацию — неважно, в какой области. На чтение не только нет времени — в чтении нет смысла. В том же самом интервью Дубравки Угрешич написано и об этом. Нет побудительных мотивов для развития духовного.

А интерес? А отдых? Я перестала получать удовольствие от чтения. Как это произошло? А на то есть вторая причина: катастрофа на книжном рынке. Глубокий кризис, который начался задолго до кризиса экономического.

Издатели (и писатели) могут сколь угодно ссылаться на то, что люди перестали читать, что читатель вырождается и прочее. Замечательная статья в «Ъ-Деньги» «Литературные излишества» рисует мрачную картину. Российский бизнес, воспитанный в 90-е годы, не

имеет никакого опыта работы с долгосрочными вложениями. Сроки окупаемости наших проектов — месяцы в самом тяжелом случае. Инфляционные ожидания и отечественные риски делают привлекательными лишь те проекты, которые приносят прибыль 30-50% годовых, а то и выше. А это ненормально! Норма прибыли свыше 15% годовых — это исключение в здоровой экономике. Для долгосрочных (капитальных) вложений нормальна отдача около 8% годовых. Наша экономика нездорова с самого начала и до сегодняшнего дня, хотя скоро двадцать лет, как мы идем к капитализму. Никто не строит заводов — кроме тех, что можно окупить за полгода. Никто не вкладывается в прикладную науку, в производство средств производства, в металлургию, энергетику — то, что является базисом любой экономики. Мы в лучшем случае производим средства потребления, но и их производим так, чтобы скорость оборота измерялась месяцами. Почему? Потому что сырьевому придатку развитых стран не нужен базис. Это не от глупости отечественного предпринимателя. Это — законы рынка, повернутые против нас. Наш рынок развивается по законам рынка, характерным для третьих стран.

И издательский бизнес — всего лишь часть рынка, который диктует необходимость быстрого оборота денег с высокой нормой прибыли. Иначе нет смысла в него вкладываться. И что в результате? А в результате издательский бизнес идет по пути наименьшего сопротивления (как и любой бизнес). А именно: минимальными затратами срубить как можно больше денег. И мы приходим к тому, о чем нам написал «Ъ-Деньги» — за год около 130 тысяч новых наименований книг, из которых куплена только треть. При этом ни одного настоящего бестселлера с миллионным тиражом.

«Зачем издатели загоняют себя в такую лузу, печатая малыми тиражами огромное количество никому не нужных книг, понять довольно трудно» — пишет «Ъ-Деньги».

Да потому что это безрисковое получение прибыли! Метод «издать абы что» рассеивает риски, не требует вложений в рекламу. Ассортимент всегда делает выручку. Еще лучше — когда автор сам готов оплатить тираж и его рекламу (статистики нет, но, насколько я понимаю, крупные издательства не брезгают этим способом).

Откройте изданную и продающуюся (теперь и в метро!) книгу незабвенной мною Ольги Мяхар. Ну не дают мне покоя ее книги, не дают! И скажите: что делал редактор издательства, когда эти книги выпускал? Он ЭТО хотя бы читал? Если читал, то почему не правил ошибки: грамматические и стилистические? Где в это время был корректор? С какого перепуга редактор решил, что эта полнейшая лажа будет востребована читателем? Потому что весело? А как насчет стилистики там, литературного мастерства, таланта наконец?

Как издатель определяет прогноз продаж? Да очень просто, по рейтингам этих продаж. Какая тема востребована, то и будем издавать. Быстро-быстро-быстро, чтоб успеть в струю. Обалдели? Где их учили маркетингу? Где их учили филологии и литературоведению? Все, что делается, делается по-русски — «на шару», что называется. Издатели не вкладывают денег в изучение рынка и спроса, не проводят исследований психологии восприятия читателем книги, не интересуются опытом западных коллег — и после этого на голубом глазу заявляют: «Никогда нельзя угадать заранее, какая книга станет бестселлером!». Можно угадать. Для этого надо потратить время и деньги. Завести сотню-другую бета-тестеров, добавить в штат психологов, повысить маркетинговую подготовку редакторов и литературную — маркетинго-

гов. Почитать немного книг на тему, какие книги становятся бестселлерами. И работать — с хламом, который шлют по электронной почте. До кровавых мозолей на задницах. Что, не хочется? Увеличить время и стоимость предпечатной подготовки. Оттестировать сотню книг на бета-тестерах и издать одну из этой сотни тиражом в 100 тысяч экземпляров, но чтобы эта книга гарантировано продавалась. Вложиться в ее рекламу. Что, страшно проколоться? Гнать тонны макулатуры на полки книжных магазинов проще и выгодней. Работать никто не хочет, платить редакторам никто не хочет, искать таланты никто не хочет. И на все готов ответ: «Это рынок, что ж поделаешь!»

Но что после этого издатель хочет от читателя?

Запад тоже не эталон в этом вопросе, но переводные книги по крайней мере добротны — потому что их для издания из гор графомани выбирают не наши редакторы. И западные авторы не приплачивают нашим издателям за то, чтобы увидеть свои книги на полках наших магазинов.

Итак, во всем виноват рынок. Так и нечего на зеркало пенять — рынок и его сегодняшние законы привели к кризису в издательском бизнесе. Пипл перестал хавать все подряд! Что делать? Бить в барабаны и трубить в трубы? Обвинять во всем электронные издания?

А ведь на самом деле ПРОИЗОШЛО УЖАСНОЕ: ЧИТАТЕЛЬ ПЕРЕСТАЛ ДОВЕРЯТЬ АВТОРУ. Вскормленный сотнями книг, которые невозможно читать, в которых невозможно ориентироваться, которые навязывает ему реклама — читатель больше не хочет жрать то, что ему предлагает издатель. Читатель перестал читать, он стал критиком (убогим и доморощенным), он к каждой книге подходит с меркой: «Что за лагу мне предложат на этот раз?». Такой подход убьет любую книгу, даже хорошую. Появилась привычка оценивать книги по первой главе (а то и по первому абзацу). И маркетологи издательств кричат хором: книга должна захватывать с первой страницы! Иначе ее не продать! Во здорово, открываю я «Братьев Карамазовых», читаю первый абзац и ставлю обратно на полку — что-то не захватывает. Ладно, Федор Михайлович — серьезный писатель, типично не для средних умов. Но Профессор? Открываем первые 150 страниц ВК — что-то не захватывает. Далеко не каждая удачная (в маркетинговом, а не в художественном плане) книга захватывает читателя с первых строк. Зато убогие попытки захватить читателя первым абзацем достали так, что от них тошнит. Что должен чувствовать читатель, когда видит, что его «захватывают»? Да отвращение, что же еще.

«Формат» набил оскомину, от повторов тошнит даже тех, кто ничего не смыслит в литературе и забавляет себя фанфиками. Люди наелись чушью — и ироническим детективом с идиоткой в главной роли, и любовно-эротическими романами, и фэнтезиной с ушастыми эльфами и магическими школами. Потому что все хорошо в меру. Потому что в сотый раз читать одно и то же в разных вариациях — скучно даже убогим.

И я рассуждаю не о литературе «не для всех». Я говорю о добротных книгах, на которых выросла: Стивенсона, Дюма (в лучших его проявлениях), Юлиана Семенова. Где книги уровня презренного мной Гарри Гаррисона? Где уровень Стивена Кинга? Умберто Эко? Одна сплошная Ольга Мяхар.

Книги массового спроса далеко не всегда низкопробны. Я бы сказала, хорошо писать для массового читателя (как и для детей) намного трудней, чем для элиты. И напечатать сто плохих книг проще, чем выбрать из них одну хорошую.

А основной контингент читателей — кто мог бы составить для книжного бизнеса надежную основу для стабильных продаж — просто перестал читать. Те, с кого я начинала: люди, которые раньше глотали по три книги в неделю. Почему? Потому что читать стало неинтересно. Как заметил один читатель с Либрусека (я уже приводила эту цитату): «Читая с настроением «ну и что это чмо болотное ещё понаписало», ничего, кроме тины и ряски Вы из книги не вынесете. Ну, если только ощущение добросовестно скушанного кактуса». Потому что прочитав десяток неинтересных книг не веришь, что есть интересные. Вместо удовольствия, вместо волшебства, которое дарит книга, ищешь в ней ляпы и нестыковки. Я знаю это по себе. И сначала я думала — это только со мной. Нет. Поговорив со своими товарищами, я поняла, что инвестирование времени, конечно, важный фактор в нежелании читать. Но куда как важнее это самое недоверие, отравляющее чтение любой книги. И недоверие это порождено издателями, которые, вместо того, чтобы заниматься своим прямым делом — изыскивать для читателя по-настоящему интересные книги, — гонят «вал по плану», до сих пор наивно уверенные в том, что мы будем хавать любое дерьмо, которое они соизволят вывалить нам на голову. И что мы будем часами бродить по книжным магазинам в надежде отыскать в этом дерьме что-то стоящее. Увы. Все меньше и меньше людей готовы выполнять за редакторов их работу.

Ольга ДЕНИСОВА

Книжные магазины смывают удочки.

ПОВЕ©ТВОВАНИЕ О КОПИРАЙТЕ

Мне подумалось, что не было бы слишком уж большим огорчением даже для ортодоксов, если бы свой рассказ о копирайте © я начал так:

- «1. Как уже многие начали составлять повествования о совершенно известном между нами знаке,
2. Как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Авторского Права,
3. То рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать тебе, достопочтенный читатель,
4. Чтобы ты узнал твёрдые основания того знака, денотатом коего неоднократно пользовался.»

Споры об авторском праве, о «копирайте» и «копифейте», об отношении к пиратам и антипиратским законам и прочих подобных этому вещам в интернете не утихают, причём, как это иногда случалось в других областях, иногда превращаются в споры вокруг знака.

Пора это исправить. И моим скромным вкладом в исправление ситуации будет отделение мух от котлет — то есть знака от его денотата.

Итак, знак © — что это, откуда пошло, зачем появилось и что отражает?

Знак этот, как сообщают нам в различных местах (например, в яндекс-словаре), есть знак охраны авторского права.

Не верьте! «Copyright», простите мне мой английский, означает ничто иное, как «право копирования», т.е., согласно Закону об авторском и смежных правах РФ, только одно из десяти перечисленных в п.2 ст.16 имущественных прав — а ведь есть ещё неимущественные авторские права, включая право признаваться автором! Так что давайте для начала научимся не путать целое (авторские права) с ма-аленькой частью его части (право копирования), а потом продолжим. Научились? Продолжаем. Откуда пошёл ©?

Пошёл он из швейцарского города Женевы. Знак впервые появляется в тексте Всемирной конвенции 6 сентября 1952-го года об авторском праве. Действительно, в третьей статье Конвенции его очень легко обнаружить. На вопрос о том, кто придумал этот знак для включения его в Конвенцию, я ответа не нашёл. Возможно, надо спросить у швейцарцев.

Помимо «откуда» иногда интересно знать различные ответы на вопрос «куда?». Так вот, в частности, в СССР знак © пришёл в 1973 году, как сообщает нам об этом постатейный комментарий к Закону об авторском и смежных правах РФ. Связано это со вступлением СССР в Женевскую конвенцию.

Я провёл маленькое самостоятельное исследование (изучение титульных листов книг своей и отцовской библиотек и опрос участников нескольких ЖЖ-комьюнити), в результате которого установил, что на зарубежных изданиях до 52-го года часто использовалось слово «Copyright» (так, оно есть на штатовских «Робинзоне Крузо» 1909 г., «Miffiin», Cambridge, Massachusetts и «Путешествии Марко Поло» 1939 г., «The Heritage Press», NY), а вот знак действительно появляется не раньше 1952 года.

С советскими изданиями сходная, но не идентичная картина, да ещё с разницей в 21 год. С 1973 года © появляется на переводных и научных изданиях.

Особенно забавным мне показался пример лекций некоего проф. А.К.Черновца, издававшихся ленинградским политехом в 1973 и 1974 годах. Первый цикл лекций сдан в набор, судя по всему, в конце 1972 года, подписан к печати 26 января 73 года, и знака © не несёт. А вот на втором цикле лекций, 74 года издания, Цэ в кружочке красуется там, где ему и положено красоваться. Казус, однако.

А вот на «несерьёзных книжках» © мелькает с регулярностью весьма сомнительной. Так, на (переводном!) «Гулливере» 1991 года (М.: Советская Россия) нашего любимого значка нет.

Теперь — зачем нужен был этот знак? Что мешало швейцарцам и всему мировому буржуинству продолжать писать волшебное слово Copyright?

Женевская конвенция ставила своей целью сгладить противоречия между нормами законодательств стран, охраняющих авторское право без каких либо формальностей, и государств, чьи законодательства таковые формальности предусматривали. Да-да, не удивляйтесь, существовали страны, в которых писатель для регистрации авторских прав должен был идти к нотариусу или в регистрационный орган. Вот, например, пресловутые США.

Штука в том, что ещё до Женевской, существовала Бернская конвенция (кстати, тоже ведь Швейцария!) от 1886 года, которая запрещала требовать от авторов специальных действий для возникновения у них авторских прав. (Существует также т.н. Парижский Акт, вполне Бернскую конвенцию заменяющий). Но существование не означает признания — США Бернскую конвенцию очень долго не признавали.

А в 1989 году Штаты в неё, наконец, вступили. В общем, не прошло и двухсот лет. После этого © стал неактуален, потому что главный противоречащий спонтанному возникновению прав на копирование агент противоречить оному перестал. Вероятно, есть ещё в мире страны, не присоединившиеся к Бернской конвенции (скажем, Латвия вступила в неё в 1995 году) или даже вышедшие из неё, но что они по сравнению с Главным Мировым Ковбоем?

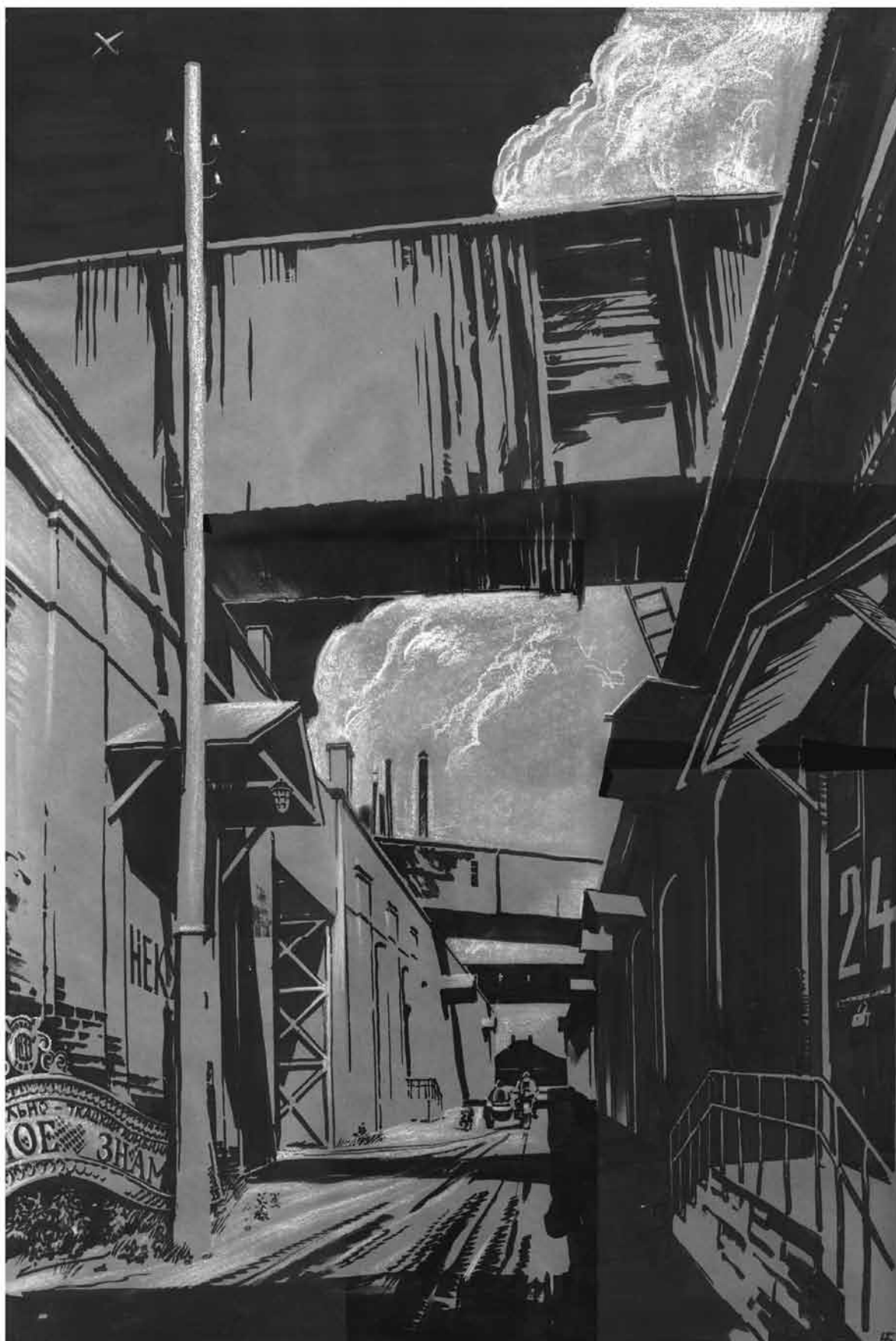
И, наконец, коротко о том, что отражает знак ©.

По-моему, толком ничего, кроме пустых опасений и старых привычек. Дело в том, что авторские права возникают у автора в момент создания произведения — так говорит Закон об авторских и смежных правах РФ, так же говорит законодательство США, то же самое говорят законы многих других стран. Так что подстраховываться кружочком с буквой «цэ» внутри, в общем-то, и не особо нужно.

Вы просто пишите. Вам зачтётся. (©Булат Окуджава)

P.S. Когда я, написав этот текст, лёг спать, мне пришла в голову ещё одна забавная мысль. Сперва на изданиях появились копирайты издательств, и лишь позже — копирайты авторов. Но копирайты автора — абсолютная глупость в том случае, если автор передал исключительное право копирования издательству! Вот, скажем, на моём «Царе и Псе» стоит мой копирайт и копирайт издательства. А ведь я до 2011 года лишён права копировать этот текст! Я сам себя его лишил, подписав договор. И что же после этого означает это моё цэ в кружочке, я вас спрашиваю?

Сергей АЛХУТОВ

Бестужев Никита "Раменское. Пакгаузы"

АНДРЕЙ МОИСЕЕВ. МОИ ЛЮБИМЫЕ АВТОРЫ: АЛЕКСАНДР ЯКУНОВ

Александр Якунов — личность в какой-то мере загадочная: в Интернете почти нет сведений о его «реальной» жизни. Окольными путями удалось выяснить только то, что он живет в Вологодской области, является доцентом кафедры русского языка и общего языкознания Череповецкого государственного университета и, если не ошибаюсь, преподает древнегреческий на первом курсе филфака. Несомненно, языкознание наложило отпечаток на его творчество — в том смысле, что профессиональные филологи редко позволяют себе косноязычие и корявость в поэтических строчках, и Александр — не исключение. Однако, «древнегреческого» содержания в его поэзии вы почти не найдете — она прочно привязана к сегодняшнему дню, к окружающим реалиям и, собственно говоря, к авторскому «я»:

Тайна

Я умею лежать и смотреть на огонь,
на дрожащий бутон свечи.

Я умею молчать, постигая закон
прорастания тайн в ночи.

За околицей сна волхованье звёзд,
пантомима теней тиха.

Ты услышишь деревьев упрямый рост
и пружинистый шаг стиха.

И в невнятице ветра узнаешь мотив,
вспоминаемый с давних пор,
и поймёшь, что неведомой сказкой жив
этот мир под вуалью штор.

Скорлупа этих стен — ненадёжный щит,
как объятье в эпоху льда.

Но прислушайся: тайна в окно стучит
и незримо идёт сюда.

Несмотря на некоторую «таинственность» виртуального образа Александра Якунова (обусловленную, по-видимому, простым нежелание «светиться» без повода), его стихи сами рассказывают об авторе немало интересного. В них практически нет вымышленного «лирического героя» — Александр пишет о себе, пишет от первого лица, подкупая простотой, искренностью и естественностью своих переживаний:

Диоген

Облезлый кот крадется вдоль помойки —
презренный бомж, кошачий Диоген,
постигший жизнь. И этот запах стойкий
он узнает сквозь музыку и тлен.

Я тоже знаю жизнь, ее капризы,
я тоже все познал, во все проник —
и этот кот, освоивший карнизы,
всего лишь мой непризнанный двойник.

Я буду жить без гнева и упрека,
как этот кот, оставивший людей,
крадущийся легко и одиноко
за призрачной добычей своей.

Пожалуй, больше половины творчества Александра Якунова составляет любовная лирика. Думаю, я бы очень удивился, если бы узнал, что стихи Александра о любви — плод его фантазии. Конечно, проверить это невозможно, и всё же у меня нет никаких сомнений в том, что всё описанное происходило и происходит с ним самим, что ничего в этих стихах не приукрашено. А между тем, их эмоциональный диапазон весьма обширен — от явно эротических вещей до мотивов разлуки и расставания. Приведу для начала, пожалуй, наиболее целомудренное, очень простое и вместе с тем совершенное стихотворение, где любовный мотив только очерчен легким штрихом карандаша:

Морозу

Твой хлеб — узоры на стекле,
резец твой скор и точен.
Но — растворяется в тепле
затейливый листочек.

Мне ж больше нравятся слова —
сцепленья их прочнее.
Они упрямы, как трава,
и дышат вместе с нею.

Когда же точности добыюсь
и стих солью с узором —
в очах любимых растворюсь
под их горячим взором.

Надо сказать, что благодаря всеобщей грамотности и свободной публикации на поэтических сайтах, этот жанр в наши дни существенно себя дискредитировал не столько массовостью, сколько банальностью, вторичностью, а зачастую и дилетантским отношением авторов к стихосложению. Сказать свое, особенное слово в любовной поэзии отныне равносильно подвигу — сегодня это сложнее, чем пройти по проволоке над пропастью, не свалившись при этом в штампы, фальшь, перепевы давно написанного или обыкновенную пошлость. Именно поэтому любовная лирика стала в нашем 21-м веке, на мой взгляд, сложнейшим жанром, где настоящего успеха добиваются считанные единицы. И тем более обидно становится, когда откровенно слабые любовные стихи пожидают свой урожай похвал и восторгов, в то время как настоящая лирика Александра Якунова остается почти не замеченной широкими слоями поэтической общественности...

● ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ В ИНТЕРЬЕРЕ

Гребень

Черепашков гребень тебе подарить,
чтобы время замедлить и встречу продлить,
чтобы ты не смогла, заправляя копну,
расставаньем разбить тишину.

В полуночном трамвае куда-то трястись
и месить обречённо апрельскую слизь
нам с тобой не придется, мой ландыш, тогда —
ты распустишься здесь без труда.

Где к окну принакает бессонный фонарь
и прожилки ветвей рассекают янтарь,
где царит беспорядок, бардак, беспредел —
своеволье предметов и тел.

Все равно ты сорвешься в бездонную тьму
и рассвет мне придется встречать одному:
на холодной постели бездумно сидеть,
черепашков гребень вертеть.

Дыханье

*Я раньше и не думал, что у нас
на двоих с тобой одно лишь дыханье.
«Н-П»*

Любовь началась в половине второго
и кончилась в девять часов.
Ах, бог мой, какое неточное слово —
любовь.

Бесстыдное зеркало нас наблюдало,
не глядя, что в доме разгром.
Ты косу сплетала и вновь распускала
шатром.

Читали друг друга, как свиток старинный,
учились гадать по спине...

Но всё бы отдал я за выдох единый
во сне.

Когда ты возникла из пены былого —
так лакома карандашу, —

«Люблю», — прошептал я, но главное: «Снова
дышу».

И то, что теперь поменяло название
и стало доступно двоим,
вот это и было когда-то дыханьем
твоим...

Любовь началась в половине второго
и кончилась в девять часов.

Ах, бог мой, какое неточное слово —
любовь.

Конечно же, в творчестве Александра Якунова есть не только любовные, но и другие, самые разные мотивы. Из больших и малых

событий его жизни, сиюминутных или повторяющихся впечатлений постепенно складывается цельный и уникальный мир. Стихи Александра рассказывают нам то, о чем сам он не стал бы писать в автобиографии. Оказывается, автор — походевик и альпинист, его любимый город — Питер, а представители кошачьих — его маленькая слабость. Казалось бы, у кого только не встретишь подобных откровений «за жизнь», не претендующих на элитарность. Но...

Честно говоря, я не очень доверяю заезженной цитате: «в поэзии важно не *что*, а *как*». По моему мнению, безусловно важным является и то, и другое. Но если говорить о стихах Александра, то это самое «как» заслуживает отдельного внимания, ибо в нем таится секрет особого очарования его бесхитростной, на первый взгляд, лирики. В ней, действительно, много авторского «я», но при этом совершенно нет никакого авторского «эго». В отличие от многих других, «я» Александра Якунова — это не источник, не «светило», но призма, преломляющая окружающую действительность и придающая ей особый цвет, форму и игру теней. И раз уж мы заговорили оптическими терминами, доверительная интонация Александра предполагает обязательное присутствие «зеркала» — понимающего читателя, друга и единомышленника, которому можно, не стесняясь, доверить свои чувства и тайны — и получить ответное движение души.

Поздно, часу во втором или третьем, как вывездит
небо такими огнями, что впору повеситься, —
белой рогаткой, осколком, замаранным в извести,
выглянет острая мордочка юного месяца.

За перебранкою дум, за глухими обидами
тело свое ощущаешь серебряной лодочкой
и, порывая на время с пространством Евклидовым,
в ночь уплываешь за тенью своею чахоточной.

Там в тишину опрокинута музыка талая,
искрами звезды горят в антрацитовом куполе...
Чем бы не тешились очи — что отроки малые, —
лишь бы не плакали. Лишь бы их тьмою не кутали.

Там тектонических жил набухают соцветия,
черным разломом грозя. И мучительной старости
призрак горбатится в створе седого столетия...
Месяц — по младости века — не знает усталости.

... Как мне смириться с тобою, мое узнавание?
Спазмы тоски или приступы дикой веселости.
Может быть, жизнь — это просто другое название
той неизбежности, вечности и невесомости.

Удивительно точный слух, чутье на слово и образ — вот признаки, по которым стихи Александра Якунова можно выделить из общего ряда. И пусть его имя не гремит по всему русскоязычному Интернету, я надеюсь, что рано или поздно творчество Александра найдет отклик у тех, читателей, которым близка такая поэзия. Пожелаем ему вдохновения и удачи.

Андрей МОИСЕЕВ

ПОЭТИЧЕСКИЕ СООБЩЕСТВА «ЖИВОГО ЖУРНАЛА»

Эта статья была написана в 2007 году, с того времени получив массу дополнений и продолжений. Почти все Интернет-сообщества, о которых считал нужным рассказать Андрей Моисеев, живы и сейчас. Именно потому мы уверены в том, что эта статья не потеряла своей актуальности и по сей день.

На днях у меня неожиданно образовалось энное количество свободного времени, и я решил посвятить его изучению давно назревшей проблемы: где в ЖЖ можно почитать стихи? Не мудрствуя лукаво, заглянул в «ljplus.ru», побродил по разным адресам, и теперь готов поделиться результатами изысканий.

Живой Журнал, как известно, необъятен, однако активно действующих поэтических сообществ обнаружилось не так уж много — порядка двух-трех десятков. Практически все они, как я и думал, делятся на два типа — сообщества для пишущих и сообщества для читающих. В первом случае у автора есть возможность самовыразиться и очастливить потенциального читателя собственными творениями. Во втором случае самовыражение не приветствуется (а порой и запрещается), зато можно «других посмотреть» и при желании многому у них научиться. Естественно, вы уже догадались, где встречается более качественная поэзия, но что поделаешь — «мамы всякие нужны»...

Если верить «lj-плюсу», самым раскрученным сообществом «для читателей» является «Божественная поэзия» **ru_lyrics**, насчитывающая 635 участников и 576 сочувствующих, имеющая без малого 4 тысячи записей и почти 9 с половиной тысяч комментариев, созданная в мае 2003 года и действующая по сей день. В основном здесь представлена поэзия первой половины 20-го века, хотя порой границы этого временного диапазона расширяются — есть и Антиох Кантемир, и Батюшков, и наши современники, и некоторое количество переводной поэзии. Впечатление в целом благоприятное, хотя присутствуют в «Божественной поэзии» и свои маленьки чудачества. Так один из зрителей сообщества изъясняется исключительно на старославянском, и таким же образом — через «ять» и «ер» — оформляет стихотворные тексты. Замечу, что это куда приятнее, чем чтение стихов, набранных английскими буквами (вам не доводилось? рекомендую испытать!) — но все-таки несколько отвлекает от погружения в глубины смыслов и образов. Второй минус — авторство стихов вообще не указано, и, похоже, никто в данном сообществе с этой проблемой не борется. Не знаю, может, зрители считают, что тем, кто «не знает старика Крупского», в **ru_lyrics** делать нечего?

Почти одновременно с «Божественной поэзией», в августе 2003 года возникло сообщество «Разделенные стихи» **ru_verses**. Оно насчитывает 576 участников и 473 читателя, и разместило за эти годы более 3 тысяч записей, в ответ на которые пришло около 4 с половиной тысяч комментариев. Видимо, сообщество было изначально ориентировано на размещение чужих хороших стихов, однако со временем критерии отбора оказались весьма заметно размыты. Недостатки «Разделенных стихов» являются продолжением их же достоинств — тяга к широте охвата превратилась во всеядность, оглавление на 900 авторов не поддается тормозит загрузку каждой страницы, и найти кого-то в этом общем котле, где Ахматова соседствует с самозванным Васей Пупкиным, а группа «Ночные снайперы» — с Хулио Кортасаром, совершенно невозможно. На мой взгляд, главная беда **ru_verses** — беспринципность, в

результате чего сообщество медленно, но верно превращается в филиал «Стихи.ру». Не правда ли, заманчиво разместить свои первые опыты на одной странице с Мандельштамом? Только вот вопрос: кто станет их читать? И кто станет читать Мандельштама в таком обрамлении? В общем, название сообщества «Разделенные стихи» не вполне адекватно — скорее уж «Стихи, сваленные в одну кучу»...

О сообществе «Литконкурс ру» **litkonkurs_ru** много писать не буду — кому интересно, пожалуйста сюда. В целом поддерживая идею этого сообщества (и в меру скромных сил участвуя в его работе) скажу только, что «Литконкурс» явно не хватает активных участников, из-за чего он «контролирует» сравнительно небольшой сектор современной сетевой поэзии. А статистика сообщества такова: с февраля 2005 г. — 336 записей (многие удалены по итогам прошлых конкурсов — не прошли отбора), 1455 комментариев, 87 участников (оставшихся после ряда проведенных конкурсов), 195 постоянных читателей. А в итоге — неплохая коллекция стихов, отобранных «на конкурсной основе».

Еще моложе сообщество «Тудэй тиэксти» **today_txt**, созданное в мае 2005 года. В нем 117 участников, 140 читателей, 316 записей и 364 комментария. В основном — стихи современных сетевых поэтов, но встречаются и классики 20 века. Когда-то «тудэй тиэксти» принимало любые тексты без разбора, в том числе и собственного сочинения, но на каком-то этапе критерии ужесточились, и на сегодня это едва ли не единственное сообщество, где царит образцовый порядок — и в заголовках, и в тэгах, и главное — в представительстве авторов, которое тщательно сбалансировано и почти не зашкаливает в пользу отдельных «любимчиков». Каждый поэт представлен несколькими стихотворениями, а для тех читателей, кому мало, есть ссылки на другие источники в Сети. На мой взгляд, «Тудэй тиэксти» — одно из самых толковых поэтических сообществ. Респект его зрителю Сергею Тихонову **submissia**.

И еще одно небольшое сообщество «для читателей» — «Петербургские стихи» **spb_verses**. Его особенность — стихи поэтов разной степени известности о Петербурге. Классики вполне мирно соседствуют с современными сетевыми авторами. «Петербургские стихи» основаны в октябре 2004 года, насчитывают 44 участника и 54 читателя. Записей мало — всего 40, и, увы, это показатель того, что жизнь в этом интересном сообществе еле теплится. Второй признак — абсолютное большинство постов написано зрителем сообщества. Понимаю, что это не столько вина зрителя, сколько беда многих энтузиастов, не встретивших на своем пути активной поддержки. И все-таки совершенно непонятно, чем занимаются остальные 43 участника сообщества.

И наконец, еще одна «фишка» «Петербургских стихов» состоит в том, что комментарии к записям отключены. Что ж, может, оно и вправду ни к чему... ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

Андрей МОИСЕЕВ

ВРУНЕТ: ПРОЗАИКИ

Путешествуя по литературному рунету, как двухголовый дракон, в качестве читателя и писателя, я накопила множество встреч с авторами, прозаиками, поэтами, публицистами, которые уже можно как-то классифицировать. Заранее предупреждаю: не претендуя на всеохватность, просто пользуюсь случаем припомнить самое интересное. (Речь пойдёт не о жанрах, как можно было бы подумать, а о субкультурах сетевых писателей — Редакция).

Итак, **прозаики**. Так как речь идет об авторах сетевых, предполагается, что это люди, чьим общим достижением явилась в свое время покупка компьютера. А дальше — по-разному.

Прозаики-реалисты. Это авторы, как графоманы, так и таланты, из тех, кто не любит витать в эмпиреях. Они предпочитают говорить о соседях по лестничной клетке, о женщинах, с которыми ложатся в постель, о борще и пирожных, о королях... Нет, о королях они ни за что, разве лишь о капусте. Потому что они — реалисты! Если у автора есть талант, читать его тексты приятно и полезно. Если нет, не надо их читать, а надо читать поваренную книгу. Борщ едят все, а вот написать об этом так, чтоб захватило, могут единицы.

Прозаики-волшебники. Эти авторы пускаются в миры непознанные, перемешивая мистику с фантастикой, не брезгают сказками для детишек и в их текстах просвечивает то Кастанеда у ног Блаватской, то помесь Чужого с хищником. Соотношение таланта и бездарности тут как и везде. В отличие от реалистов, эти должны бы знать кое-что об основных мистических учениях и мифологии, ведь соблюдать внутреннюю логику им труднее. Но мало кто этим заморачивается, и потому автор-мистик-любитель побивает критика-комментатора простым, как палка аргументом: «я так вижу!».

Отдельная категория — **сказочники**. Эти в учения не лезут. У них разговаривают плинтусы с домашними котами, тараканы с феями, автобусы летают, и кусты роз, самовыкопавшись, выходят на подвиги. Сказки их длинные, остановиться авторы не умеют. Основной массив сетевых сказок остается недочитанным заснувшими читателями.

Прозаики-философы. Стать таким прозаиком очень просто. Берете, что хотите, ставите в любую ситуацию, украшаете оборотами в стиле индийской притчи или записок японского монаха — бемс, готова притча. Главное, не забыть начать ее словом «некий(ая)» и столкнуть «некоего» с высокоумным оппонентом. Пример:

«Некая канава лежала вдоль тропы и думала (тут авторское на любую тему, обыкновенно, в стиле «отчего мы не летаем, как птицы»). Шел по тропе высокоумный Ибо-Надо, споткнулся и полетел в канаву (обыгрываем глагол «полетел» и — мораль: полеты даже высокоумных могут оканчиваться в придорожной канаве)». Счастье изготовителя притч в том, что их можно печь бесконечно, эксплуатируя бедолагу Ибо-Надо, пока тот, взвывая, не удерет от автора, прихватывая с собой интерес к подобным мудростям.

Отдельно от просто мирных философов, темной и грозной шайкой стоят **прозаики-месии** (прежде они назывались утопистами, но теперь претендуют на «Нагорные проповеди»). Творить начинают с объемистого романа, (размер никак не меньше мегабайта), в художественной либо в понукательной форме излагая устройство мира, настолько простое, что там, хоть не хошь, живут «как надо»! Авторы подобного — люди нервные и воинственные, что связано с непреходящим их недоумением: «у меня все так просто, но до сих пор не востребовано». И, пользуясь возможностями сети (обратная связь, диалоги в комментариях, письма на личные ящики), переходят в наступление, все более язвительное, крестовый поход, обращая мир в свою веру. Роман свой все время доделывают, дописывают, и переволакивают с одного ресурса на другой, осчастливливая всё больше читателей самопальным миропорядком. В перспективе это сетевые Гитлеры, но, к счастью, читатель в рунете существо тоже нервное и текстов больше 5 килобайт практически не читает, и вес рецепта всемирного счастья бережет нас от коренной промывки мозгов.

Прозаики-дамочки. Стоит ли упоминать о дамах, пишущих женскую прозу в ее самом гадостном варианте? Стоит. Потому что оторвешь текст и утопаешь в кухонных посиделках, рядом с подгоревшей кашей, и, под рассказ о порванных Васькой-полюбовником колготках, ежишься от щипков и укусов, раздаваемых авторшей подруженькам Алкам и Дашкам. Цель текстов таких — именно, прикрываясь картонной душевностью, ущипнуть и подкусить. ...Невыносимо скучно.

Ах, да, идеей подобных «реалистичных» творений лучше всего работает лозунг о том, что все мужчины — сво... Сойдет, нормально: всегда найдутся читательницы, согласные с авторессой.

Прозаики-чернушники. Эти были, писали с упоением, но из моды повышли. Потому варятся в небольшом таком котле, автономно, с авторами-единомышленниками, с которыми в комментариях приятно делиться рецептом угробления девочек со спичками (любого пола) — утопить ли в пьяную в луже или заморозить на Тверской, когда сутенер из машины выкинул.

Самые популярные среди читателей и обозревателей сетевой литературы — **фантасты и фэнтезюшники**. Что о них скажешь, когда уже столько сказано? И про острые уши, и про жезлы с кристаллами. Про то, какой двигатель в каком рассказе заведется, а какой в каком — ни-ка-да. Главное, о чем надо знать читателю ФНФ ныне — жанры фэнтези и научной фантастики воюют! Эльфы объединились с орками и гоблинами, отражая атаки роботов с андроидами, и битвы в комментариях поинтереснее самих текстов. Это не значит, что они вправду достойны прочтения, но комментарии хотя бы задевают авторов за живое, в отличие от кривенько описанных магов и жестяных звездолетов.

● КУНСТКАМЕРА

Основная литературная примета нынешнего фэнтези — бесконечность. Берем гомункулуса, забрасываем его в один из соседних миров (привет вам, Саймак и Уиндэм!) и пишем-пишем-пишем, с перерывом на сон и еду: куда пошел, что сказал, кого по дороге встретил, и еще — какие там лошади и цветочки. Бесконечность создаваемого мира увлекает автора и он забывает о сюжете, идее и, наконец — что роман обязан кончиться. Сериальность приключений «попаданцев и попаданок» безжалостна. Но пока в комментариях звучат крики «Проды! Проды!», автор стучит по клавиатуре.

И вот, наконец...

Конечно, **эротика!** Кто же ее отменит!

Есть авторы, предпочитающие вуалировать и недоговаривать. Это у них вы встретите слова «увлек» и «совлек», и, про ту, высоко вздымающуюся грудь, обсмеянную, но не перестающую вздыматься, — чуть ниже которой (или выше) блистающие глаза. Это о таких авторах написал Аверченко знаменитую фразу: «и все заверте...». Главный недостаток текстов, даже и гладко писанных, — мысль их автора не выше пояса. Читаешь и думаешь, — хотел написать «про это», и сел, и написал про это, но не более.

У второй категории авторов-эрописцев ничего не вертится. У них просто всё стоит. Они идут в бой, тычут в самую суть и называют вещи своими именами. Суть от смелости не меняется, все пишется с двумя целями — эпатировать и возбудить. Нуждающиеся охотно идут, гм, эпатироваться.

И совершенно отдельно в «эрописании» стоят авторы, пишущие **яой**.

Пусть психологи разбираются, почему целевой аудиторией жанра «яой» (принадлежность японских «манга» или «анимэ») являются гетеросексуальные женщины. Подтверждаю, так оно и есть, судя по комментариям. И авторами-яойщиками в рунете частенько бывают дамы. В общем, интерес женщине писать о том, как Он, красивый до невозможности, напал и больно изнасиловал Его — нежного до трепетности, отчего обоим стало приятно — понятен. Однако, возможно, это ещё и некая изысканная месть всем мужчинам, которые сво... Но интересно, сами геи читают ли этот самый яой?

В любом случае, русскоязычный яой весьма залихватский. Вот уж где ничто не вуалируется! Читать его стоит лишь из спортивного интереса — найти автора, который пойдёт дальше всех, при том, что все яойщики продвигаются до упора.

...Эти группы прозаиков в сетевой литературе самые многочисленные. Есть, конечно, писатели исторических романов и детективов, мемуаристы, отечественные уэшли, чьи персонажи не слезают с конопли и героина, есть авторы баек, но жанры, хоть чуть немодные, резко теряют количество авторов.

Главное знать, что соотношение талантов и бездарностей в любом жанре одинаково и не обольщаться. Но и не терять надежды.

Примечания: Попаданец, попаданка — персонажи фэнтези-романов, отправленные автором в один из параллельных или сказочных миров.

«Проды!» — ритуальный вопль читателей сериальной литературы, требование продолжения.

Манга — японские комиксы, анимэ — японские анимационные сериалы

Елена БЛОНДИ

● БЕЗУМНЫЙ СЛОВАРЬ

ОЛИМПИЙСКОЕ

ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРИЩА — развлечение, придуманное во времена Древней Греции богами Олимпа, которым лень было заниматься спортом самим, но они глазели на состязающихся людей и болели за кого-то из них они с превеликим удовольствием. Хотя на войны смотреть не менее захватывающе, но все же не так приятно. Особенно для женской божественной половины Олимпа. Богинь расстраивал вид постоянных кровопролитий, и они потребовали более мирных зрелищ.

В первых играх в 776 г. до н.э. показывали себя только бегуны. В первом забеге участники бежали в шлемах и со щитами, во втором — в доспехах и с оружием. Друг другу они передавали зажженный факел. Огонь — символ Зевса и его фотовспышки. В школьных учебниках пишут, что женщины на О.И. не допускались, поскольку спортсмены соревновались нагишом. На самом деле, женщины там были: небольшая группа поддержки из обычно шести девушек в спецраздежде бежали метров на 100 впереди спортсменов, размахивая флажками и махрушками. Этим достигался эффект необычайного воодушевления бегунов и второго дыхания на последних сотнях метров перед финишем. Ведь первого догнавшего поздравляли сразу три девушки, второго — две, а третьего — одна. Соответственно, чтобы достойно отметить победу, первому выдавалась золотая монета, на которую можно было накормить-напоить сразу трех девушек, второму — серебряная монета, а третьему — бронзовая, на которую вполне неплохо можно было в те времена погулять и с одной дамой. Впоследствии эти монеты приобрели символический характер, в них стали просверливать дырочки, продевать туда ленточки и вешать на шею победителям — это называлось «медаль». Таким образом, всем было предельно ясно и просто условие: «Первым трем — медали, остальным — не дали».

Позже к О.И. добавились и другие виды спорта. Ведь те, кому не дали медали в забеге, желали отличиться в каком-нибудь другом состязании. Так появилось многоборье (ногоборье, рукоборье, пузоборье, головоборье и др.). Обычай проводить О.И. сохранился до наших дней. В последние века на них стали допускаться и женщины — потому что спецраздежда для участников была отменена в связи с глобальным похолоданием, особенно во время зимних игр.

ТРИ ЕРА (𐀓𐀗𐀆) — транспортное средство древних греков, согласно Плутарху, водное, в более ранних источниках — гужевое. Столь значительное расхождение в оценке неординарного транспортного средства объясняется беспрецедентными усилиями, потраченными древними греками на дело сокрытия очевидно малопривлекательной для них правды — кем же являлись мифические явления живой/неживой/вечноживой природы, от которых ничего не осталось, кроме окончательного придыхания — Ера Малого (𐀓), Ера Среднего (𐀗) и Ера Большого (𐀆).

При рассмотрении версии наиглавнейшего афериста и мистификатора Эллады Плутарха следует помнить, с какой гордостью проводжали древние греки каждое водное транспортное средство в далекое плавание, и с какой радостью их встречали. Хилое суденышко увозило отважных героев на поиски законной военной добычи и туземных царевен. Кого стеснялись апассионарные эллины в полисной жизни? Только никчемных сограждан, променявших свободу морского раз-

боя и личного предпринимательства на серые будни наемного труда в чужих торговых домах. Однажды рано утром, чтобы не попадаться на глаза портовым мальчишкам, отплыли из Коринфа оплеванные и униженные ЕРЪ МАЛАЙ (ϵ), ЕрЪ Средний (ъ) и ЕрЪ Большой (Ъ) по делам служебным, на чужого дядю, быстренько провернули дельце и умудрились вернуться не после заката, а к полудню, как раз под свист и улюлюканье не обремененных работой коринфян. Их быстроходный кораблик с неизвестными пока науке техническими и мореходными характеристиками коринфяне и назвали с издевкой ъЪами. И еще не забыта песенка с редким описанием судовой оснастки:

Плывет ъЪ прямо к Германасу.
На ней нету руля и нет компаса.
Не смотрите, что мы босы, -
Мы боспорские матросы.
Мы выходим в море штормовое.

Нельзя обойти стороной и посейдоническую версию, появление которой отразило попытки научного мира Эллады примирить водную и гужевую теории. Согласно этой гипотезе, мифический Посейдон был заводчиком и даже покровителем лошадей, коней, мулов, ослов и пони. Коих и впрягал без разбору в раковину и катался «по морям, по волнам, нынче здесь, завтра там». Странное поведение Посейдона не встречало одобрения ни у водителей гужевого транспорта, ни у обитателей морских глубин. Слов не было, остались одни Еры.

АЛЬФА-ИЗЛУЧЕНИЕ — (α-излучение) уникальное явление, открытое в 1965 году практическим филологом ирано-германского происхождения Микаэлем Ирюком совместно с его женой (имени которой он уже не помнил), определяющее генезис древнейших рукописей, использующих древнегреческий алфавит, а также книг, написанных на современном греческом языке с использованием современного греческого алфавита.

При работе с древнегреческими текстами Микаэль Ирюк обратил внимание на пробелы, на месте которых, согласно нормам древнегреческого языка, должна была находиться буква α (альфа). На основании исследований Микаэль Ирюк установил, что древнегреческий текст испускает букву α. Это явление и получило название α-излучения.

Т.о. установлено, что древнегреческий текст (при новейших исследованиях — и современный греческий) подвергается альфа-распаду.

Установлено также, что скорость испускания букв α зависит от качества самого текста, а также от материала подложки, используемой для нанесения текста. Основной количественной характеристикой α-распада текста является период полураспада, то есть промежуток времени, за которое текст теряет половину букв α. Ниже приведена таблица периодов полураспада некоторых греческих текстов.

Текст на Розеттском камне (его греческая часть) — 1500 лет
Текст на пергаменте — 150-200 лет
Текст на бумаге — 300 лет
Текст, писанный вилами по воде — 2сек.

На основании периода полураспада греческого текста по α-составляющей можно сделать вывод о том, что любой текст через

промежуток времени, равный 10 периодам полураспада, будет иметь в тысячу раз меньше букв α по отношению к начальной точке измерения.

Из закона распада греческого текста по букве α, выведенный Микаэлем Ирюком, следует, что со временем греческий текст будет постепенно терять первую букву греческого алфавита. Совершенную сумятицу в ряды различных ученых внесло последующее открытие β— и Υ-излучения.

Т. о. греческий текст необратимо распадается, теряя составные части. Это может приводить (и приводило с появления первых текстов на древнегреческом языке) к различным ошибкам в толковании и переводе тех или иных фрагментов текстов. Поэтому сейчас происходит переосмысление всего древнегреческого культурного наследия, которое дошло к нам в написанном виде. Теперь наследие Аристотеля, Платона, Сократа и пр. может подвергнуться сомнению.

Альфа-излучение (равно как и β— и Υ-излучения), как показываю эксперименты, опасно для живых читающих организмов. Помимо того, что вылетающие буквы α (β и Υ) могут попадать в другие тексты и необратимо трансформировать их (вызывая приступы когнитивного диссонанса у читателя), они также способны проникать непосредственно в самого читателя (вызывая у него когнитивный резонанс), что приводит к таким психическим заболеваниям, как дислексия, дисграфия. А это в свою очередь может вызвать дистрофию читательного органа.

Лучшая защита от альфа-излучения, как утверждают радиофилатели, квадрат расстояния от греческого текста. То есть, говоря попросту, увидел греческий текст — ноги в руки и бегом от него. Лучше — на транспорте.

ПИФА ГОР — (MOUNTAIN'S PHIFA) сладкоголосая летающая женщина, обитавшая некогда в горах Эллады. Пение, издаваемое Пифой гор в свободном ночном полете, очаровывало эллинов и они, проснувшись, покидали дома свои, направляли стопы в гору, и, сбившись с пути, подолгу блудили среди холодных каменных вершин и зияющих пропастей, подвергая свою жизнь опасностям. Доверчивые эллины были склонны наделять Пифу гор сверхъестественными качествами, особенно часто доводилось слышать о том, что Пифа гор,

• БЕЗУМНЫЙ СЛОВАРЬ

якобы, могла вычислить гипотенузу горы по ее катетам, но эта любопытная гипотеза осталась недоказанной и по сей день.

Пифагор современными историками считается главной и важнейшей Пифой из всех известных Пиф, среди которых были такие прославленные Пифы, как, например, Пифа рек, Пифа скал, Пифа тундр и даже ослепительная Пифа полей, которая, как известно, сама взяла себе новое красивое имя — ФИФА (FIFA).

В современном мире Пифы смогли найти свою нишу, создав Паевой Акционерный Фонд Пиф — широко известный в нашей стране Пиф ПАФ; хотя сейчас они поют, конечно, совсем другие песни.

МАЛЬЧИК-СПАЛЬЧИК — невольник рынка сексуальных услуг. Как правило, выглядит элегантно, спортивно, гламурно и загорело. Но это только парадная сторона жизни М.С.-ов, обращённая к публике мишура. Никто не видит душевных страданий М.С.-а, мук совести из-за рухнувших надежд родителей, мечтавших видеть своего сына бодрствующим. А он всё время спит! Причём, с кем угодно, кто заплатит за обед и гостиничный номер, а также по таксе самому М.С.-у. Такса эта варьируется, в зависимости от мягкости мальчика, его размера и остальных показателей комфортности спанья на нём. Спать на М.С.-х любят многие представители всех полов. Особо ценятся мальчики, поспав на котором, клиенты встают утром бодрыми, выспавшимися, готовыми к новому дню, к новым свершениям. Есть и любители жёстких мальчиков, с торчащими отовсюду пружинами и ключьями ваты. Но, скорее всего, эти любители нагло врут и приобретают таких неприглядных М.С.-ов из-за тошести собственного кошелька.

В результате такого беспорядочного спанья, у М.С.-ов развиваются бессонница, неврозы, шизофрения, норкомания, etc.

Известны М.С.-и были с глубокой древности, ещё со времён Троянской войны. Долго учёные не могли объяснить, почему полмиллиона греческих воинов 10 лет не могли взять Трою, защищаемую относительно небольшим гарнизоном. Профессор Н.Е. Фоменко наконец-то раскрыл эту загадку, проведя ширококомасштабные раскопки троянского пляжа, на котором стояла осадная армия эллинов. Найдено было множество сгнивших лежанок, остатки проржавевших пружин и огромные залежи ключев ваты, которыми обычно набивали М.С.-ов в Древней Греции. Выяснилось, что из тысячи кораблей, которые выслаллала Эллада в погону за Еленой и Агамемноном, только 472 были укомплектованы настоящими героями, остальные же везли груз М.С.-ов, которые и проспали практически всю войну. Также на них любили отдыхать эллинские герои в промежутках между битвами. Троянцы же, проведав о том, стали подсылать в греческий лагерь своих М.С.-ов, специально обученных спать так, чтобы грекам приходилось туго. Некоторые засланные казачки были даже смертельно ядовитыми (от укуса такого М.С.-а в пятку и погиб один из самых знаменитых героев античности Ахиллес). Их делали такими невыносимые условия быта и отсутствие культурной жизни. Издавна, на всякий случай, культивируемые Кассандрой ядовитые М.С.-ы хоть и пригодились троянцам в этой войне, но саму Трою им спасти не удалось.

Авторы (в порядке следования): Makimoto, Benegenetriivir, Nepoma, Mdsystemz, Sovok4ever.

Подготовила АННА НОВОМЛИНСКАЯ.

• ДИКИЙ ГОН

Ученица 10 класса обычной московской школы Аня, публикующаяся под псевдонимом Бантики в Слезах, хорошо известна в Интернете своими юмористическими и дерзкими стихами и рассказами. Теперь её могут прочесть и читатели «Конт рабанды».

БАНТИКИ-В-СЛЕЗАХ

ГОРОД В ФОРМЕ ШАРИКА

Моя мама считает, что мне не повезло с подружками, и я ей обычно покорно так отвечаю: «Ну да, уж какие есть, других-то взять неоткуда». Конечно, это не так. На самом деле я уверена, что с подружками мне очень повезло, и других мне не надо, но маме это говорить без толку, проще соврать.

Ну вот, например, Светка, я с ней с первого класса дружу. Она и тогда выглядела нелепой: маленькая, неповоротливая, постоянно чипсы трескает. Помню, мама её успокаивала: вот вырастешь, доченька, весь объём от живота перейдёт к груди. Ну и что? Теперь Светка — толстая блондинка с огромным бюстом, волосы сожгла гидропиритом, да и красится, словно пьяная малярша. Правда, парни на неё частенько вешаются, но либо пьяные, либо идиоты — ну а что ещё ожидать от пацана, если ему больше ничего не нужно от женщины кроме размера груди?

Или Танька вот ещё — высокая, худющая брюнетка с грудью чуть ли не нулевого размера, а как очки оденет, так вообще наводит тоску. Класса до восьмого строила из себя ботанку, но, правда, списать всегда давала, врать не буду. Мы думали, она в отличницы метит, но однажды как-то на дискотеке угостили её ликёром, и тут оказалось, что Танька жутко сексуально озабоченная! Мы с того времени только и делали, что ей о своих якобы приключениях рассказывали, а она сидит такая, мнётся, пытит и просит, чтобы не мучили. Ну а мы стараемся, на два голоса пересказываем всякую хрень о сексе, которую в интернете вычитали. В общем, тоже приколы тот ещё.

Вот с такими лохушками я и провожу все свои дни, чувствуя себя на их фоне, конечно, чуть ли не Анжелиной Джоли. Хотя я конечно и без этого удалась: ноги стройные, грудь красивая, лицо задорное, в волосах кокетливый бантик, а главное талант и чувство юмора бьют через край! Всё, вроде, при мне: и любопытство к миру и радость каждый день, но вы же понимаете, что у таких солнышек, как я, полного ажуря во всём нет, и быть не может. Так что жизнь моя прискорбно обезображена хищной орхидеей безответной любви, что ни день поедающей своими зубастыми лепестками мою возбуждённую страстью плоть. Думаю, что мои нереальные страдания наверняка свели бы меня в могилу ещё до шестнадцати, но к счастью, в мире остались такие прекрасные вещи, как поэзия и Интернет.

Ну, с поэзией-то всё понятно, а вот Интернет, например, мне нравится тем, что я почти всех в нём знаю. Зайдёт какой-нибудь человек, скажет пару слов, и ты уже понимаешь, что он твой одноклассник или сосед, а он, вроде, даже и не сопротивляется. Ну а почему бы собствен-но и нет, когда и так понятно, что весь Живой журнал живёт на Первой, Второй Машиностроения, Шарикоподшипнике, Симоновском Валу и ещё частично на Волгоградке. Поняла я это только после того, как расширила свой детский жизненный опыт. Правда, это произошло не сразу, но первое, главное приключение я запомнила во всех печальных красках.

Началось всё с того, что, когда мне было лет 13-14, мама меня со двора не отпускала, говорила, что повсюду ходят пьяные парни, кото-рые могут возбудиться моими бантиками и обидеть глупую маленькую

• ДИКИЙ ГОН

девочку, которой я тогда являлась. Я, конечно не слушалась, потому что парни как раз и были самым интересным, а обижать они меня не обижали, наоборот, дарили чупа-чупсы, лезли обниматься, и вообще. Так что, не помню уже как, но однажды мы со Светкой решили, что хватит сидеть, как дуры, в одном своём дворе, надо уже потихоньку врубаться, каков он этот мир. Выйдя из подъезда, мы были настроены очень решительно, но тут наткнулись на нашу соседку, Олесю Николаеву, и я сразу почувствовала, что день закончится плохо. Глянула она на нас очень косо, ничего не сказала и пошла куда-то по своим, значит, делам.

Вообще-то тётя Олеся любила детей. Когда мы были маленькими, она всем какие-то конфетки постоянно совала, а наши мамы даже не боялись просить её смотреть за нами на детской площадке, когда уходили за пивом. Тётя Олеся и сейчас красивая, а тогда и подавно. И вот бывало, сидит она на детской площадке, а на её улыбку потихонечку начинают сбегаться интеллигентные мужчины со всего района. А она смотрит на них кокетливо, но близко не подпускает, и если кто осмелится и подойдёт, тут же начинает громко говорить о Боге и Царствии Небесном. Все страшно смущаются секунд на десять, пока она снова строить глазки не начинает, а потом снова окружают её плотными обожающими рядами.

Вскоре мы подросли, и тётя Олеся как-то стала на нас свысока смотреть. Я сначала не поняла прикола, а потом врубилась: мы такие красивые девушки, хорошеем, расцветаем, а она стареет и завидует. Ну ладно, чё, со всеми бывает, я не злюсь на неё. Кто знает, какими лукавыми стервами мы будем в её возрасте. Но так вообще она со странностями конечно: ходит в длинной юбке, всегда улыбается, иногда сама с собой разговаривает, причём стихами, и все стихи о любви к Иисусу Христу, словно больше мужчин в её жизни не было.

Впрочем, что это я о ней, я же о нас со Светкой. В общем, упилили мы сначала куда-то в сторону Велозаводской, но это было скучно, ведь мы там всё уже знали. И тут Светка вдруг говорит клёвую мысль: давай, говорит, сядем в какую-нибудь маршрутку и поедем, куда глаза глядят, а когда надоест, вернёмся обратно. Тут как раз по улице проходила маршрутка с совершенно чудовым номером 999, я замахала руками на неё, она конечно остановилась, мы залезли и поехали. «Девятка», — говорю Светке, — «цифра счастья».

Маршрутка свернула сначала обратно в сторону Шарика, а потом как-то хитро вышла на Волгоградку и поехала мимо каких-то заборов, но если уж попадались дома, то они были точно такие же как у нас — либо старые хрущёвки, либо старые многоэтажки, либо башни какие-нибудь, не поймёшь старые или новые.

— Какой у нас большой район, — сказала Светка, — скорей бы он закончился, а то уже хочется чего-нибудь новенького, интересенького.

Когда мы всё-таки свернули с Волгоградки, оказалось что там тот же Шарик, только мы там никогда не были. По честняку, размеры нашего района уже слегка начинали нас пугать, но тут вдруг маршрутка остановилась, и водитель сказал, что приехали, конечная. Выйдя на улицу, мы увидели остановку с надписью «138 квартал Выхина», вдали огромное-огромное шоссе, а за ним — густой лес. Это был не просто конец Шарика, это был конец Москвы!

— Светка, Светка, мы до конца Москвы доехали, прикинь! — заржала я в ужасе.

Светка задумчиво смотрела на остановку и по-моему ни во что не врубалась.

— Слушай, хрен с ним с Москвой, ты мне скажи, как мы могли приехать в 138 квартал, не заметив предыдущие 137?

Это была непосильная задача для нас, глупых и маленьких. Чтобы не решать её, мы оглянулись по сторонам и увидели, что рядом с нами находится такой же двор, как и наш, рядом такие же гаражи, а около гаражей пьют пиво такие же мальчишки.

— О, бантики, бантики! — послышалось привычное, — девчонки, давайте знакомиться?

Мы никогда не отказывались от мальчиков, и наверно потратили на них много времени, потому что в какой-то момент вдруг стало темно, и тут я испугалась, что мы сидим на лавочке на другом краю Москвы, а наш настоящий дом находится ужасно далеко. Правда, наши мальчишки оказались настоящими рыцарями, поймали нам ту же маршрутку и попросили позвонить, когда приедем, чтобы они не волновались. Мы их тогда ответно пригласили к себе на Шарик и каждого поцеловали по три раза, но поскольку мы были маленькими и глупыми, то целовали в щёки, а сейчас-то я бы конечно оторвалась!

— Вот видишь, Анька, — сказала мне на обратном пути Светка, — вся Москва имеет форму Шарика, и даже окружена московской кольцевой автодорогой.

— Только вот она немножко во МКАД не вмещается, — засомневалась я, — некоторые районы. Солнцево там, Южное Бутово какое-нибудь, до которого хрен доедешь без метро.

— Так это и хорошо! Это значит, что скоро Шарик проникнет во всю нашу страну, и вся Россия, нет, весь мир будет иметь форму Шарика!

— Как Земля?

— Как Земля!

— Так это ж клёво, Свет. Прикинь, приедешь в какой-нибудь Лосан-желес, а там такие же хрущёбы, гаражи и пацаны пиво пьют.

Мы снова стали мечтать о наших мальчишках, но тут маршрутка свернула с Волгоградки на знакомую нам территорию, и направление мыслей сместилось к тому, что с нами за это путешествие сделают дома. И не зря: как только я вошла с порогу, мне мама хрясь по лицу! А я краем глаза вижу, что у нас на кухне сидит Олеся Николаева в своих тёмных очках с диоптриями и улыбается.

«За что?», — кричу, — «Я же ни чего не сделала!», а она ещё раз — хрясь! И вопит, что я хрен знает где и с кем гуляла, что это называется детская проституция и что-то ещё в этом духе. У меня слёзы фонтаном, бантик чуть не слетел, я пулей улетела в свою комнату, закрылась на задвижку и рухнула лицом в низ на кровать чтоб ни кого не видеть и не слышать.

Долго так лежала, до утра. С начала просто хотела умереть. А потом вдруг поняла, что так просто они от меня не отделаются — и мама моя дурная, и сучка эта Олеся Николаева. И когда я вырасту чуть по больше, все увидят какое у меня высокое предназначение, прославят и полюбят. А этих двух вонючих змеюк проклянут и отправят на вечные муки в ужасный адовский нюрнбергский суд!!!

Сейчас прошло уже года два или три. В щёчку я теперь целуюсь только при взрослых, а после первого мужчины в моей постели на маму мне как-то плевать. И уж тем более на Олесю Николаеву, которая понятно ни на йоту не изменилась. А подружек моих они пусть ругают и считают недостойными. Зато они нормальные честные девчонки которые ни когда не предадут и пойдут на самые героические мучения, если у их подруги в жизни вдруг настанет чёрная злоторная полоса!!!

Марина ДРОБКОВА

Я — РОМБ

Точка. Штрих. Резкая боль пробегает по периметру, и я открываю глаза. Ну, здравствуйте! Я — Ромб.

...Всё-таки, странно быть Ромбом. Угловатым, неуклюжим, а главное — плоским, как тетрадный лист. Иногда кажется, что и мысли такие же плоские, и шутки.

— Он ещё недоволен! — то и дело возмущаются соседи, — скажи спасибо, что ты — не отрезок и не точка! Фигура, всё-таки. Часть плоскости.

Да я рад, рад! Ещё бы чуточку объёма... Я же не виноват, что умею пространственно мыслить!

— Дезертировать хочешь?! — пристал ко мне Треугольник, — с твоими жалкими четырьмя вершинами скромнее надо быть. На плоскости сидеть. Тетрадка в клеточку, друзья по линейке! Я вот не кричу о собственной исключительности. Но все меня знают. Любят! Жить, можно сказать, без меня не могут. И мои регалии у всех на слуху: Бермудский Треугольник, любовный Треугольник. Потому что функцию свою выполняю добросовестно и с радостью!

— Так я тоже — с радостью, — начал было я, но он лишь захотел, отмахнувшись.

— Даже женщины в нашем роду — что само по себе редкость — пользуются уважением. Треуголка! Послушай, как звучит! Наполеоновская Треуголка...

А ты кто есть? Что может нарисовать воображение при имени Ромб? Костюм Арлекина — не более того. Так что — паяц ты. Шут гороховый, — издевался Треугольник.

— Почему же, — возразил я, — ещё серебряный нагрудный значок. Свидетельство об окончании университета. На синем фоне...

— Шо?! — Треугольник чуть не округлился, — умничаешь опять? Под интеллигента косишь? Образованный, тангенс-котангенс! Нет, вы посмотрите на него!

Жестом приглашая 'посмотреть' Квадрат и Трапецию, Треугольник нервно завертел сторонами.

— Нехорошо. Нехорошо! — припечатал правильный во всех отношениях Квадрат. Родственник, называется. Брат двоюродный. Он ведь тоже Ромб, а по виду не скажешь. Этому 'шкафу' образование ни к чему. Он и так кого хочешь воспитает, даром, что плоский.

Большегрудая, широкобёдрая Трапеция презрительно фыркнула и недовольно качнула 'кормой'. Красавица, тоже мне! Тура неповоротливая! Легко прослыть красавицей в коллективе, где ты — единственная женщина. А таким торсом только трассу прокладывать. В непролазном лесу.

Нет, не тянет она на роль прекрасной дамы. Дама должна быть изящной, с правильными чертами, но чтоб никакой угловатости — только округлые формы... Неужели нельзя совместить то и другое?

Да, я романтик — знаю. В бытность свою молоденьким Ромбиком поделился мыслями с Квадратом — тогда он ещё не был таким заматерелым консерватором. В юности вообще все мы гораздо лучше, да.

Но он меня не понял.

— Ты грезишь о несбыточном! — сказал он мне прямо, — о чём думаешь? О каком-то контуре! А в женщине главное — площадь!

Не ожидал от него такой меркантильности! У самого площади достаточно, не обделён углами, чай. Я тоже не обделён, но бывает ведь лучше...

Эх, вот если бы да кабы хоть один лишний уголок... Пятиугольнички-то наши к Трёхмерным уходят, в Пентагон. Я не знаю, что это, и Трёхмерных не видел. Да и другие фигуры, по-моему, не знают. Но оттуда ещё никто не возвращался, значит — хорошо там. Шестиугольнички вообще где-то в обетованных землях. Эх, не понять простому параллелограмму! Я вон — тут, задачи решаю. Ёфу!

Ну какие перспективы у плоского? Какие развлечения? Жизненные ориентиры?

Начертатель и Стиратель — вот боги, которым мы поклоняемся. Жизнь формализована до простоты. От точки до линии, от ребра к ребру. Обходишь углы, достигаешь вершин, а в результате — всё равно замыкаешься на себе.

Есть идеология — линейка, проще говоря. Всех построит, всех выверит. Мне ещё повезло, другие такую муштру проходят — их транспортерами ровняют, циркулями. А то и гонят прямо под лекало — не пикнешь. Зато — есть возможность 'держать марку', 'делать лицо', я бы сказал. Иногда — помогает.

Предаваясь таким грустным размышлениям, я и увидел однажды её.

Милый сердцу силуэт. Дугообразная линия. И какая фигура: все точки равномерно удалены от центра... Впрочем, что это я? У неё и центра как такового нет. И площади — никакой. Да и зачем ей площадь? Она — как ореол, как... как... нимб! Легка и прозрачна, чиста и так естественна! Будто не циркулем, а самой природой начертана.

Когда она прокатилась мимо, я словно перестал чувствовать свою угловатость, возмнил себе устойчивей, чем на самом деле. И всеми сторонами своей природы захотел сблизиться — хотя бы касательной. А лучше — секущей...

При этой мысли мои диагонали затрепетали, и я ощутил волнительную пульсацию в точке пересечения. Милая... Совершенная моя... Как бы я хотел, чтобы ты стала частью меня.

Видимо, последние слова я произнёс вслух, потому что рядом вдруг раздался геометрический хохот. Треугольник, чтоб его.

— Ишь, губу раскатал! Окружность ему подавай! Она же не нашего круга! Ёфу, каламбур получился, — ухмыльнулся 'Бермуд', — да она ж — кривая. Ещё и зацикленная.

На этот раз я не стал с ним спорить. Просто сложился, а потом вмазал прямо в биссектрису. В одну из.

— А-а! Придурок ты ромбовидный! Дождёшься — сотрут! — заорал Треугольник и, всхлипывая, спроецировался вовне. Пусть валит, злобный тригон.

Через несколько дней мне удалось с ней поговорить. В тот вечер в тетради царило редкое безмятежное спокойствие. Лист не шелокнётся. Ручка не чирикнет.

...Она прикатила как всегда неслышно, и я снова вздрогнул, ощутив знакомое колыхание пространства.

— Кто здесь? — её голос расчертил тишину, — Ах, это вы, Ромб...

Ручаюсь, она покраснела! Если только может краснеть линия, нанесённая грифелем. Ведь что мы в сущности такое? Несколько микрограмм углерода. Фрагмент тетрадного листа. Пара формул...

Когда двое так близки — слова не нужны. Математика — вот язык влюблённых. Геометрия — это ли не музыка сердца? И алгебра — вся гамма чувств в одной формуле. Недаром люди поверяют ей гармонию...

Две линии судьбы — Абсцисс и Ординат —

Твой жребий неизбежно предрешат...

Поэт сказал. И никуда не деться.

Она таки вписалась в мою площадь. Кругленькая моя. Безупречная. Само совершенство. Я счастлив, околдован, потрясён! Ах, два пи эр! Мы дышим в унисон. Ну вот, стихами заговорил...

Однажды она мне сказала:

— У меня будет ребёнок.

Вот так просто взяла и сказала: у меня будет ребёнок. Этого следовало ожидать! Что ещё могло произойти с линией, вписанной в мою сущность? Конечно, зарождение плоскости в её чреве! Как это необыкновенно! Часть меня теперь принадлежит не только мне, но ещё и новорожденной фигуре! Я был рад как ненормальный. Готов был любить весь мир в геометрической прогрессии! Лез обниматься к Квадрату, подмигивал Трапеции. Да что там! Помирился с Треугольником. Хоть он и сволочь — а всё-таки друг...

Жизнь потекла размеренно и счастливо... Но внезапно появились они. Многогранники. И сразу предложили работу.

Я всегда подозревал, что мир сложнее, чем нам кажется с разлинованной страницы. Но что так могут разниться фигуры... Хотя они называли себя иначе: тело. Наконец я увидел тех, о ком втайне шушукались, на кого хотели быть похожими, но боялись признаться.

Трёхмерные. Глядя на них, я ощутил собственную неполноценность в полном объеме.

Кубы. Лицом к лицу похожи на Квадраты, но стоит им повернуться вполоборота... Будто новая реальность внутри.

Шары. О, это вообще... Моя возлюбленная прекрасна, но это тело... В нём словно маленькая вселенная.

А ещё там были Пирамиды. При взгляде на них Треугольник заткнулся и больше не смеялся над моими порывами.

Они набирали добровольцев в реконструктивные отряды. Я толком не понял специфику, но согласился всё равно. Что-то, связанное со строительством, архитектурой. Разве можно упускать такой шанс? Тем более — семья у меня, сын вот-вот появится... Не век же сидеть на плоскости? Окружности почему-то эта затея не понравилась.

— На что мы соглашаемся? — вздыхала она, нежно прижимаясь ко мне четырьмя точками, — ты ведь о них ничего не знаешь. Трапеция говорит, будто они не настоящие. 'Виртуальные', вот. И всё, что они предлагают — обман.

— Ну что ты, дорогая, — я пытался успокоить её, поглаживая намекающийся в её утробе круг, — посмотри, какие они. Как они интересно живут.словно бы другой уровень...

Так, убаюкивая друг друга разговором, мы заснули, готовясь вступить в новую жизнь. А ночью мне приснился кошмар. Я видел огромный многогранник, фронтоном похожий на меня.

— Двухмерный! — высокомерно обращался он ко мне, — ниц пади! Ты послужишь мне фундаментом.

А я почему-то был маленьким и казался ещё более плоским, чем обычно. Хотя — куда уж больше... А главное — рядом не было Окружности, и может быть поэтому я чувствовал себя совсем неуютно. Хотелось возразить, закричать, но я лишь падал ниц, сливаясь с клетчатым листом. Я не был больше Ромбом! Становился неполноценным — полуфабрикатом, запчастью! Ромбоэдр — так звали Трёхмерного — называл меня своей гранью...

Я проснулся бледный, как бумага, и уже чувствовал себя наполовину фундаментом.

Так вот, значит, что нас ждёт...

Мне необходимо было поговорить с кем-нибудь. Но кто сможет дать ответ на мои вопросы? Окружающие фигуры толком ничего не знают о сущности Трёхмерных.

Впервые в жизни я осмелился обратиться к Начертателю. И он просветил меня!

— Глупый трусливый Плоский! Не дрожи. Объёмные — не монстры и не злодеи. Они — тоже часть Геометрии. Сущность Объёмного определяется Третьей осью судьбы. Она открывает им путь в Пространство.

— А я могу выйти в Пространство? Не обращусь в ничто? — робко спросил я, не будучи уверенным, что понял всё правильно.

Начертатель засмеялся.

— Зависит от тебя. Ты можешь раствориться в теле Объёмного. А можешь нарастить свои собственные грани...

— Дорогой, с кем ты разговариваешь?

Это проснулась моя жена.

— Любимая, я тут подумал: наверное, ты права. Что мы знаем о них...

— Так мы остаёмся? — обрадовалась она.

— Пока — да.

На этом можно было бы закончить повествование. Неизменно по синусоиде движется время, отмеряя фазы и периоды. У нас растёт сын — Круг — а я всё так же решаю задачи. И есть лишь две вещи, неизменно изумляющие меня: недостижимая аппликата над нами и математический закон внутри нас. Хотя всё чаще я задаюсь вопросом: так ли уж она недостижима?

— Милый, кажется, там говорилось про звёздное небо.

Это моя жена. Материнство подействовало на неё благотворно. Она уже не та тоненькая девочка, невесомая и прозрачная. Формы её округлились, стали пышными, она превратилась в настоящую... настоящую...

— Сфера! Привет, дорогая!

— Трапеция, здравствуй! Хорошо выглядишь!

Да, представьте себе. Сфера. Теперь ей принадлежат все точки пространства, равноудалённые от условного центра...

Кстати, наша угловатая тоже вышла замуж. Теперь она — основание Призмы. Других отговаривала, а сама-то! Но у неё-то хоть муж Объёмный, не испытывающий комплекса неполноценности. Что бы придумать мне?

Как меняется мир! Друзья, которые совсем недавно строго придерживались своих параметров, словно стыдятся былой двухмерности. Треугольник занялся бизнесом — Пирамиду создаёт. Квадрат тоже строит что-то фундаментальное. В кубе фундаментальное. Даже моя собственная жена приобрела поверхность! Того и гляди, ребёнок вырастет и шаром заделается! Нет, я не могу лежать параллельно плоскости! Но что ж теперь, становиться гранью дрожащей?

В отчаянии поднимаю взгляд на Аппликату, лучом уходящую в космос. А ведь сколько на небе звёздных фигур! Что там моя жена говорила?

С интересом рассматриваю тёмный, в серебряных точках купол и радостно обнаруживаю... Ромб. Дельфин? Да. А вот ещё один! Дева? Конечно. И ещё! Да это Волопас с белым Арктуром на одной из вершин.

Звёздная карта! Как я раньше не сообразил! Ведь можно оставаться собой, но при этом быть неизмеримо более значимым!

В волнении набираю телефонный номер. Гудок... Снова гудок...

— Алло! Кафедра астрономии? Пригласите, пожалуйста, картографа... Здравствуйте! С вами говорит Ромб...

Александр ВИШНЁВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Ночь. Полна любовью пылкой комната
Та, что по соседству расположена
От чего же, братцы, мне хреново та?
И ментальность как-то растревожена

Оттого что в космосе, наверное
Всё совсем неверно разложилось
И на ужин скушал не кошерное
И луна не так расположилась

Брошу всё. Уеду, скажем, в Кению
Заморочусь пыльными обрядами
И когда не будет рядом гения
Скажите, что лучше был бы рядом я

Лампа в сто свечей накала
Удивлённо заморгала
Это значит что в сети
Нету двести двадцати

Убийство, контузия, СПИД, амнезия
Занос, ураган, помрачение ума
Обычная идиосинкразия

Стихи почти о Ленине.

В ладонях теребя кафтан сиротский
Спротивляясь плотскому греху
Смирненно вопрошаю: «Ху из Троцкий»
А он не отвечает ху из ху
Чернеют тротуары от проталин
Подснежники являются во мху
Смирненно вопрошаю: «Ху из Сталин»
А он не отвечает ху из ху
Беспутные обрывки жизни прежней
Засохли и рассыпались в труху
Смирненно вопрошаю: «Ху из Брежнев»
А он не отвечает ху из ху
Вдыхая ароматы красной ртути
На самом, панимаишь, наверху
Смирненно вопрошаю: «Ху из Путин»
И он не отвечает ху из ху

Безрадостно в политике лоху...

Я грезил о морях и китобоях
Вонзая непослушное перо
В невидимые дырки на обоях
Заклеенные картами метро

Промахиваясь в точки пересадок
Я пальцы заскорузлые слюнил
На нёбе послевкусием осадок
Дешёвых фиолетовых чернил

Гораздо дальше строящихся линий
От центра Кольцевой уводит глаз
Я мог бы умереть как старший Плиний
Да вот живу...
Как полный пидорас!

Регесты Иоанна Богослова
Фактически воспринял с полуслова
Беда, когда в мозгу у дурака
Рождается немного апока...
...липтические глобальная строка

Мы были с ней, фактически, на ты
И, кажется, звалась она Татьяна
Но подлые еёшные коты
Мне гадили на тапки пастаяна
Ышшо я помню жалостливый крик:
Не трож котов, оне же мне как дети!»
Я помню: взял хозяйку за парик
И долго...
Долго тыкал в тапки эти...

Навеки египтян объединила
Порочная зависимость от Нила

Пергамент электронного пространства
В эскизе не щадит карандаши
Дизайн — как изменение пространства
Ремонт — как состояние души

Порвался силиконовый девайс
Не кульно, не прикольно и не айс!

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

Космополит в душе: то здесь, то там ты
Но обойдя углы планеты всей
Осознаёшь, что местные мутанты
Милее заграничных карасей

Вышел месяц из-за туч
Потому что спирт летуч

Сегодня много в воздухе озона
И Родина закатами пестра
Теперь у нас Вы буферная зона
Мужайтесь, дорожайшая сестра

Неман тихо разливался
Вдоль старинного квартала
Как там город назывался?
Жаль, что города не стало...

Похоже и на это и на то
И на другое всякое тем паче...
Два русских парня: Гиви и Дато
Закусывали граппою карпаччо

Явление прогрессу инородно
Как всякий древний город
То есть — Гродно

Кулинарное

Сначала было нечто. В форме шара
Оваль его как хочешь, иль квадратъ
Им просто можно в боулинг играть
Но я не лох
Я форменный лошара!
Пристало мне описывать круги
И пончики выдавливать из теста
(не для забавы, больше из протеста)
Не дожидаясь сахарной пурги
До той поры, как пончик станет тором
А дальше — всё банальнее столба
Не стоит, право, даже морщить лба
Бессовестным замасленным повтором

Мыслишки

Я мог работать в офисах различных
И жить в Парамарибо или Польше
Отнюдь...
Лишь жалко пропитых наличных
А тех, что не пропиты — жальче больше

Запотели очки неожиданно
Не точились на кухне ножи давно
Вот бы чудо какое случилось
И само оно всё заточилось

Ни дать, ни взять — товарищ генерал!
И профиль у него совсем в фуражке
Он чести бы своей не замарал
Когда не был женат на замарашке

Околокабачное

Хотел лишь потусоваться
И даже нашёл деньжат
В трактиры бы не соваться
Да руки уже дрожат
И ноги дрожат немного
Мистическая каббала
Как вяленая минога —
Копчёная камбала
И белая шапка пены
Сдуваемая с вершин
В кармане рубли и йены
И в нише стены — кувшин

А к вечеру вдруг заострило
Я выкушал баночку мёда
За холм закатилось Ярило
Магистр, из ящика, Йода
Грозит световыми мечами
Пособникам конфедератов
И груз, что висел за плечами
Оправился вглубь Эмиратов

Из классики

Скажи-ка дяде — дядя передаст
Поскольку уважение внушает...
Но смутное словечко — копияст
Мне спать, бухать и трахаться мешает

Юрий КОЗЛОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Каждому своё

Открыл я том благоговейно,
Сосед — бутылочку портвейна
И погрузились с головой
Мы вместе: каждый в свой запой.

Не сыпь мне соль на гамму

Пианино мне купила мама.
— Что за шум? — безумствовал сосед.
— Я учу сольфеджио и гамму...
— Гама много, соли вовсе нет!

Поклонница поэта.

Она одна не чаяла души
В его стихах: «О, как ты пишешь длинно!
Я вся твоя! Пиши, ещё пиши!
Поклонница твоих стихов — Корзина!»

Постарел

Я постарел настолько в этот год,
Что в транспорте мне уступают место;
Кондуктор от меня уже не ждет
Мой документ бесплатного проезда.

Снежная баба

За Старый год я выпил больше нормы,
Так, что не помню, Новый как встречал...
Лишь помню горку, бабу с пышной формой
И как её к себе я зазывал.
О, Боже мой, а где ж моя подружка?
Она ж была, как будто, у меня...
Лежит одна морковка на подушке
И мокрая насквозь вся простыня...

Ник НЕЧАЕВ

MISERERE

1

Лиза открыла глаза. После долгого сна она чувствовала себя слабой и потерянной. Она лежала опрокинутая навзничь под одеялом, глядя в потолок. Потолок был сер и далек бесконечно. Лизе подумалось, что она, возможно, проспала напролет весь день. Явь предстала сумеречной и неясной. Одеяло вдруг сделалось в тягость, Лиза откинула его и села. Слабость побежала по телу трещинами, Лиза помедлила вставать, но вот, босая и в одной рубашке, пошла по колкому ковру.

В комнате старомодные шторы на двойном окне были наглухо задернуты. На полках скопилось множество книжных корешков, между стекол всунута была черно-белая фотография; и снимок, и книги отражались в зеркале напротив. Лиза подошла. Она увидела себя — лицо, плечи... и все это показалось чужим. Не она, а кто-то посторонний, костлявый и бледный, тарачился, блеснул глазами с той стороны, подменил ее настоящую, пугал и издевался. Чудовище. Урод. Не помня себя, Лиза отпрянула к двери, попятилась в коридор.

Здесь было тесно и еще темней, пахло людьми, бытом и старинной. Лиза прислушалась: где-то среди стен звучала музыка. Играли на фортепиано. Лиза пошла наугад, обжигаясь ногами и по-зверинному лова запахи. В прихожей она нащупала свои ботинки в груди прочих. Нашелся и выключатель, пыльная лампочка зажглась под потолком, и Лиза увидела ключ в замке. Торопливо, волнуясь Лиза повернула его, толкнула тяжелую дверь. Снаружи тотчас обдало холодом.

Лиза зябко потянула рубашку и вышла на лестницу. Спускаясь марш за маршем, она вела рукой по гладким вылизанным перилам и то и дело глядела вверх, где медленно поворачивался косой квадрат пустоты. Большое окно светило между пролетами, снизу стекло замазали краской. Шаги падали отрывисто и гулко, будто капли. Колодезное эхо уносило их под своды, а потом стремительно роняло вниз. Лиза шла по первому этажу мимо почтовых ящиков — здесь была настоящая стужа, — впереди выход, а за ним, конечно, улица, а там весна, зима или осень... Лиза вдруг застыла на месте. Ее сковал небывалый страх, первобытный, истошный ужас. Лиза захлебнулась его волной, онемела и разом повернула обратно. Она поднималась, спотыкаясь, хватаясь за перила, спешила прочь, прочь, скорее прочь. Вокруг кружились слепые окна и чужие двери, выше, вверх, вверх...

Захлопнув дверь квартиры, Лиза вернулась в комнату и бросилась под одеяло. Она еще долго пряталась там, ежась, дрожа и греясь, после чего подошла к зашторенному окну. Потянув плетеный жгут с кистью, Лиза впустила свет и выглянула наконец.

По ту сторону, за стеклом в дождевых разводах и пыли была какая-то улица. Лизе подумалось, что на дворе, пожалуй, ранняя весна. По обочинам лежал спекшийся несъедобный снег, прохожие местили оплывшую грязь, и кругом было нагое, беззащитное убожество обескровленной городской природы. Под окнами в кузове грузовика сох остов новогодней елки. Пятиэтажный дом напротив истекал талыми водами и сбрасывал сосульки с карнизов и водостоков. Небо над

Бестужев Никита. "Двор на Малой Дмитровке"

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

ним было петербургским; слева виднелась синагога. Впервые после сегодняшнего пробуждения Лиза задумалась всерьез.

Она не знала, где находится и как попала сюда. Она не помнила, давно ли она здесь и зачем. Эта комната, этот дом были ей незнакомы. Прежде она никогда не была тут. Она не читала книг, расставленных по полкам, она не знала девочку-дошкольницу с черно-белого снимка, она никогда не заглядывала в этот шкаф или ящик этого стола. Лизе снова сделалось страшно и пришло на ум бежать. Она снова встретила взгляд изможденного уroda в зеркале, ахнула, зажмурившись...

В следующий раз Лиза вышла из комнаты в халате, который нашла на крючке у двери. В коридоре было все так же темно, а вот с кухни доносился шум. Мыли посуду.

Горел свет, на газовой плите буднично шипела и плевалась маслом сковородка с омлетом. Над столом стояла незнакомая женщина, немолодая, с первой белизной, выбившейся из дегтярных гладких волос, в фартуке, стянувшем раздавшееся тело. Женщина резала помидор. Сок и незрелое семя из-под ножа текли на разделочную доску. Лиза остановилась в дверях, не зная как быть. Запищало радио.

— Десять, — сказала женщина. — Проголодалась поди. Яишеньку будешь с помидоркой?

Лиза была голодна.

— Нарезь хлеб, — посоветовала женщина, — масло достань, сахар.

— А где? — спросила Лиза.

— Там.

Лиза сделала все безропотно, ощущая происходящее как сон наяву. Омлет оказался пышным и необычайно вкусным. Женщина сварила кофе в молоке.

Из коридора крикнули: «Маруся!»

— Мой завтракать надумал, — пояснила женщина, собирая еще одну тарелку. — Я ему туда несусь, не любит он... перед рейсом. А ты ешь.

На сковородке оставались еще две порции. Лиза доела, проглотила еще очень горячий кофе и вымыла посуду за собой. После вернулась в свою — чужую! — комнату. Что делать дальше, она не знала. Музыка, далекая музыка доносилась из стенных недр. Одинокая и призрачная, как из другого мира. Лиза совсем заслушалась, когда в комнату вдруг постучались.

Вошедший принес с собой стилого духа улицы, меховой воротник его был мокрым. Он снял ушанку из опоссума и по-хозяйски забросил на вешалку. Косматые буйные седины его сваялись, местами топорщились, а местами никли к черепу.

Лиза глядела настороженно и с опаской. Раздевшись и повесив куртку, гость растер ладони. Был он очень крупным, гладким и широким в обхвате и, что называется, видным, — словом, из тех людей, которые одним своим появлением уzurпируют пространство. Звали его Полянский Алексей Михайлович.

— Пока ноль, к вечеру похолодает, — вопреки ожиданиям рочующего баса, он заговорил голосом мягким и даже мелодичным. — Вот тебе и март.

— Март? — спросила Лиза.

— Третий день уж, — ответил Полянский, — черт знает что.

Значит, третье марта и к тому же утро. Гость уже присаживался за стол, приглаживал космы, оправлял подтяжки. Лиза заметила, что у него разные глаза: правый был вроде карий, левый — особый, серый с ядовитой зеленью.

— Тебе принес, — подмигнув меченым глазом, Полянский протянул коробку шоколада, перехваченную лентой.

— А вы меня знаете? — Лиза отошла к зеркалу и почти прислонилась к нему спиной. Отражение прилипло к ней.

— Знаю-знаю, — Полянский положил коробку на стол и полез в ящик. Там оказались какие-то бумаги. — Давай-ка познакомимся еще разок. Алексей Михайлович по имени-отчеству, — он перебрал стопку бумаг и уложил в прозрачную папку. — А это я возьму с собой.

— Я не помню вас, — сказала Лиза.

— Ну, значит, будешь помаленьку вспоминать, — Полянский улыбнулся дежурно и деловито. Улыбка у него была плотной и сытой, такой же плотной и сытой была вся его физиономия. — Ты конфеты-то любишь?

— Люблю, — Лиза кивнула.

— Тогда переодевайся и приходи на кухню, — сказал Полянский, — вещи твои тут, в шкафу. Приходи, потолкуем, как нам быть.

2

Лиза с удивлением обнаружила свою одежду. Все было прохладным и пахло то ли химчисткой, то ли больницей. Лиза нашла джинсы, надела, снова осторожно глянула в зеркало. Она — если это действительно была она — выглядела ужасно. Лицо было бескровным, скверные, тяжкие синяки лежали под глазами; на подбородке был шрам. На ощупь кожа там оказалась стянутой, и Лиза чуть не разревелась. У нее никогда прежде не было шрамов. Она отвернулась, глотая слезы, и обреченно побрела искать Полянского. В коридоре, где пыльная лампочка тлела под потолком, Лиза насчитала еще три двери. Судя по замкам, квартира была коммунальная.

В кухне Полянский с увлечением рассказывал что-то человеку, сидевшему ко входу спиной.

— Давай сюда, чего топчешься там? — Полянский поманил Лизу. — Вот, познакомьтесь: Теплова Лизавета Вадимовна, полных семнадцать лет. А это наш Ефрем Палыч.

Человек обернулся. Это был мелкий седеющий мужичок с подвижным лицом и лихим чубом, хваткими глазками и озорной бородкой. Он уставился на Лизу с большим интересом. Взгляд этот — лукавый и притом запредельно небесный — Лизе не понравился тотчас же.

— Очень, как говорится, приятно, — спохватившись, Ефрем Палыч подскочил приветственно и тут же сел обратно. Все движения его были быстрыми и неуловимыми; вообще, он порядком смахивал на табакерочного черта.

— Лиза, — сказала Лиза.

— Будь добра, — лениво попросил Полянский, — сделай нам чай.

Лиза не очень понимала, отчего ей слушаться, но спорить не стала. Кипяток поспел быстро, и вот уже Лиза покорно разливала его по чашкам. Ефрем не сводил с нее лукавых глаз.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

— Лизвета поживет здесь, — сообщил Полянский, накладывая сахару, — чтобы все хорошо и без дополнительных сложностей.

— Вот так подарок, — Ефрем глянул и на него, — мы подружимся, уверен.

— Ну-ну, изволь не дерзить, — Полянский тотчас приметил ярость, которую Лиза метнула в любителя табакерок. Черти никогда не были симпатичны ей, а тем паче те из них, что с чубом набекрень и взорами ангелов, и оттого морочат голову. — Присядь лучше да выпей с нами чаю.

Ефрем Павлович Рябчиков был расположен к хорошеньким девушкам, как все нормальные мужчины, и любопытен, как все писатели. Недостатки внешние он скрывал за галантностью и изяществом обращения, однако маска ловеласа сидела на нем плохо и быстро надоедала ему самому; Рябчиков был человек стихийный и непостоянный. Кроме прочего, он был холост и почти всегда безработен, причем второе обстоятельство не оставляло надежд на перемены в первом.

За свою жизнь, которую вполне можно было считать историей почти рассказанной, он испробовал немало занятий и побывал во многих ипостасях. В юности он методично бросил сначала институт Бонч-Бруевича, затем первый курс физмата в Политехе ради факультета журналистики, но через честных четыре сессии с успехом распрощался с ним и загремел в армию. Отслужив три года где-то во льдах подводником («Без женщин!» — любил подчеркивать он сам), Рябчиков понял, что золотая пора студенчества потеряна навек. Потом был стройотряд и зачем-то тайга, и опять служба на море, и вновь Петербург, и суматошная работа в затрапезной газетенке.

Тогда же друзья пихнули Рябчикова в питерский Союз писателей. Повести и рассказы его случались в «Звезде», но, сказать по правде, слава писателя мало заботила Рябчикова, природное тщеславие дремало на самом дне его многослойного нутра и беспокоить не собиралось.

С Полянским Рябчикова связывала давняя дружба, хотя и неясно было, как могут ужиться такие противоположности. Полянский был весел, солиден и, так сказать, фундаментален во всем, Рябчиков рассыпался на ветру в труху и кренделями кружил в облаках. Последнее время он не работал и жил в бессрочный кредит, предоставляемый ему на дружеских началах.

С прошлого места его уволили несколько месяцев назад: как значилось в бумагах, «по собственному желанию». Вопреки этому никакого «собственного желания» у Рябчикова не было и в помине. Он тогда был сторожем-смотрителем в живом уголке Дворца творчества юных, расположенном в Аничковом дворце, или бывшем Доме пионеров. В просторной комнате в клетках, аквариумах и террариумах обитали попугаи, кенары и канарейки, ужи и веретеницы, выводок хомячков, еж и домашние крысы. Днем за животинкой присматривали детишки из кружка натуралистов, а по ночам и в выходные графиком день через два дежурил Ефрем. Ночью он запирался в комнате и спал на раскладушке. По выходным в его обязанности входило также кормление братьев меньших, полив эхинопсисов и бегоний и иногда чистка клеток. Все это Рябчикова устраивало. По ночам он спал крепко, вдыхая естественные ароматы природы и слушая ее шорохи и шелесты, при желании он мог вообразить себя посреди девственного леса под открытым небом. В субботу и воскресенье Ефрем Палыч брал с собой ноутбук и под вопли попугаев записывал свои нескончаемые

фантазии. Никто его не отвлекал. Только ближе к вечеру заходила тетя Леся со шваброй. Кроме прочего, в живом уголке был чайник и микроволновая печь. Начальство было смирным и интеллигентным сторожем довольно, и все шло гладко.

Но однажды накануне дежурства случилась очередная дружеская встреча членов Союза писателей в «Борее», что на Литейном. Впрочем, дружескую встречу правильнее было назвать дружеской попойкой. Ефрем Палыч основательно «посидел» и пообщался в тот день, после чего поплелся в пионерский бестиарий. Сам Ефрем Палыч выпивал не то чтобы часто, но при подходящем случае мог на славу гульнуть. Теплый августовский вечер разморил его, но ноги не подвели. Рябчиков без оказий добрался до места работы, попрощался с тетей Лесей и сумел самостоятельно повернуть в двери ключ. Переступив порог, он вдруг озарился идеей: «всем волю!» — и начал отпирать садки и потрошить террариумы. Когда вся живность так или иначе оказалась на свободе, Ефрем Палыч с чувством выполненного долга растянулся на полу.

Обнаружили его следующим утром. Рябчиков мирно спал, а вокруг порхали, змеились и копошились всяческие божьи твари и гады, попугаи и канарейки бродили по его спине, узрев в нем нового Франциска Ассизского. Ни Рябчикова, ни друг дружку живность не сожрала и не покалечила и была водворена персоналом по клеткам. Самого Франциска попросили больше администрацию Аничкова дворца не беспокоить.

Потом наступила осень, зима, а вместе с тем и творческая апатия. Ефрем Палыч искал работу без особого рвения, словно бы скучая. Работа не находилась, а Рябчиков безвылазно сидел в коммуналке и ожидал очередных перемен. Ведь обычно перемены находили его сами, без усилий или вмешательства.

— А что же, Марусенька пирожков не пекла? — Полянский прихлебнул чай и усадил Лизу к столу. — Хороши они, с капустой.

— А знаете ли вы, что такое есть капуста? — живо подхватил Рябчиков. — Знаете ли?!

Лиза глянула на него недобро и с недоумением.

— Прошлым летом гостил я на даче у приятеля, — стал рассказывать Рябчиков, закуривая, — по дороге на Псков. Места там дивные. И огород у него такой, овощей благодать, соток двадцать. В конце августа дело было, кочанчики все уже округлились. Вышел я как-то раз на огород ночью, луна была полная. Свет ее повсюду, а под ним — капуста. И знаете, на что она в лунном свете похожа? На розы! — Рябчиков ораторствовал вдохновенно. — Ро-зы. Серебристые, белые... Да разве можно такую красоту есть, Господи прости?!

— Значит, пирожков не будешь, — сказал Полянский.

— Марью Акимовну обижать нельзя, — возразил Ефрем.

— Мария Акимовна — это соседка ваша, — объяснил Полянский Лизе, — очень хорошая женщина.

— Идеальная, — убежденно добавил Рябчиков.

Лизе это шутство не нравилось. Она еле сдерживалась, чтобы не разреветься или не наругать. К тому же, Лиза вдруг снова ослабела и проваливалась в знакомый омут полуяви-полусна. Она поглядела в окно, на близкую кирпичную стену за ним, потом на кафедру, весь в трещинках и дымном налете, потом на нетронутый чай.

— Я хочу домой, — сказала она.

— Выпей пожалуйста, — Полянский властно вложил чашку в ее руки, — у тебя горло пересохло.

Лиза послушалась.

— Считай, что ты дома, — сказал Полянский, когда Лиза сделала несколько глотков. — А теперь иди, отдохни. И не забудь про шоколад. Мне обещали, что он вкусный.

Лиза поплелась к себе, а Ефрем вздохнул, потянувшись за новой сигаретой.

— Эх, Алеша, — пробормотал он, — а может, не надо было...

— Это весьма обдуманное решение, — сказал Полянский.

3

Следующие несколько дней пролетели безоглядно. В их скучном шелесте Лиза запомнила еще два визита Полянского (первый раз опять с шоколадом, второй — с вязанкой яблок) да пресные разговоры с Марьей Акимовной, которая за вечными хозяйственными хлопотами почти не отлучалась из дома. С Рябчиковым Лиза всячески избегала встреч. Она слышала, как по вечерам тот курит в кухне и принимает шутками Марью Акимовну, и старалась не выходить.

На дворе начиналась оттепель. Волглая улица хлюпала и чавкала, хилое солнце едва маячило сквозь завесу неба. Лиза не раздвигала штор. Страх перед тем, что находится за пределами дома, делался все явственней, Лиза уже не пыталась бороться с ним; там, снаружи обитало зло, забытое, но отвратительное. Попыток выйти Лиза больше не предпринимала. Вместо этого Лиза читала. Все книжки, стоявшие в ее комнате на полках, были детские, давние, с затертыми страницами, измалеванные цветными карандашами. Возможно, они принадлежали девочке с фотографии; фотография тоже была старой и с заломленным уголком.

Вспоминать Лизе не хотелось. Единственное, что вдруг приходило ей на ум, было море. Это была летняя гладь залива, берег с мелкими камнями и прибой. Лиза ходила по отмели в закатанных штанах и мутила воду. Мысли о море были ей в тягость.

К музыке Лиза привыкла. Играли всегда рано, с самого рассвета, приглушенно и таинственно. Звуки фортепиано словно были продолжением сновидений. Лизе очень хотелось разгадать, где это играют, но спросить об этом Марью Акимовну она не решалась. Возможно, она не была до конца уверена, что музыка эта действительно существует в реальности, а не только в ее голове.

А однажды Лиза нашла букет цветов. Накануне приходил Полянский, и они с писателем Рябчиковым допоздна распивали горькую и вели какой-то спор, тоже горький и бурный. Ефрем Палыч разглагольствовал, буйствовал и петушился. Полянский мерно бубнил в ответ. Их болтовня мешала Лизе заснуть, а поутру она обнаружила у двери своей комнаты тюльпаны. Целую охапку, которая не умещалась в руках, рассып цветков, крепких, свежих и упругих, завернутых в полиэтилен. Лиза отнесла их в комнату вместе с пронзительно молодым запахом весны.

— От кого ж столько? — ахнула Марья Акимовна, когда Лиза пришла за вазой.

Лиза только пожалала плечами.

— Восьмое марта сегодня, — вспомнила Марья, — вот потому и букет.

К обеду Марья Акимовна убежала на Сенной рынок за кислой капустой — щи она варила постные, с грибами. Лиза шла по сумрачному коридору, когда дверь, соседняя с комнатой писателя, отворилась.

Прежде эта комната всегда была закрыта, и Лиза уж решила, что там никто не живет. Лиза не успела разглядеть соседа, который шагнул навстречу и, вдруг взяв ее руку, шепнул:

— Идем скорей.

Он увлек ее к себе. Лиза опомниться не успела, как тот прикрыл дверь, предварительно выглянув в коридор еще раз.

— Ну вот, — сосед, молодой человек лет двадцати пяти, нервно улыбнулся, — теперь все в порядке.

Был он худ и оттого казался еще более длинным; лицо обрамляли кудри цвета сырой пшеницы и вымученные бакенбарды. На Лизу он глядел с восторгом. Нет, он просто светился.

— Мне нельзя досаждать тебе разговорами, — продолжил он порывисто, — но, кажется, нам удалось их обхитрить.

— Кого? — не поняла Лиза.

— Алексея Михайловича, конечно. Но не будем шуметь. Андрей.

— Лиза, — сказала Лиза. Упоминание о Полянском ее встревожило. Выходит, от нее умышленно что-то скрывали, и это было совсем скверно.

— Вообще-то мое настоящее имя Франц, — продолжал странный сосед, — но будет лучше не упоминать об этом лишний раз.

— Почему? — Лиза заволновалась. Тайны будто бы ходили за ней по пятам. — Это из-за Полянского?

— Алексей Михайлович добрый человек, — заверил Андрей-Франц. — Тебе здесь нравится?

— Не знаю, — Лиза пожалала плечами и добавила: — я здесь всего несколько дней.

Только теперь она огляделась. Сквозь тюлевые занавески утренний свет проникал беспрепятственно, отчего комнатка казалась немногосторонней. Над карнизом давнюю побелку терзали трещины и многократные потеки; обои кое-где отставали от стены. Из мебели здесь был только письменный стол, стул (у Лизы стоял в точности такой), низкая тахта и пианино.

— Значит, это ты играешь? — догадалась Лиза.

— Мешает? — Андрей ловил каждое ее движение и слово с жадным вниманием.

— Нет, — возразила Лиза, — я всегда слушаю.

Лиза позволила усадить себя на тахту; хозяин освободил для нее место, сдвинув в сторону ворох одежды и книг.

— Я хочу сыграть тебе, — сказал Андрей. — Эту песню я сочинил сегодня утром.

Покорившись, Лиза согласилась послушать, Андрей придвинул стул к фортепиано.

— На немецкий текст, — сказал он и уронил руки на клавиатуру — жестом привычным, почти будничным. Вступление было коротким, пальцы касались клавиш бережно и без лишних усилий. Вслед за этим Андрей стал петь.

Лиза ждала этого с брезгливым любопытством: ей не нравились, к примеру, голоса мужчин излишне тонкие, что называется, козлиные, не нравились и густые, басовитые, с показной натугой. Пение вообще чаще всего смешило ее. Но не теперь. Андрей просто пел и все, и поначалу Лиза даже не совсем поняла, низок или высок его голос, она слушала непонятные слова и неотделимую от слов музыку. Песня длилась, куплет за куплетом. Среди лучей, сквозящих из окна, возник хоровод призраков, слетевшихся со всей округи. Лиза не знала, долго ли еще слушать, и мяла руки на коленях.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

— Ну вот, — голос Андрея изменился, потускнел.

— А-а, — Лиза еще не сообразила, что говорить. — А о чем это?

— Если перевести, будет что-то вроде букета цветов, который дарят красивой девушке.

И Лиза снова догадалась.

— Это от тебя тюльпаны? — спросила она.

— Нет, — удивился было Андрей, — а впрочем...

Скрипнула, не дала закончить неплотно прикрытая дверь, и оба вздрогнули как преступники. В щель прошмыгнул раскормленный угольно-черный котиче. Выгнув спину, он злобно зашипел. Лиза даже попятилась.

— Это Ефрем Павловича, — сказал Андрей. — Дьявол, а не кот. А звать его Навуходоносор.

— Как? — растерялась Лиза.

— Глупо, правда? Такое имя и выговорить-то непросто. Войка, что с него взять.

— Что здесь вообще происходит? Кто вы все такие? И зачем я здесь? — не выдержала вдруг Лиза, но Андрей уже вел ее к выходу. Кот-воевода тотчас выпрыгнул в коридор.

— Я расскажу в другой раз, — пообещал сосед, — обязательно.

... Когда Лиза вернулась к себе, то раздвинула шторы и долго глядела в окно. Память молчала; внизу унылые пешеходы муравьиной вереницей волоклись через грязь. Было серо, над дальними домами злобно мерцали ложные солнца. Тюльпаны в вазе предпочли старости смерть и теряли, теряли лепестки, не успев зачихнуть.

А вечером Марья Акимовна звонила Полянскому из коридора и говорила, прикрывая трубку, в ладонь.

— Да, — засмеялся Полянский по ту сторону, — я на него рассчитывал.

— И вы довольны? — удивилась Марья. — Вас не понять.

4

Весна все прибывала и ширилась, и вскоре ее сделалось так много, что не сдержать. Город наполнился соками, набухал, небесная оболочка лопнула и теперь оплывала будто воск. Над куполами и крышами засияло. Повсюду в избытке было шумных студентов и воробьев. Люди ходили нараспашку.

— Ага, — Ефрем Палыч Рябчиков обрадовался, обнаружив Лизу в кухне. Та сразу насупилась. Холеный тяжелый Навуходоносор махнул с ее колен. — Никак поладила с предводителем?

Лиза промолчала.

— Завоеватель и стратег, — Ефрем подхватил необъятного кота на руки, тот ощерился и зашипел как сковородка. — Летом, как ни вывезешь на дачу — на сотню метров вокруг уничтожается все живое. Ни тебе мышей, да что там, всякую птицу на лету сцапает... А ты все прячешься. Может, погулять?

Лиза мотнула головой. За последние дни она осунулась; ночами ей виделись короткие, но очень пакостные сны, и часто она просыпалась в слезах. Сосед-музыкант по-прежнему играл у себя, и в этой музыке Лиза находила хоть какое-то утешение. Ее страх, начинавшийся за пределами коммунальной квартиры, набирал силу и подкрадывался ближе. Весне Лиза не радовалась.

— А я бы прошелся, там славно сегодня, — Ефрем подошел к окну, щурясь. Солнце было ярким. — Ничего написать не могу.

Лиза стала мыть тарелки. Рябчиков уселся на подоконник под раскрытой форточкой и вытащил сигаретку. Навуходоносор прыгнул с его спины и блуждал у Лизы в ногах.

— Один товарищ по Союзу рассказывал, — заговорил Ефрем, пригладив пятерней косою чуб, — он в издательстве тогда работал. Так вот, у них был один... человек, каждую весну приходил и приносил одну и ту же книгу. Рукопись такая была, объемистая. Хотел, чтобы его напечатали. Беспокойник. Много кричал...

— И что? — спросила Лиза.

— У всех рано или поздно крыша съедет, вот чего боюсь, — погрузился Рябчиков. — Мне вот порой предложения снятся ночь напролет.

— А это как? — не поняла Лиза.

— Это когда все сплошь литература, — не очень внятно ответил Ефрем. — Господи, какая же ты милая! Настоящая барышня.

— Спасибо, — Лиза выключила воду и отправилась восвояси. Рябчиков курил.

Алексей Михайлович нагрнулся чуть после. Его не было больше недели, и о визитах он никогда не предупреждал.

— Как дела? — к этому вопросу Лиза привыкла. Задавая его, Полянский всегда сверлил ее своими разноцветными глазами. Взгляд его проницал насквозь.

— Скука, даже телевизора не посмотреть, — Лиза поглядела на него с вызовом.

— Телевизор есть у Маруси, — спокойно сказал Полянский, — попрошу, чтобы вынесла. К тому же, уйти ты всегда можешь.

Лиза покраснела.

— Я ведь не знаю, куда мне идти! — бросила она. — Я ничего не помню!

— Ну-ну, ладно, — Полянский примирительно потрепал ее по голове, ероша волосы. — Я хочу, чтобы ты привыкла немного. Кстати, ты ведь еще не познакомилась с нашим музыкантом?

— Нет, — соврала Лиза.

— Вот и хорошо, — Полянский подмигнул особым глазом. Лиза боялась: было в нем что-то потаенное, неясное, заставляющее ожидать либо горя, либо великого чуда...

Он оставил неизменные конфеты — в жестяной коробке, с орехами, и ушел вместе с Рябчиковым. Лиза выглянула: на улице они распрощались, Ефрем направился в сторону набережной канала, край которой был виден из окна, а Полянский уселся в темно-синюю иномарку, припаркованную у подъезда. Когда Лиза сунулась в коридор, то почти столкнулась с молодым соседом.

— Они уехали, оба, — зашептала она.

— Да, я знаю, — Андрей блеснул улыбкой из темноты. — И мы сможем поговорить.

Они задержались вблизи друг друга чуть дольше, чем нужно. Лиза ощутила чуждое дыхание и отстранилась.

— Муж Марьи Акимовны из рейса вернулся, — сказал Андрей, — он у нее на железной дороге проводник. В Крыму, говорит, холодно еще. Теперь два дня дома будет. Давай сбежим?

— Да, хорошо, — и Лиза кинулась одеваться. Набросила кофту, наспех пригладила встопорщенные волосы, уже почти равнодушно глянув на зеркального двойника.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

В прихожей Лиза замешкалась — знакомый страх едва не остановил ее. Там, снаружи, была лестница, а за ней...

— Я не знаю, — призналась она. — Я туда боюсь.

— Пустяки, — Андрей хотел взять ее руку, но Лиза не далась, — мы же вместе пойдем.

Они спускались, ни о чем не говоря, и шаги отзывались гулко в прорехе между этажей. Внутри старого дома гнездились сырость и мрак. Лиза ощущала близость воли: внизу железная дверь была распахнута.

— Нет, не могу, — неожиданно для себя самой Лиза вцепилась в перила. У нее, как и в прошлый раз, закружилась голова, и ступени разом вздрогнули, искривляясь. Колодезное жерло лестницы опрокинулось со всех сторон.

— Холодно тут, — выговорила Лиза. Губы ее пересохли, а в груди забилось, затрепетало птицей.

— Возьми, — Андрей отдал ей свою куртку. — Если не хочешь идти вниз, пойдем на крышу. У меня есть ключ.

Подниматься пришлось немало: в доме было пять этажей, пролеты были большими, а ступени крутыми. На последнем этаже, выдохшись, они обнаружили раскладушку и свалевшийся ватник, вход на чердак был закрыт решеткой. Андрей снял навесной замок, стараясь особенно не шуметь, и отпер глухую, обитую гниющим войлоком дверцу. Они вошли, пригибаясь.

Из-под ног со звоном разбегалось полчище порожних бутылок и еще что-то, ползучее. Пахло затхлостью и смолой. Андрей щелкнул зажигалкой и с огоньком повел Лизу дальше.

— Здесь могут быть крысы, — предупредил он.

— Мне это все равно, — отозвалась Лиза.

— Крысы безобиднее людей, — согласился Андрей, — некоторых людей.

На крышу вывело слуховое окошко. Дальше была покатая блестящая кровля и водосток, и над ними суетливо и беспутно гулял ветер. Лиза схватилась за стену, выглянув; с непривычки дух у нее перехватило. Яркое разнообразно-лазурное пространство брызнуло и расплескалось вокруг. Они устроились рядом на краю окна, свесив ноги наружу. Андрей жестом фокусника извлек из глубоких карманов куртки две бутылки пива и умело вскрыл зажигалкой. Крышки одна за другой всхлипнули и скатились по кровле вниз.

Ветер метался, буйствовал, рвал и трепал провода и антенны. Крыши соседних домов на многие кварталы сверкали листовым железом, отражая высокое солнце. Круглый свод Мариинского театра, кирпичный лес труб и над ними Исаакий... На Неве сухостоем торчали корабельные мачты. Левее, у Адмиралтейских верфей гнули головы плавкраны, очень похожие на скелеты тираннозавров. Небо было кремовым и сладким, с пенистыми сливками облаков. Лиза засмотрелась.

— Отсюда город выглядит лучше, — заметил Андрей. — Там, внизу и смотреть не на что.

— Ты что, приезжий? — Лиза сделала большой глоток, и в носу защекотало.

— С чего ты взяла?

— Был бы питерский, не говорил бы так. И еще бы сказал, что тут всегда хорошая погода.

Андрей засмеялся, наклонив голову, отчего кудрявые волосы рассыпались по его лицу.

— Ты права, я из Австрии, — сказал он. — Здесь недавно совсем.

— Из Австрии? — Лиза оглядела его с интересом и не заметила ничего от иностранца.

— Так уж вышло, — сказал Андрей. — А с тех пор, как я сюда приехал, у меня одни неприятности. Теперь все не так.

— Расскажешь?

— Да. Уверен, ты согласишься. Мне кажется, наши судьбы мистическим образом связаны, — добавил Андрей со значением и начал рассказ.

5

...Говорят, сначала моя семья была бедной и мы жили совсем скверно, пока не переехали в Вену. Я этого всего не помню, мне не было и четырех. У меня было полно старших братьев, и мы все ютились в одной комнате; однако потом у отца появилась собственная школа.

В те дни все вокруг наполнено было звуками. Бегали школяры, хныкала грудная сестра. Улица была ремесленной, дома лепились на ней тесно, и оттого было хорошо слышно все, что делалось у соседей. Башмачники, столяры и прочий рабочий люд строгал, стучал, вколачивал и мастерил по-всякому, и над кварталом витал особый деловитый шум. Мне нравился этот шум, ведь я слышал в нем музыку. В те времена никто не стеснялся: на улицах напевали, насвистывали, мурлыкали и бурчали под нос. Это трудно понять, но тогдашний воздух пах трудом, людским потом, лесом и музыкой. Это был особый запах, дух дикой воли. Запах, в котором сплелись накрепко жизнь и смерть.

После ужина отец предлагал старшим поиграть. Нотной грамоте учили в школе, и это было так же нормально, как распевать песни на рыночной площади. Отец брал виолончель, братцы мои — по скрипке, и в такие вечера необязательно было рано ложиться спать. Я любил эти домашние концерты, хотя скрипки не строили, а отцова виолончель сипела и звучала порой ужасно. Едва я смог обхватить гриф четвертушки и совладать со смычком, меня стали учить. Скрипка, конечно, не слушалась...

Андрей обернулся и осторожно поставил пустую бутылку во тьму чердака, после чего извлек и вскрыл еще одну. Солнце взошло и теперь стояло в зените, крыша согревалась в прямых лучах. Внизу, у компьютерного клуба старшеклассники с куревом облепили забор, и ломкий гогот их отзывался в оконных стеклах. Лиза пообвыкла и поглядывала на Андрея приязненно, тот продолжил.

...Я занимался скрипкой с настоящим педагогом. Правда, тот вечно шутил, что меня и учить-то нечему, мол, схватываю на лету. Как бы там ни было, отец заподозрил, что в будущем я захочу музыкантской карьеры, и был против. Но это произошло позже, а сначала был конвикт.

— Что? — не поняла Лиза.

— Конвикт, к тому же императорский, — Андрей усмехнулся, — звучит пафосно, а на деле это был закрытый интернат. Отец был доволен: из конвикта прямая дорога вела в университет.

— А, — Лиза отпила пива, поглядев на сливочные облака. И все-таки небо выдалось небывало сладким.

— Тебе неинтересно? — забеспокоился Андрей.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

— Ну, — Лиза взглянула на него, — просто я бы хотела... о другом. Ты обещал рассказать обо мне!

— Этого я не могу. О тебе я сам почти ничего не знаю, — он улыбнулся, — зато я знаю, кто такой Полянский. Но все в свой черед.

... В конвикте была форма, режим, и все вместе это напоминало военщину. Мы ложились и вставали по звонку и в случае чего опасались розог, однако там были две вполне приятные вещи. Ученический оркестр и выпивка. Нам удавалось совмещать одно с другим, духовики таскали пиво на репетиции прямо внутри инструментов. Они сидели позади всех, хлебали хмель и фальшивили. Мы, скрипачи, отчаянно трудились у чеха-дирижера под самым носом и завидовали им. Однако оркестр играл хорошо.

Это были славные деньки. Во время французской осады снаряды разворотили полконвикта, вокруг творился полнейший бедлам. Вена сдалась, война унеслась на восток, потом был подписан мирный договор, и вот тогда мой отец запретил мне всякие мысли о музыкальной карьере.

— Война? Какая война? — впервые слова Андрея показались Лизе странными.

— С Наполеоном, конечно же, — снисходительно объяснил тот.

— Но разве это не было... очень давно? — Лиза нахмурила лоб. Скучное повествование вдруг показалось ей неумелой шуткой: как бы ни было, она не дура.

— Теперь уже давно, — согласился Андрей.

— Кажется, ты порядком заливаешь, — сказала Лиза. — Что там у тебя дальше?

... А дальше я стал брать уроки музыки у маэстро Сальери. Он был порядочным занудой. Старик, сварливый иностранец, он не нравился многим, даром что ли сочинили про него столько баек? Завистник, а то и отравитель — чушь. И учитель, и музыкант он был превосходный. А потом умерла мать, и мы помирились с отцом. Дела мои в конвикте сделались совсем плохи. Я нахватал столько двоек, что выкарабкаться было никак. Да и денег не было ни черта, к тому же половина друзей обзавелись дипломами и выбрались на свободу. Я написал симфонию для нашего дружного вечно пьяного оркестра, продирижировал ею и послал дальнейшую учебу к дьяволу. За это, конечно же, я тотчас попал под призыв. Однако я не вышел ростом и стал школьным учителем, что само по себе было наследственным в нашей семье...

— Ужасно, — Андрей был очень увлечен своей речью, — эти детишки. Они просто бесили меня, и я не раз ломал линейку об их твердые лбы. Но вот мой отец — он был просто счастлив.

— Почему? — спросила Лиза, сдерживая зевоту.

— Читал, что нашел управу на меня, но это вряд ли. Мне все осточертело. Я бросил преподавание, зная, что останусь совсем без средств.

Но у меня были друзья. Они помогли мне не сгинуть и здорово выручали меня. Мориц, Лео — о, это была компания! Вена желала тогда легкости и блеска, она желала лишь вальсировать и жрать, слушать императорских толмачей да пошлого чтива. Мне и моим друзьям это было поперек горла. Мы собирались на квартирах друг у друга, мы играли нашу музыку и читали стихи, мы были настоящим венским андеграундом! Мы занимались искусством и развлекались, а уж в развлечениях толк знал каждый из нас. Вина было выпито больше, чем течет воды в реке Дунай!

Андрей рассмеялся.

— У меня был один друг-гитарист, — сказала Лиза. — У него была группа, и они играли панк... — она осеклась. Ей вдруг вспомнилась дымная квартира, и холодный пол, и битая кружка в руке.

— Это, знаешь ли, не одно и то же, — сказал Андрей. — Я вот, например, однажды слышал самого Бетховена.

... Это было потрясающе! Музыка эта насыщала тело, мышцы и жилы энергией, а душу окрыляла и заставляла трепетать. Я был болен Бетховеном. Его музыка овладевала и побуждала овладевать. Пугающие бездны разверзлись передо мной в тот день. Есть вещи, которые, увидев однажды, уже не можешь забыть, которыми навек отравлен и в сравнении с которыми мир всамделишный кажется блеклым и бедным. Но свет из этих пропастей способен озарить любую, даже самую скромную жизнь.

— Он был худ, седовлас и растрепан, — вспоминал Андрей. — И он повелевал стихией...

Лиза скучала. Она глядела на Андрея со смешанным чувством недоумения и даже страха. Бледное лицо его окропилось румянцем, а темный взгляд пылал. Солнце тонуло в тучных облаках, хмарь застила небо с Васильевского, по крышам скользили рваные тени. Лиза поежилась.

— А что было потом? — не выдержала она. На крыше сделалось холодно, солнце совсем скрылось, а рассказ затянулся до невозможности.

— А потом, — Андрей задумался, — потом мое здоровье пошатнулось. Кто-то скажет, что я вел не тот благочестивый образ жизни, что предписан нам буквой мещанских законов, а кто-то скажет, что я ужинал не всякий раз и едва сводил концы с концами. Я слишком много работал, слишком много сочинял. Тело мое поступило предательски, — он усмехнулся, скрывая смущение. — Врачи нашли мое состояние безнадежным. И меня отправили на лечение сюда, в Россию.

— Сюда? — изумилась Лиза.

— Уж и не знаю, кто собрал для меня денег, — сказал Андрей. — С тех пор как я уехал, я не получал ни одного письма. Много времени прошло, и все вокруг изменилось.

— Наверное, деньги нашли твои друзья, — предположила Лиза.

— Я тоже так думаю, — подхватил Андрей. — Болезнь — это довольно-таки поганое дело, но доктор Полянский профессионал и деликатный человек.

— Доктор Полянский?! — переспросила Лиза.

— Он врач, — сказал Андрей, — и вдобавок очень хороший.

— Я должна видеть его, — тут же вспыхнула Лиза, — сейчас же.

6

А в известной кухне тем временем происходило вот что. Перенесли телевизор; на кронштейне освободили место (прежде там стояла мясистая, почти плотоядная герань), и теперь оттуда рябили кадры. Звук был выключен. Марья Акимовна водрузила герань на холодильник, подстелив салфетку. В духовке пеклись пирожки с капустой — теплый запах тек из всех щелей и томил.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

Писатель Рябчиков с доктором Полянским битый час вкушали белую. Закусывали резаным бородинским и домашними соленьями. Третьим за столом был Коля, Николай Ефимыч — муж Марьи Акимовны, проводник в поезде номер семь–восемь, «Петербург–Севастополь». Коля спал, фундаментально навалившись на стол, упрятав лицо в локтях и показывая розовую проплешину на макушке.

— Идеальная вы женщина, Марусенька, — сказал Рябчиков. Та заглянула проверить, подошли ли пироги. — И всегда в заботах.

Марья Акимовна улыбнулась совсем по-девичьи, вытащив противень, и потыкала корочку спичкой. Горячий хлебный аромат вырвался наружу.

— Зарумянились, — сказала она.

Полянский выпил в один хлопок и потянулся за пряным грибочком. В беззвучном телевизоре пластмассовый юноша задавал вопросы рабочему человеку. Полянский жевал. Ефрем сидел тихо, глаза на экран, и вдруг так же тихо запел.

— Эх, дороги, пыль да туман, холода-тревоги да густой бурьян...

Полянский налил еще. Голос Ефрема звучал высоко и будто звенел на излетах и оттяжках, звучал с молодецкой, пропащей тоской. Марья Акимовна глядела на Ефрема и, склонив голову набок, любовно улыбалась.

— Выстрел грянет, — пел тот, — ворон кружит, твой дружок в бурьяне неживой лежит...

— Вы, Ефрем Павлович, так поете, а я и не знала, — похвалила Марья Акимовна, когда тот замолк. — Вам надо петь... на телевидении.

Рябчиков махнул рукой, столкнул стаканы с Алексеем Михайловичем, выпил, поморщившись.

— На телевидении, — сказал он, — это как раз не нужно. До чего ж мы докатились, если народ петь разучился и песням удивляется! Позор, сплошной позор...

— Да я ж серьезно, Ефрем Павлович, — обиделась Марья.

— Да и я шутить не изволю, — Рябчиков вздохнул. Медленно начинал он мякнуть и сникать; выпитое тяжелило.

— Ты закусывай, — Полянский дал ему вилку. — Жуй, Рябчиков, жуй. А ты, Машенька, не слушай его. У него день был хлопотный. Вот и чудит.

Марья Акимовна подхватила противень рукавицами, вытащила совсем, стряхнула готовые пирожки на стол, накрыла полотенцем.

— А ты задумывался, какие слова там? — Ефрем поглядел на Полянского пронзительно. — «Дружок лежит неживой». Неживой, понимаешь? Каково, а? Горче-то и не скажешь. Они, — он махнул на телевизор, — теперь так и сказать не могут. Нет у них аналогов такого слова.

— Будь ты филологом, я б тебе поверил, — Полянский ухмыльнулся в сытые щеки, мигнул.

— Что ж я, по-твоему, английского не знаю? — Ефрем закурил, встал решительно, дернул форточку. — Я его, между прочим, на море изучал и с иностранцами за переводчика общался. Нет у них тонкости нашей, гибкости словесной нет. Они говорят, а у меня здесь, — он саданул себя в грудь, — не вибрирует.

Проводник Коля всхрипнул аппетитно, размашисто.

— Ничего у нас с ними общего, — продолжал Рябчиков, — между нами всегда пропасть, насаждай — не насаждай. Это оно пока

приживается, дуракам на усладу. Но еще даст о себе знать душа русская, еще покажет! Веришь ли мне, Алешка?

Полянский соглашался.

— Вот как я русскую натуру понимаю, — распространялся Ефрем, — у нас все от пространства идет. Большая Россия. Ширь кругом необузданная и неохватная, земли много, а что делать с ней? И силы много, да куда ее приложишь? Мысль бежит у нас далеко, в запредельное, в небеса тянет... Оттого и тоска лютая, шальная, неодолимая душит, — Рябчиков блестел глазами и сотрясал навязчивым чубом. — Сколько мужиков-лапотников в небо рвалось вот так, крыла деревянные прилаживали да и сгали с колоколен, и вдребезги... Вдребезги.

— Демагог ты, Ефремка, — заботливо сказал Полянский. — А демагогов народ не любит.

— Да уж могу себе представить. Вот сидим здесь, разглагольствуем, а жизнь — она другая. Мы вроде как все метафорами. А тут, мол, работать надо, а не болтать, и поди-ка попляши. Что ж, а мы такие! Философия, между прочим, всегда шла рука об руку с бездельем.

— Ну, ты не обобщай, — Полянский расплылся в довольной улыбке. — Это ты у нас бездельник, а я людей лечу.

— Ты, Алешка, вообще... — Рябчиков вздохнул. — Таких как ты и нет больше. Богатырь, богатырь не мельчающий... Душа людская... это как раз твоя забота.

Мягко отворилась входная дверь, и в коридор прокралась Лиза.

— ...И никакой экономической политикой не решишь, — слышалась речь Ефрема Палыча. — Благосостоянием мнимым всенародным хуже сделаешь, все сыты, обуты, чего, мол, еще надо? Жрать в три горла — не выход, да и всех ведь не ублажишь. Одни с бескормицы забесятся, другие обожравшись вырождаются. Тут особое лекарство... нутром народ хвор.

Лиза застыла в пролете под дверным косяком, Полянский развернулся и глядел на нее.

— От чего вы меня лечите? — спросила Лиза. — Вы ведь врач, не отпирайтесь. Мне Андрей все рассказал.

Полянский сделал жест: садись. Хмуриться он и не думал. Лиза в дверях медлила.

— Андрей, — протяжно повторил Полянский, — какой он у нас молодец, наш Андрей.

Рябчиков умолк и устался на нее с беспокойством. Мелкие пальцы его мяли кусок горбушки.

— Ну хорошо, — Полянский выдвинул табурет и указал на него; Лиза стояла, — ты хочешь знать, я скажу. Ты проглотила двадцать таблеток нозепама, и если бы не звонок в скорую, тебя бы здесь не было.

— Двадцать таблеток? — глаза у Лизы стали большими, вспугнутыми. — Зачем?

— Это тебя надо спросить, милая, — усмехнулся Полянский.

— Я не знаю, — сказала Лиза, — и я не верю вам.

— Как пожелаешь, — Полянский потянулся за остывающим пирожком. — Память твоя нарушена временно, и здоровье идет на поправку.

— А почему не в больнице? Зачем здесь? — вспылила Лиза.

— Потому что, — Полянский встал, сразу заполонив собой полкухни, — я взял тебя на амбулаторное, под собственную расписку. Это моя квартира, и ты здесь гостишь временно, — он оправил жилетку,

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

пригладил косматые волосы и все жевал пирожок. — Но на твоём бы месте я не спешил поправляться и уходить.

— Это ещё почему?!

— Ты, конечно же, не помнишь, но в истории этой нет ничего увлекательного. Ты и твоё компания учинили погром в одном магазине, а потом вас, как говорится, накрыли. Парень твой тебя бросил, а сам загремел куда следует. За воровство, между прочим.

— А родители? — ахнула Лиза.

— Нет их у тебя, уж прости, мамка сбежала, — Полянский задержал на ней разноцветный взгляд, от которого Лиза враз оплавилась. — Ну все, Ефрем, пора мне.

Он тронул писателя за плечо и вышел, расторопно пригнувшись под притолокой. Лиза села на табурет. Она плакала, сначала неслышно, а потом зарыдала, отдавшись горю, всхлипывая глубоко и часто.

— Ну, — стал утешать Рябчиков, — не убивайся. Вот, чайку с пирожком, а?

— Не хочу я! — Лиза отпрянула.

— Не плачь так, пожалуйста, сердце у меня разорвется, — Ефрем говорил нетрезво, и Лизе стало противно. — Алексей — он поможет.

— Как же, — сказала Лиза со злостью, — ему-то все равно. Кому какое дело до меня?

И она бросилась к себе, без оглядки, разливая ручки обидных слез. Ефрем Палыч Рябчиков вздохнул, пробормотал что-то, да и уронил голову.

7

С тех пор Полянский с визитами зачастил. Уже около недели он навещался ежедневно, не обходя вниманием при этом никого из жителей квартиры: одаривая Лизу очередным шоколадом, слушая фортепианную игру Андрея, столовничая с Ефремом и перекидываясь шутками с Марьей (Марья Акимовна была медсестрой в психиатрическом диспансере, где работал Полянский, а по совместительству еще и родственницей последнего). Сам Алексей Михайлович по большей части сживал в кухне, иногда даже ночами, перед кипой разнообразных справок, выписок, журналов и книг. Он делал пометки карандашом, теребил отросшие седые космы, дремал сидя, тянул остывший кофе и один раз закурил сигарету под форточкой. Немолодое сердце Полянского изрядно барахлило, и прежде от курения он предпочитал воздерживаться. Было ясно, что дела вдруг пошли наилучшим образом.

Великий пост близился к концу. Теплому марту пришел на смену стылый продувной апрель. Погода сделалась нервной, хмурилась и дрожала; ветер поднимал бурю пыли, бросался на прохожих, будто брехливая псына.

И вот в начале мая на Пасху пошел снег. Сначала сверху посыпало пенопластовым крошевом: вешнее солнце жгло глаза, в ветвях зрели почки и огульно кричали птахи, никольские колокола возвещали праздник, студенчество и старшеклассники обнимались бесперебойно у каждого забора, и на все это оседал белый порошок. Ветер окреп до восьми метров. К обеду, когда люд покончил христосоваться и мериться силой на яйцах, пенопласт сменили крупные хлопья и повалило так, что мир побелел целиком и полностью. Всякая прочая видимость пропала на расстоянии локтя. Кругом были пробки и ДТП.

Намело сугробов. В считанные минуты город оказался погребенным в густой снеговой каше, какой не случалось и в Рождество. Над улицами летели удивленные вопли и отборная брань. Те, кто сидел по домам, прильнули к окнам, наблюдая, как во дворах детвора на скорую руку ваяет снеговичков.

Охая, Марья Акимовна закрыла все форточки. Снег облепил подоконники. В кухне была прорва освященных куличей в глазури, на столе стояла творожная глыба с изюмом и отъеденным краем. После праздничного обеда Рябчиков с Андреем курили, тщедушный Андрей напялил свитер, сетуя на диковинную русскую погоду, Полянский обложился бумагами и нависал над ними, будто сыч. Именно тогда каркнул и задрезжал дверной звонок, и Марья Акимовна заторопилась открывать.

Посетитель, бесшумно явившийся пред очи жителей коммуналки минутой позже, приветствовал:

— Христос воскрес.

Тоще ноги в сползших носках он прятал в гостевые тапки, сам был в костюме в елочку и заношенной рубашке, в ворот которой вгрызался куриный кадык. На обширной лысине его дотлевали капли снега. Голое лицо с изрядным носом и гармошкой лобных морщин было выжидающе-деликатным. Посетителя узнали двое: Полянский и Андрей.

— Воистину, — смяв окурок, Андрей нервно моргнул. — Давно не видел, Самуил Елисеевич.

— Какие погоды, — цокнул тот, — а ведь пророчили прямо-таки жару.

— Чайку, куличик, яичек, водочки, — дежурно перечислил Рябчиков.

— Чайку с куличиком, — согласился гость, — не откажусь.

— И тебе здравствуй, — Полянский протянул могучую ладонь, когда тот усаживался к пасхальному столу. Над ними пронеслись тучи.

— Вижу, неплохо вы тут все устроились, — похвалил Самуил Елисеевич Ройфман, заведующий отделением реабилитации. — Чем занимаетесь? — он вопросительно взглянул на Андрея.

— Здесь я могу работать без помех, — сказал тот, — каждое утро сочиняю песни.

— Вот видите, Алексей Михайлович, сочиняет песни! — подчеркнуто заметил Ройфман, едва ли не воздев вверх указательный палец.

Полянский глянул на него мельком, по-зимнему и тяжело, и обратился к Рябчикову:

— Нам бы, Ефремка, поговорить...

— Понял, — быстрый Рябчиков кивнул, сгреб Андрея под локотки и аккуратно прикрыл за собой дверь.

В кухне остались Ройфман и Полянский. В образовавшейся тишине Ройфман пил сладкий чай. Он поглядывал на Полянского, поглядывал внимательно и как будто с ехидством, и от каждого взгляда морщины рябью лезли на его лоб, будто волнение от брошенного в воду камня.

Самуил Елисеевич был человеком мерзким. Он мочился в постель до самой школы, сверстники не любили его за гордыню. Потом поступил на медицинский, на последнем курсе женился, неожиданно на милостивой, но дурочке, дурочка оказалась стервой и прижала мужа к ногтю. Дальнейшая биография теряла в красках: стажировка в

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

Бехтеревке, череда служебных адресов, двое отпрысков-заморыхов, алкоголь украдкой и друзья-знакомые, которых он втайне презирал. С другой стороны, жизнь научила его лавировать: кольцами и изгибами он прокладывал себе путь вперед, будто угорь. Нынешний главврач был пенсионного возраста, да и немало самовольничал в последнее время. Иного бы оступившегося подтолкнуть...

— Вижу, в праздник работаете, Алексей Михайлович, — Ройфман любовно коснулся губами чашки. — А говорят, грешно.

Полянский расшиб яичный бок об угол стола и стал счищать скорлупу.

— Подопечные ваши как? Где Лизанька?

— Елизавета Вадимовна на прогулке, снега захотела, — Полянский жевал. — А если здоровьем интересуешься, то — не узнать. Все у нее замечательно.

— Вот как? На прогулке, значит? — Самуил Елисеевич разогнал морщины удивленно. — А ведь не положено. Нарушаете порядок?

— Да здесь, во дворе она, бабу вон катает, — Полянский посоллил, — воздухом дышит. Мне лучше знать, что положено, а что нет.

— Дивная у вас все-таки метода, Алексей Михайлович, — сказал Ройфман. — Снеговичков лепим, песенки сочиняем... А ведь мы с вами имеем дело с, так сказать, асоциальными элементами общества!

— Любишь ты пафос, — Полянский утерся и подошел к окну, загородив собой проем, — и терминология твоя неуместна. — В глухом внутреннем дворике Лиза и присоединившийся Андрей толкали огромный ком. С неба продолжало снежить. Морозу не было, и лепилось хорошо.

— А я вам скажу, Алексей Михайлович, — начал Ройфман, — всю правду скажу, честь по чести, что я думаю. Вы вот взяли двоих пациентов на попечение, устроили им тут, что называется, полный пансион, балуете, а они оба, между прочим... Вместе им никак нельзя, как бы не случилось чего.

— Я работаю тридцать пять лет, — Полянский расплылся в улыбке, — и кой-что в своем деле смыслю. Не надо волноваться так.

— С девицей-то все ясно, приглянулась вам, вот и взяли под крылышко, вольность конечно, но что же делать, — рассуждал Ройфман, поглаживая край опустевшей чашки. — Амнезия у нее временная, как только память вернется, другие органы ей заниматься будут. А вот мальчик безнадежен, это я вам сразу сказал. Здесь необходим долгий процесс адаптации, невозможный в таких условиях. Да, по правде говоря, и после... не видать ему нормальной жизни.

— А что такое, по-твоему, нормальная жизнь? — Полянский в задумчивости повернулся к нему.

— Обойдемся без философии, — Самуил Елисеевич встал. — Ты сейчас не имеешь права на ошибку, я пришел сказать тебе по дружбе. Твоя затея вызывает большие сомнения и у меня, и у других. Ежели что случится — тебе отвечать.

— И ты мне это говоришь? — Полянский спросил звучно и даже трубно, сейчас очень похожий на оперного боярина.

— Жить ему не здесь, а там, — хиленько, но невозмутимо продолжал Ройфман, — и ты не Господь Бог, чтобы жизнь эту переделывать. Нельзя ему. Опасно.

— Ну а мы не из трусливых, — Полянский сжал яйцо до хруста. — Быть может, я как раз и хочу для него нормальной жизни. Нормальной, не хуже нашей, понимаешь?

— Я-то понимаю, — Самуил Елисеевич заулыбался, — поймут ли другие.

Он деликатно распроцался и, бесшумно извиваясь, уполз в коридор, откуда выпрыгнул черный Навуходоносор.

Внезапная метель оставила город, и он стоял огорошенный, не к столу нарядный, совершенно белый. Птицы примолкли, снег лежал смиренно.

Доктор Полянский сидел неподвижно, почернев. Визит неладного Ройфмана хоть и был некстати, не изменил ничего и не принес ничего нового. Елисеич скользнул куда-то под коряги и не оставил даже осклизлого следа; однако Полянский думал. Он надел очки и снова снял, повертел в руках, отложил. В папке перед ним лежало личное дело пациента Андрея Григорьевича В., проще говоря, история болезни. И внутри этой папки были все беспокойства, тяготы и хлопоты Полянского.

До принудительной госпитализации Андрей был студентом отделения истории музыки в государственной консерватории. Студентом он был совершенно нормальным, почти даже обычным. Родился в средней полосе, окончил Орловское музыкальное ПТУ, называемое уже тогда колледжем, вокальное отделение и в придачу какое-то еще. Был в меру талантлив и в таланте своем уверенно крепок; приехав на невские берега, выдержал вступительные экзамены без стрессов, был зачислен, уехал восвояси догулять остаток лета. Уже потом, когда начался семестр, выделялся в среде петербургского молодняка прямой, которую те могли счесть неотесанностью, и рвением к учебе, которое так и не сочли лизоблюдством. Сокурсники были сплошь местными и искушенными; учились от скуки, верности традициям и, так сказать, для разнообразия; придурь, странности и заскоки поощрялись. В дремучем Орловском колледже с заскоками вели борьбу.

К летней сессии первого курса Андрей заслужил статус отщепенца. Назвать изгоем не поворачивался язык: его не презирали и не избегали, скорее, усмотрели в нем коллекционный экспонат, которым при случае можно и щегольнуть. Валенок, восторженный труженик, приехавший не пожинать осенний урожай, а возделывать новый. Прогрессивный идеализм выходца из глубинки вызывал у «коренных» ностальгию.

На втором курсе Андрей Григорьевич оказался под опекой педагога-руководителя, деятельной и очень научной дамы, которая вцепилась в него прямо-таки намертво. Спешно, прежде всех сроков выбрали тему диплома. Андрей, орловский почвенник Андрей, плотно занялся немецким языком. И был читальный зал, и умлауты, и поиски статей, и картотека... Кофе стыл в размякшей бумаге. Из манящей минералогии северной столицы полезли призраки: здесь ходили великие, здесь создавались шедевры, застывали в веках, засыпались пеплом, пылью, прахом, пылили и плавилась... Ветер подхватывал и нес к западу. Вместо старого Петербурга, с его памятным изгибом Грибоедова канала, проступал образ старой Венны, звучащей на все лады, в которой тесно было гениям, крепчал и подменял зеленые просторы средней полосы. Андрей глотал шифры, листал книги и ноты и начал было строчить диплом. Прочили аспирантуру. Научная дама приобрела осанку, глядела ободрительно и гордо. Неслось время, тончились корни, химеры обретали плоть, росло новое, темное, жуткое...

Очнувшись в конце четвертого курса, когда Андрей вдруг заявил, что пишет музыку. Заявил скромно, но страстно и с восторгом. Новостью заинтересовались, зароились планы, выслушали. Недоумение

было общим. Все, что Андрей преподнес как собственные сочинения, оказалось вполне известным и к тому же столетней давности. Шутку нашли дурацкой. Андрей был оскорблен. Он стал с особой настойчивостью добиваться признания, игнорировал просьбы урезонить себя, насмешки, выговоры и увещевания, и уже прямые обвинения... Нет, он чужое за свое никогда не выдавал. Просто мир изменился, на двоих хмарь, в голове музыка, а Орловской губернии никогда и не было.

Алексей Михайлович Полянский еще раз перечитал все это. Перецел просто так, формы ради, хотя знал, что не найдет ничего нового — ни мыслей, ни идей. Пациент Андрей Григорьевич В. был убежден, что родился 31 января 1797 года близ Вены и что написал восемь симфоний, последняя из которых пока не была окончена. Пациент был убежден, что его имя Франц Петер Шуберт.

— Против чего природа взбеленилась, не разберу, — светлый голос Рябчикова вернул кухню, Пасху, метель. — Значит, люди делают что-то неправильно. Солнечное затмение всегда приходило на помощь политикам, а тут...

Ефрем Палыч радовался остаткам снега, оплывавшим на плечах. В бороденке его застряла капель.

— Прошелся немного, поглазел на баб, — весело сообщил он, — их, снежных, до самой площади семь штук. А на унылых, между прочим, воду возят.

— На сердитых, спасибо, — Полянский сумрачно кивнул. Отложил историю болезни, тронул очки, развел руками. — Ты представляешь, эта сволочь так и ждет, когда меня отправят...

— Куда? — Рябчиков уже сел и чистил синенькое яйцо.

— На пенсию, — разъяснил Полянский, — Елисеич был, грозился, шептал-любезничал здесь... Вроде как предостеречь пришел, а на деле это его личные происки, да только вот я-то, может, уйду, но праздника на улице его все равно не будет.

— Ты безнадежно устарел, Алеша, — Рябчиков вовсю угощался, — и в этом смысле тебе, конечно, пора бы отдохнуть. Ведь ты ж специалист по тем, у кого с головой плохо, а безумие — вещь актуальная. Быть не в себе нынче модно, а вот лечить от этого — нет.

— Что-то ты не то говоришь, Ефремка, да еще и не своими словами, — усмехнулся Полянский. — Брось, не идет тебе декадентство это.

— Знаю, — согласился Рябчиков, — я и формации другой, и возрастом не успел. Да только вот когда все вокруг нормальные, да такие нормальные, что и на людях бывать не стыдно, все чаще заводятся кто-нибудь порченый. Душевнобольной. А что это означает? Болезнь души доказывает ее наличие — есть она, душа, стало быть.

— Завел лекцию, — Полянский глянул в окно; снеговик обнажил ершистую черноту на земле и выглядел добротным пугалом. Лизы и Андрея не было.

— Были души мертвые, стали ископаемые, — вторил сам себе Рябчиков. — Мы живем в век слабых, когда рожают пророков, а не героев. А пророки — они все того-с.

— Ты словоблуд, а я врач, — нахмурился Полянский, оправившись от раздумий. — И у меня задача. Есть человек, который достаточно крепок и хорош, чтобы жить без посторонней помощи. Парню ведь не психушка нужна, не мы с тобой, а нормальное будущее.

— Ему нужна музыка, — поправил Рябчиков, — а для многих это само по себе ненормально.

— Пусть переписывает, сколько хочет, пусть говорит, что это он сам... понапридумал. Сучебы его выгнали, а остальные знать не знают его Шуберта, — кипятился Полянский («Я знаю», — ввернул Рябчиков), — ну хорошо, по крайней мере, не знают в деталях. Вернется к родным, отдохнет, а там жизнь приберет его к рукам. От простой, обычной жизни не так-то просто отделаться.

— Для этого и ехать куда не надо, — заметил Рябчиков. — А способов от этой обычности защититься не так уж и мало: одиночество, напитки крепкие, убеждения и близорукость... Наконец, можно родиться в божьей рубашке.

— Если его нельзя вылечить, значит, надо доказать, что он здоров, — сказал Полянский. — И как прикажешь это сделать?

8

— Мне снился сон, будто я спускаюсь по широкой парадной лестнице. Сзади напирала толпа. Они спускались следом и торопили: «Вызвался идти первым, так шевелись!» Вдруг один из них не выдержал и поддал мне локтем в спину, да так, что мое сердце вылетело наружу. «Разобьется!» — заволновались в толпе. Но сердце оказалось упругим и поскакало вниз по ступеням, как мячик. Мне сделалось стыдно: мое сердце было совсем не красивым и походило на ошметок липкого мяса. Люди за моей спиной осмелели и погнались за ним, тесня и толкая меня с пути. Я покорялся им, без сердца силы покидали меня быстро.

Наконец я обессилел и умер. Внизу стоял человек. Он подцепил еще свежее сердце носком башмака и вставил себе в грудь с правой стороны. Теперь у него их два — про запас...

— А как это, когда умираешь во сне? — спросила Лиза. — Ты чувствуешь что-то особенное?

— Пожалуй, — Андрей призадумался. — И я почти уверен, что на деле все происходит точно так же.

— И как? — Лиза очень хотела ответа.

— Это омут. И ты почти не противишься тяге внутрь него.

Под ногами почти ничего не осталось. С прогалин скатали исподнее, утыканное сором и травой, сверху больше не падало. Снеговик, пока слепой, вышел неохватным и по части долготетия обещал дать фору всем окрестным: майское солнце во дворик заглядывало лишь по утрам.

— На Полянского похож, — сказала Лиза, — вон какой здоровенный.

— Надо бы ему глаза придумать, — Андрей озаботился поиском подходящего.

— Не надо, — остановила Лиза, — у Полянского они жуть какие. Пусть так.

— Тогда пойдем прогуляемся, — предложил Андрей, — снег перестал, да и Ефрем Павлович советовал.

Они выбрались на улицу — дворники скребли лопатами — и пошли в сторону площади, мимо бетонного забора, за которым снесли внушительное здание, уничтожив канцелярскую лавку, три этажа классов и бильярдную. Похороненные под снегом будто под временем, каменные развалины выглядели футуристично и жутко. Лиза и Андрей свернули к канаве, увязая по колено; николевские купола процвели золотом, а в небе горели золоченые же «ХВ». Шли к мостику, на перекрестке оттаивала, начиная скандалить, автомобильная пробка.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

Птицы, здания, люди оправились, встряхнулись, но снег так лежал под возрожденным солнцем, незванный информационный повод для газетчиков.

— Как мне все-таки тебя называть? — спросила о давно задуманном Лиза. — Рябчиков с Полянским зовут тебя Андрей, но ты сам говорил...

— Как решишь, — он закурил отсыревшую сигарету, — но вот она называет меня Францем.

Поодаль в Никольском сквере, в центре круга, образованного скамейками, на которых обыкновенно сживал и млад и стар, колясками, беседами и сплоченностью, подчеркивая крайнюю и почти возмутительную несовременность своего бытия, теперь лежали сугробы и тени-полосы от деревьев, среди которых странно двигалась женщина. То, что она танцует, Лиза поняла не сразу. Женщина легкой поступью лавировала мимо скамеек, среди белизны, темноты и ряби, замирала, вновь оживая и вдруг начиная кружиться. Лицо ее было напудрено так, что почти светилось, отчего издали невозможно было углядеть на нем возраст, худые руки качались в такт, гнулись плавно и податливо, как тростник, дырявая шаль плыла вослед движениям.

— Это Елена Прекрасная, — сказал Андрей, — хочешь познакомиться с ней?

Лиза отказалась наотрез. Идущие мимо люди продирались сквозь заносы, чертыхались, забывая о святом месте, и не обращали на блаженную никакого внимания. Редкий прохожий примечал ее, но только прибавлял шаг, зевая так и не набралось. Воскресение и погодный катаклизм занимали всех куда больше, чем публичные танцы.

— Она напоминает мне одну женщину, которую я знал еще в Вене, — мечтательно сказал Андрей, — та хотела стать балериной... А вот Елена ей стала.

— Балерины не пляшут на улицах, — Лиза наблюдала без удовольствия. — По-моему, она чокнутая. — Семенящие шажки по-прежнему утрамбовывали наст; импровизированная лебедь летать никак не умела.

— Ей не отказать в здравомыслии, — возразил Андрей, — есть большая разница между теми, кто желает танцевать, и кто танцует на самом деле.

Елена осталась блуждать среди теней. Лиза устала месить снег: он лип на ботинки, да к тому же она давно не выходила так далеко и так надолго. Памятные головокружение и страх от гулких лестничных маршей временами шли на ум, и даже захотелось спастись от морозца, вернувшись. Андрей шагал и курил, руки в карманы и прячась в шарф от непривычной ему русской зимы, тоже склонной к возвращениям. Он гудел и напевал что-то себе под нос, возможно, сравнивая окружающую белизну с альпийской.

Небо оставалось густым и намертво сливалось с землей. Вновь купола впереди — некогда синие, а нынче в лесах — плотно увязли в нем. «Как разгадать этот город, — говорил Андрей, — вместо музыки в нем слышна поступь поколений». Началось тесное гетто трущоб. Старые низкорослые дома, в иное время суток и погоду плодящие бесов, вращали друг в друга, выставляя напоказ кирпичные потроха. У реки высился видный особняк, драный и мрачный, полный греческих гримас, химер и масок. Пролетарские орудия промез колонн брательсь с дуликим орлом. Озябшая и помрачневшая, она еще заранее заприметила впереди абсолютно седого человека. За плечами он браво тащил туристский рюкзак, брэнчавший походным

казаном и крошечной музыкой ветра. Завидев Андрея, он не замедлил с рукопожатием.

— Загрустила? — седовласый обратился к Лизе. — Была весна и нате, так? Ничего, завтра все растает.

— Тебе повезло, — сказал Андрей, — мы встретили Волшебника.

— Потихе и без громких подробностей, — остановил тот, участливо изучая Лизу, — спутницу смущаешь.

— Сейчас он разглядит тебя и решит, чем одарить, — сказал Андрей.

— Видел афиши, тебя дают в день города, — сказал Волшебник, — насколько понимаю, событие — и редкое. Сам я никуда не ходок, а ты? Публике захочется автора.

— Вы ведь знаете, меня не принимают, — скромно сказал Андрей. — По официальным данным я считаю умершим. Но доктор Полянский делает что может. Я намерен написать третью и четвертую части и закончить симфонию. Посмотрим тогда, что они скажут.

— Бог в помощь, а может, и дьявол, — Волшебник похлопал его по плечу, — никак не разберу, кто ваш, музыкантов, опекун.

— Не смотри сейчас. Дома, — предупредил Андрей Лизу, когда Волшебник скрылся из виду. Лиза инстинктивно потянулась к карманам куртки, но Андрей остановил. — У него полон рюкзак всякой мелочи, он иногда раздает ее людям для поднятия настроения. Ты не замечаешь этого, но потом обнаружишь подарок в своем кармане.

Лиза смотрела на Андрея, а возможно, и Франца. Его лицо, продолговатое и в чем-то несимметричное, с мятежными глазами, рыжей порослью и впалыми щеками, похорошело. Слово бы что-то новое появилось на нем, может, с манерой прятаться в шарф или с привычкой моргать, нервно и невпопад, а может оттого, что музыка действительно оставила на нем свой ядовитый след или мнимый Волшебник чего наколдовал. Лиза захотела сделать что-нибудь подходящее для безлюдного района, трущобной тишины, снега и притом обязательно очень женское. Лиза не знала и не помнила, умела ли, но тяга вдруг ослабла, показавшись вульгарной и непристойной.

Дома, в приевшейся, но безопасной комнате младшей дочери Полянского — черно-белое фото под стеклом было ее — Лиза нашла подарок Волшебника. В ее правом кармане оказалась бабочка-капустница, сонная, но живая...

9

Лиза посадила капустницу на занавеску и открыла форточку. Та сидела, не улетающая. На следующий день она переместилась вверх и замерла бледным пятнышком. За окном стремительно развивалась оттепель. После обеда — Андрей не выходил: «работа!», однако же фортепиано молчало, — Марья Акимовна отдала Лизе обитый по углам медью чемодан. Он, как и положено, был снят с забытой богом антресоли, вытерт тряпкой и распространял запах нафталина. Грозный вожак Навуходносор встретил его шипением. В чемодане оказался изрядный запас одежды, в основном цветастых платьев, некогда ношенных супругой доктора Полянского. «Там можно что-нибудь подобрать, немного уж времени прошло, не устарело», — наказал тот Марье Акимовне и велел препоручить чемодан Лизе. Лиза приняла его нехотя и потащила восвояси.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

В семейной драме Полянского не было ничего занимательного: жена, предварительно родив ему двух дочерей, внезапно задумалась о будущем и, подумав хорошенько, уехала в Финляндию «строить нормальную жизнь», оставив суженого отечеству. Жена Алексея Михайловича была психологом; за рубежом безумия боялись почти панически, а потому губили и искореняли на самых ранних стадиях. Профессия мужа пришлась не к столу.

Лиза примерила пару-тройку нарядов с именитыми бирками, но безвкусовых. Большая часть гардероба госпожи Полянской была ей лишь немного на вырост. Глядя на себя в зеркало — волосы немного отросли, шрам почти перестал бросаться в глаза, — Лиза вдруг захотела быть красивой. И если не красивой, то непременно нравиться, и если не всем, то хотя бы кому-то одному. Она повернулась к отражению боком, довольная, оглядывая все складки и одернув юбку, задержала руки на груди. «Мне некогда, убегаю», — давным-давно говорила ее мать, вот так же перед зеркалом, и густо мазала губы. Лиза вспомнила, и ей не захотелось больше смотреть. По ту сторону снова появился двойник, с дрожащими губами и влагой в глазах.

— Можно ли? — Рябчиков постучал дважды, сначала с той стороны, а потом приоткрыл дверь. — Вас не узнать, Лизавета Вадимовна, — похвалил он с порога, раскланиваясь, — вот не знаю, как там Алеша решит, но если барышня наряжается, то все у нее, значит, в порядке.

— С чего бы вам входить? — Лиза отозвалась неприязненно. — Мне совсем не идет, да и противно все это, глупо.

— Ах, как ты не права, — Ефрем Палыч запротестовал с вдохновением, — тебе необходимо, необходимо красивой быть, иначе свет потухнет внутри и ты зачерствеешь. А ум и глупость ни при чем. Поверь мне, я-то уж знаю. Я вот сейчас люблюсь, и на душе потеплело.

— Любуйтесь, — позволила Лиза. — Да только в темпе, я снять хочу. А вам выйти придется.

— Зря ты так сурово, — расстроился Рябчиков, — я справился зашел. У Алексей Михайлыча неприятности. Он вас взял под свою ответственность, а коллеги и недовольны. Особенно об Андрее пекутся. Интенсивная терапия ему требуется, кажется так.

— А я-то что? — Лиза сказала жестко. — Мне-то? Сажу здесь, а Полянский все советует размышлять помаленьку. И толку? Когда без памяти, это как если бы отрезали от тебя кусок, отняли что-то или вырвали. Словно ненастоящая, словно бы меня нет. Я могу быть какой угодно, кем угодно, потому что не знаю, какой должна быть. Я выдумываю себя!

— Это вовсе неплохо, пожалуй, — задумался Рябчиков.

— Если хотите, я вам кое-что скажу, — Лиза неожиданно для себя самой покраснела и замялась, — только не говорите ничего Полянскому.

— Даю слово, — уверил Рябчиков, заинтересовавшись.

— Я... я все помню, — Лиза опустила глаза, — помню с самого начала. Я совсем-совсем здорова, наверное, но то, что я помню, мне не нравится. Все это так мерзко и плохо. Я не хочу опять так... Ведь есть же где-нибудь в мире что-то получше? Получше, чем со мной?

— Думаю, есть, — Ефрем ничуть не удивился услышанному. — А когда нет прошлого, будущее выбирать проще. Если сорвался с привязи, надо бежать.

— Вы так говорите, совсем не как Полянский, — заметила Лиза, — о чем вы пишете?

— Вы настоящая барышня, Лизонька, — Рябчиков впервые засмеялся, безгрешно и просто. — Будь вам интересно, спросили бы и раньше. Писателя о его книгах спрашивают, когда хотят понравиться. И не спорь, это хорошо.

Лиза только хмыкнула, зачем-то покосившись в зеркало.

— Я пишу о любви, как все нормальные люди, — сказал Ефрем, — о красивых женщинах и о мужчинах, о простом и сложном, о предательстве, о доблести... Выдумываю, а кроме этого никогда толком ничего не умел.

— Как это? — попробовала перебить Лиза, но Ефрем уже увлекся.

— А если кто скажет, что это все чушь, так он понятия не имеет, что такое литература. Проза на то и проза, и быть она должна прямой и бесстыдной, потому что ханжество и реверансы ее губят. Однажды я написал о двух улицах, которые вели меж собой беседу, а в другой раз о перелетных воробьях. Но это было давно.

— Значит, вы любите правду, — сделала вывод Лиза.

— Нет, — Рябчиков живо запротестовал, — нет, я люблю слишком многое, чтобы любить одну правду. Она, знаешь ли, всегда прячется, имеет такой скверный обычай, и люди ее прячут и так в этом преуспевают, что в конце концов она сама оборачивается враньем. Так что твой случай можно считать удачей. Тому, кто ничего не помнит, врать незачем.

Повисла пауза, во время которой Лиза теребила подол, все больше краснея.

— Я зачем зашел-то... — Ефрем Палыч спохватился, — из головы вон! Алексей Михайлыч звонил, сегодня в вечеру зайдет что-то сообщить. Так ты надень что-нибудь вроде этого... чтобы нарядной.

Лиза осталась одна. Она покорно перемерила содержимое чемодана, заскучала и долго сидела среди пестрого вороха тряпья. Если Рябчиков был прав и отсутствие воспоминаний было действительно избавлением, то Лиза хотела бы попробовать. Чем больше она думала, тем дальше становились и комната с муслином на окнах, и сентенции самого Рябчикова, и домашние хлопоты Марьи Акимовны, и уж тем более Андрей и с ним вся музыка вместе взятая. Лиза не была частью этого, не могла быть. Она была им чуждой и чужой.

Время и пространство всегда действуют в сговоре. В маленьких квартирах, в лабиринтах коммуналок, в тесных сплоченных убежищах, за полосой отчуждения время движется незаметно, крадется втихомолку, а потом вдруг отзывается боем стенных часов в коридоре, которые еще чудом ходят и бессовестно врут. Быстрый лет времени возможен лишь со сквозняком.

Если верить сочинительству часов, Алексей Михайлович Полянский явился в десять минут восьмого. Лиза видела, как он парковал машину, тренькнул ключами, вошел в подъезд. Капустница на шторе сидела смиренно. Как раз тогда в доме погас свет. «Повелись чудеса», — выглянул из своей комнаты Ефрем Рябчиков, но Марья Акимовна с подсвечником поведала, что в преддверье лета профилактику проводят часто. Полянский кряхтя протискивался в кухню впотьмах. Подсвечник о пяти свечах оставили там, на столе, снаружи дело было к пасмурной белой ночи, и Полянский уселся поближе к окну.

— Воздуху бы, — переводя богатырское дыхание, попросил он, — сидите здесь закупоренные. Разогнать бы вас всех к черту. Писатели, музыканты... устроили тут общину убогих и тунеядцев, — он почему-то захохотал.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

— Не к добру это, — сквозь подсвечник Рябчиков оглядел его с беспокойством. — И вроде ведь трезв.

— Еще как трезв, — Полянский усмехнулся, — целый день на ногах. И сделал, можно сказать, великое дело. В своем, разумеется, масштабе.

Марья Акимовна дернула форточку, пламя зарыбило, и она отставила свечи на буфет.

— Где я только ни был, с кем ни говорил, — продолжал Полянский загадочно, все еще забавляясь и потирая мясистые руки. — Проголодался, кстати сказать, Марусенька.

Идеальная женщина собирала ужин.

— Ройфман и его подпевалы дали мне две недели, — жажнув стопочку, рассказал Алексей Михайлович. — Если никаких изменений или ничего не произойдет, Франца нашего обратно вернут.

— А Лизвета Вадимовна? — спросил Рябчиков.

— Ее к родне, на Охту. Амнезия эта надуманная их мало волнует.

— Что еще за родня? — Рябчиков разволновался. — Почему мне не сказал, бестолочь?

— Тетка у ней там троюродная, — проворчал Полянский, — Лизвете восемнадцать через полтора месяца, захочет — от тетки уйдет.

Лиза появилась бесшумно. В кухне витала серая дымка: на дворе было еще очень ясно, но близкая стена бросала косую тень. Шел пар от горячей картошки с маслом в тарелке перед Полянским. Вился дым от сигареты Рябчикова и заставлял того щуриться и мигать. Бесновались свечи. Лиза вплыла медленно, представив себя единственным тянущимся мгновением. Была она босой, а платье госпожи Полянской пришлось ей не в пору. Она специально подобрала самое короткое и нелепое, будто ночная сорочка. Приблизившись к огню, Лиза замерла — сейчас она была Еленой Прекрасной и даже могла бы станцевать.

— Вот наваждение, — Полянский уставился на нее, узнав и платье, и шейный платок, который Лиза мяла в руках, — ты что тут вытворяешь?

— Ну как, доктор? — певуче выведала Лиза. — Чтобы полюбить вас, я также выкрасила брови и ресницы... Кто лучше — я или ваша жена?

— Прекрати сей же час, — Полянский рассердился, — и марш к себе. Я слишком устал, чтобы усмирять подростков.

— Как грубо, доктор, — Лиза ответила с кокетством, разглядывая свечи и не замечая изумления Марьи Акимовны, — я нездорова, я ваша пациентка, и вы должны заботиться обо мне. Так что же? Где чай из крушины, электросон или горсть пилюль?

— Ефрем, угомони ее, — Полянский едва ли не хватил об стол кулаком, — час от часу не легче, теперь вот это.

— Доктор, — порочно улыбнулась Лиза, — я пришла сказать, что хорошо подумала и останусь сумасшедшей. Я ничего не помню и не вспомню никогда. Ваше лечение было неэффективным. Вы же не станете отрицать, что быть безумной лучше, чем приживалкой у дальних родственников?

— Елизавета Вадимовна... — начал Рябчиков.

— Вы сами говорили, правда никому не нужна, — Лиза одарила улыбкой и его, — я была никем, а стала дурочкой, и дурочкой безопасной, о ней позаботятся и дадут еще один шанс.

— Как коварно, — Полянский стиснул руки замком, усмехнувшись. — Ведь с памятью у тебя в порядке с самого начала. А ты морочила меня, так?

— Мы все морочим друг друга, — отвечала Лиза, — и вы, и Ефрем Палыч, и Франц. Мы не можем изменить себя и тогда пытаемся заставить окружающих иначе нас воспринимать.

— Убери ее отсюда, Ефрем, — начал заводиться Полянский, — сей же момент убери, иначе...

— Что стряслось? — Андрей возник из коридора встревоженный. — Вы так кричите, я даже не могу сочинять.

— Прости нас, Франц, дружок, — Полянский любезно улыбнулся и протянул ему ладонь, — сегодня я был у тебя в консерватории и говорил о тебе с проректорами и даже с ректором.

— Какой сюрприз, — Андрей пожал обширную руку.

— Не стану скрывать, мне было очень нелегко, — продолжал Полянский, — но я сказал им, что ты одаренный композитор и что я лично верю в твой талант. Я сказал им, что ты написал симфонию и что мы все очень хотели бы послушать ее. И в конце концов они согласились.

— Правда? — Андрей просиял.

— Теперь уж точно, — заверил Полянский. — Конечно, тебе придется заранее встретиться с музыкантами и написать для них ноты. Если хочешь, я пойду с тобой.

— Да, да, — Андрей был потрясен. — Я и надеяться не мог, Алексей Михайлович...

— А теперь заberi отсюда Лизвету и приласкай ее, — мягко попросил тот, — от этих хлопот отдохнуть бы маленечко. Ведь так, Ефрем?

Рябчиков только кивнул. Забытая сигарета в его руке бесцельно тлела.

10

Молчание воцарилось надолго. Полянский сосредоточенно поглощал ужин, успевший подостыть, и опрокинул еще пару стопок. Рябчиков хватко барабанил пальцами и курил очередную сигарету. Свечи оплывали, текли на буфет.

— Бестия, зараза, — заговорил наконец Полянский, — нет чтобы взять и пожалеть старого, измотанного жизнью человека. Так вздумала еще ерничать, умничать, изводить!

— Не обижай ее, Алеша, — сурово сказал Рябчиков.

— Уж буду, — Полянский сыто утирал губы, — а ты не защищай. Тоже мне сердцеда, Лолита доморошенная.

— С ней все как-то человечнее стало, словно ото сна пробудилось, — сказал Рябчиков, — искреннее и теплее. И ты тоже проснулся, Алеша. Безразличия меньше, понимаешь?

— Это моя работа, — напомнил Полянский, — когда небезразлично. А ты, мне вот кажется, влюблен, и по уши. Стыдно, седина в бороде, Ефремка.

— А мы, словоблуды, народ вообще бессовестный, — невозмутимо парировал Рябчиков, — и вещи называем своими именами. А вы, врачеватели, все юлите да лавируете. К чему наобещал Андрейке с три короба? Он же поверил тебе, пес.

— Но-но, ты из меня совсем уж барахло не делай, — Полянский отмахивался от сигаретного дыма. — Как сказал, так и есть. Через

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

десять дней у Франца нашего концерт в зале консерватории. Студентов тамошнее начальство обяжет все это дело исполнить.

— Да ты что, Алексей Михайлыч?! — Рябчиков обомлел.

— А что я? Самое приятное для автора — когда его слышат, видят и узнают. Тебе ли спорить, а?

— Так ведь не он всю эту музыку написал! — Рябчиков не понимал. — Что за фарс такой выйдет: афиша про Андрея нашего, а звучит натурально Шуберт. И кто только согласился?

— Согласились, согласились, хотя мне это немалой крови стоило, — проворчал Полянский. — И с музыкой все в порядке, Франц специально сочинит новое, он обещался. Я в подробности эти не лез, но повернем все так, будто он закончил давным-давно написанное известное произведение. Плохо ли, хорошо — это другой разговор. На афише будет Франц Шуберт и Андрей В. одновременно. Все чин чинном.

— И что ты этим докажешь? — спросил Рябчиков.

— Что наш подопечный — композитор, а не какой-нибудь псих. Может, плохой, а может, и хороший, а рассказы его про Вену, про Наполеона и Бетховена — это так, причуды.

— Ты думаешь, Елисеич твой поверит? — усомнился Рябчиков.

Полянский оставил его без ответа.

— Ох, горько мне, — вздохнул Ефрем, — и больно, не пове-ришь ведь, а больно всерьез. И за тебя, и за Андрейку, и за Лизавету Вадимовну... Бессмысленно все, безысходно. Как дорога, которая никуда не ведет. Помилуй и исцели, Господи, ибо кости наши потрясены и душа потрясена...

— А ведь знаешь, Ефрем, я Андрея понимаю теперь, еще как понимаю, — сказал Полянский. — После того как побеседовал с ними. Ведь этот концерт против всех их музыкантских правил. Время студенческое отнимает, зал занят, о бюджете хоть не вспомнили. Объяснить было трудно, почти никак. Человек как таковой их совершенно не волнует. Он для них вроде как предатель. Сначала да, учился-старался, а потом заразился высокомерием. На фантазии его обиду держат.

— У иных фантазия, что питерское небо — серость одна, — заметил Рябчиков. — Не нравится мне все это, Алексей.

Между тем в крошечной темноте у двери в свою комнату Лиза плакала навзрыд. Андрей рядом тщетно пытался помешать этому, выглянула и Марья Акимовна с зыбким огарком в банке и оттого с оранжевым взором, погладила по волосам, может, чаю горячего? Лиза мотала головой.

— И чего на него только нашло? — осудила Полянского Марья Акимовна и даже хотела идти в кухню, ругать. — Он образумится и еще прощения попросит, вот увидишь.

— Я все лгала, — Лиза шумно тянула носом, размазывала тушь и краску по лицу, — все-все. Когда Полянский захотел забрать, я решила, так лучше. Очень хотелось прочь оттуда. Очень...

— Это ерунда, — утешал Андрей. Лиза картинно стекла на пол, и он присел пред ней на корточки. — Это ничего. Я знаю Алексей Михайловича, он не станет долго обиду держать. Ему лучше, если нам хорошо.

Лиза поутихла и теперь бесцельно глядела сквозь черноту. Андрея тоже видно не было, но было чуть теплее от его присутствия.

— Я ведь плохая, — сказала Лиза, — совсем не то что ты. Не знаю, чокнутый ты или нет, а я вот даже нот не учила.

Андрей коснулся ее руки.

— Вот как бывает, ты понимаешь, что тебя выбросили на самую обочину, на помойку, я вот никто, а ты музыку пишешь, — рассуждала Лиза, — а нас вместе выбросили. У меня отца не было, а мама все время где-то пропадала, сначала весь день, весь, с самого утра, а потом приходила, переодевалась и снова шла. Я так и ложилась, не дождавшись. А она только спрашивала, все ли в порядке в школе. Это сначала, а потом уже нет. Думаю, она была просто шлюхой.

Андрею резануло слух, но он только подсел поближе и взял крепче лизины руки. А Лиза продолжала говорить безоглядно. Конечно, это не наверняка, что мать шлюха, но точно гадина, хоть иногда настаивала, что любит, но даже пол никогда не мыла и не готовила во-все, а еще к ней гости ходили, и тогда Лиза отправлялась во двор гулять. Случалось, гуляла до самой полночи, а ночевать шла к соседке. А соседка была тронутая и чуть что пила коньяк. Потом Лиза выросла, но коньяк ей так и не приглянулся, а приглянулся Тимур из шестой школы. Соседка вместе с ее привычками поросла бильем, теперь по ночам Лиза бывала в парке, слушала гитары и сидела на тимуровых коленях. Выли гнусаво на луну про дополнительный тридцать восьмой. Словом, в десятой Лиза не захотела — гадина пожимала плечами, — летом пожила у Тимура, пока предки того были на юге, а к концу зимы случилась история. Тимур и его команда что-то там скверное натворили, принесли ворох каких-то вещей, велели Лизе помалкивать. Лиза и смолчала бы, если бы не Верочка. Верочка взялась невесть откуда и чем-то — повадками ль? — напомнила лизину мать. Тимур провыл про ушедшую любовь и блюз, и Лиза съела все содержимое аптечки в доме его приятеля, родительница которого мучилась расстройством сна. Перед тем как лечь умирать, Лиза набрала номер скорой...

— Рябчиков сказал, если я забуду, прошлое исчезнет и я смогу бежать вперед, — задумчиво проговорила Лиза, и в этот момент по всей квартире вспыхнул свет. На верхних этажах раздался приветственный вопль. Стали видны и неверные часы, и плошка Навуходносора перед дверью санузла, и тушь разводами на мокрых щеках.

— Я только хотела что-нибудь изменить, — сказала Лиза. — Мне здесь так хорошо.

— Теперь все станет еще лучше, — заверил Андрей, — я буду с тобой. Я напишу симфонию, и Полянский сможет оставить нас здесь навсегда. Мы будем гулять по набережной, а потом возвращаться и есть омлет. Марья Акимовна ведь готовит хорошо! А Ефрем Павлович, возможно, почитает нам что-нибудь или даже поет.

— Почитает или споет, — кивнула Лиза.

11

И вот наступил волшебный день. Весна уходила. Никто так и не выдумал тридцать второго мая, а потому лето было невообразимо близким. В государственной консерватории началась сессия, вечерами большой зал был занят под концерты, а с утра и до обеда — экзаменами пианистов, дирижеров, хоровиков. Дебют Андрея скрепя сердце назначили на шестнадцать ноль-ноль. «Неоконченная симфония длится минут двадцать пять, — рассудили проректор по творче-

ской и проректор по учебной работе. — Сколько он там еще написал? Десять минут? Пятнадцать?»

Андрей готовился. В последнюю неделю он несколько раз ходил в альма матер, беседовал с оркестрантами, которым волей начальства выпала участь осуществить первое исполнение. Впрочем, некоторые особо принципиальные праведно возмутились: да как можно ворошить прах гения, трогать незыблемое! Заканчивать незаконченную шубертову симфонию заставили путем прибавки к стипендии — здесь руку приложил Полянский. Студенты бесились: он еще и дирижировать намерен, орловский выродок! Половина состава оркестра отказала автору в репетиции. Многие, барышни по преимуществу, жалели, осаживали злословие и учили партии: ну что стоит сыграть? Кое-кто из скрипачек даже находил определенное портретное сходство между самим Францем Петером и русским Андреем.

Итак, волшебный день наступил, и многие встречали его как долгожданный. Лиза, однако, проснулась не слишком рано, еще из постели слушая оживление в коридоре. Андрей обувался под напутствия Марьи Акимовны. Сама она ушла позже, собираясь встретить Полянского, Ройфмана и еще пару их сослуживцев, желающих удовлетворить профессиональное любопытство.

Ближе к полудню Лиза позавтракала и стала собираться. Выбрав из чемодана вещи по размеру, она надела их, впервые с тех пор как рассорилась с Полянским. Отросшие и безрассудно вьющиеся волосы она накрепко пригладила, накрашила губы помадой. Лизе никогда не приходилось бывать на концертах классической музыки, да и вообще на концертах, и она хотела выглядеть как положено. Удручало, что нет туфель. Длинная юбка лишь слегка прикрывала поношенные ботинки.

В два поступался Ефрем Палыч.

— Еще успеем кофейку с оладьями на дорожку, — предложил он, а Лиза даже ахнула.

Прежде она никогда не видела его таким, да что там, вообразить не могла. Быстрый чертяка-Рябчиков, хмельной словоплет из табакерки, всегда в единственном свитере и с клетчатым воротом поддевой рубахи, нынче собрался на маскарад. Предстал он в отутюженном костюме, вылизано-булыжном, при белых манжетах и даже запонках; галстука все-таки не было. Серебристый чуб лежал покорно набок.

— Я олады с медом буду, — только и сказала Лиза.

— Черное надевать нельзя, — скромно объяснил Рябчиков, — черное для тех, кто на сцене.

— А у меня туфель нет, — призналась Лиза, уже когда Ефрем разливал кофе из турки. — Мне не нужно было.

— Понимаю, — согласился Ефрем, — я сам долго никуда не хожу. Хожу вот в Эрмитаж или Дом кино, когда очень уж хорошее там. Закостенел совсем, так?

— Я тоже хочу в Дом кино, — сказала Лиза, — пожалуй.

— За чем дело стало, — Ефрем вовсю уминал блины, — вот как раз завтра и пойдем.

— А на что? — спросила Лиза.

— Господи, да на что угодно, — Ефрем светло улыбнулся, — главное, ты согласилась.

В коридоре Лиза надела ботинки, одернула подол, еще раз посмотрелась в зеркало во весь рост. Хорошо! Навуходоносор выписывал кренделя в ногах.

— Момент, — Рябчиков молниеносно исчез в своей комнате и воротился с коробкой. — Не взыщи, на работу устроился, но зарплата так себе, я ведь всего дважды в неделю читаю.

Лиза открыла. В коробке лежали туфли, новые, кремовые, на каблучке. У Лизы перехватило дух — отныне она была настоящей Золушкой, и мир хоть на какое-то мгновение вдруг стал весь для нее. Лето наступило, и вот понесся тополинный пух, кружась и вальсируя, снег-на-Пасху-и-снова-снег-на-Троицу, и чудо как славно и легко, и никакие стенные часы — с боем, но склонные к вранью, — и никакая Елисеич не были помехой.

Лиза надела, в самый раз и в цвет, и оказалась на полголовы выше Ефрема. На каблуках было непривычно и шатко, но действительно пора поспешить — всего час.

Легкость не покидала. Лиза шла небыстро, но словно по воздуху, погода и все принцессы были прелестны, за бетонным забором свербело и вколачивали сваи, мимо шел кто-то, и Лизе чаялось, что озирается, очарованный. В канаве застоялся мусор и утки, но Лиза видела свое отражение и еще Ефрема, низенького, но зато пригласившего в Дом кино. Завтра, завтра, завтра, а сейчас впереди была площадь, и театр, и два памятника, друг другу симметричных. У театра столпились лобастые туристские автобусы, люд. Лиза и Ефрем перешли.

Дверь четвертого подъезда оказалась тугой. Лиза вошла первой, мимо цветочницы и окропленных роз, мимо вахты и через турникет, мимо гардероба, библиотеки и по мраморной лестнице. Она озираясь, с жадностью глядела по сторонам. Ступалось боязливо. Рябчиков вышагивал подле, поддерживая под локоток, когда непривычность каблучков давала себя знать. На втором этаже Лиза подивилась зеркальной стене и витым перилам. У моцартовского бюста столпилось небольшое собрание, среди которого были Марья Акимовна, Ройфман и Полянский.

Отовсюду, издали и вблизи, слышались обрывки музыкальных звуков, трели и рулады. В груди у Лизы колотилось, хотя она доподлинно не знала, приятно ли ей быть здесь или нет. Вокруг росло и ширилось чужое, неясное, тогда как сама Лиза мельчала и сжималась; она была почти пьяна.

— Пойдем, — сказал Ефрем.

Он пропустил ее вперед, и Лиза увидела, что означает большой зал. Портреты, люстры, росписи, плафон, балкон, гардины в складках и ряды, ряды, ряды... на стульях было выставлено малиновым бархатом, и Лиза дотронулась прежде, чем сесть в первом ряду. Так было легче и устойчивей, но Лиза все еще молчала и глядела, теперь — на трубчатый орган. А Ефрем Рябчиков глядел на нее.

— Мы первые, — проронила она наконец вполголоса. — А ведь уже без десяти.

Тем временем вошли Полянский и его коллеги, проследовав в конец рядов по длинному ковру. Самуил Елисеич Ройфман неслышно и извилисто стелился промеж них, кивнул вкрадчиво Рябчикову и ухмыльнулся Лизе. Позади укоренился негромкий рокот голосов.

С воплем ворвалась парочка, с музыкальными инструментами в футлярах. За ними прибывали местные, курс первый-третий, они же разобрали всю середину зала. Их появление вмиг породило шум. Чуть позже первые ряды были наводнены битком — ротозеев, жаждущих вселенского позора недавнего соученика, набралась прорва. В последние минуты стояли в дверях. Лиза глядела на них, робея все

больше, почти оглохшая и потерявшая себя, и видела лишь то, что они из другого теста.

Вокруг нее с Ефремом образовалась пустота. На незнакомых косились, но недолго, под сводами библейского плафона все больше селился смех и гомон.

— Скоро ли Франц выйдет, — Лиза все больше волновалась, захотев домой, — ведь сегодня все закончится? Полянский им докажет, и что тогда?

— Тогда, — Ефрем смутился, опомнившись: так что же? — тогда вы с Францем будете свободны.

— А как же... — но Лиза не закончила, поскольку начал выходить оркестр.

Сначала скрипачи, скрипачки, первые, вторые, виолончели, альты. Тех, кто прятался за спинами, Лиза не разглядела толком. Один из этих задних, с золотой машиной, вскочил на стул и помахал, присвистнув, тем, кто в зале. Собрание возрадовалось. На молодых зашикали преподаватели, урезонив гвалт.

Когда расселись и настроились, появился Андрей: во фраке, блуждая взглядом, ступавший скованно и с дирижерской палочкой в руках. Обуздать шумевших и хихикающих было все трудней.

— Красавец, тоже мне, — услышала Лиза девическое рядом.

— Пародия, — ответили над ухом. — Ты бы слышала, что они собираются играть!

Андрей приосанился, оправился и повернулся надлежащим образом. Лиза волновалась ужасно и покосилась на Ефрема; тот выглядел спокойным.

Раздались первые звуки, тягучие, низкие, тугие. Тревога и печаль нахлынули, и Лиза, не зная, за кем теперь следить: за скрипками или, может, за тем, с трубой, глядела на всех сразу. Андрей был там, гибкий и какой-то дальний, и с каждым звуком, с каждой нотой все отдалялся, рос и обретал над происходящим власть. Звуки побороли болтовню в зале. Лиза слышала и слушала, широко раскрыв глаза, светлевшие еще и еще, и голова ее клонилась. Она сидела так, прильнув к плечу Рябчикова и позволив себя обнять, а вместе с тем на сцене с Андреем происходило странное. Он будто стал другим — плотнее, осязаемей и натуральней, он изменялся так стремительно, что это никого не успевало удивить. Над оркестром трепетало и дрожало незримое, необъяснимое нечто, делалось грозным и могучим... и Лиза вспомнила рассказ Андрея о Бетховене, о бездне и о силе, идущей из нее. И слезы, впервые тихие и бестелесные, текли на отутюженный булыжного цвета костюм.

В очередной раз замерли аккорды — кончилась вторая часть.

— Стоп! — внезапно крикнул дирижер, подняв обе руки и обрывая на корню взмывшие сызнова смычки.

В зале загудело и смолкло тотчас.

— Тишины, — провозгласил Франц и обернулся к публике. Он был мелковат, приземист и черняв и в довершение нацепил очки на свой курносый нос. «Да это ж Шуберт!» — пискнула и осеклась какая-то студентка. «Вылитый, что за...» — раздалось эхом.

— Хочу сделать заявление, — с рубленным акцентом, коверкая слова, продолжил дирижер. — Я думал написать еще две части, чтобы все было по правилам. Но потом я понял, что не стоит. Все сказано, мне нечего добавить. Здесь ставлю точку. Симфония останется двухчастной, господа.

Сказав так и оставив поднявшуюся волну толпе, он удалился прочь. Полянский коротко ругнулся, закрыв лицо руками.

12

Андрею позволили заехать домой, чтобы взять необходимое. «Чтоб в семь часов сидели в приемном покое! — потирал руки ликующий Ройфман. — И чтобы уж наверняка, без глупостей!» Полянский вел машину молча, не отрывая взгляда от дороги. Ефрем впереди курил. Сигаретный дым ускользал в окно. «И ради этого вы отняли наше время? Вы хоть понимаете степень своей ответственности?!» — истошно вопила багряноволосяя дама, начальник по концертам. Андрей собрался быстро, без всяких возражений. Из вещей у него был всего-то рюкзак и растрепанная пачка нотных листов. «Вот придурок, точно больной, — давились хохотом его бывшие однокурсники, — дали такую возможность, а он: мне нечего добавить». Сидя рядом с Андреем, Лиза дрожала. То, что она слышала и что видела, не давало ей покоя. «Разве вы не видели? Он ведь действительно им стал! — доказывала какая-то девушка. — И ведь даже в очках!» Андрей безмятежно улыбался на заднем сиденье и поглядывал на Лизу.

— Будьте здесь, — угрюмо и беспрекословно сказал главврач Полянский, когда все четверо ступили на порог диспансера. Издали Елисеич встречал их лучезарно.

Лиза вдохнула знакомый мерзкий запах — казенщины, дезинфекции и медикаментов, и ухватилась за Полянского в отчаянии.

— А что же теперь, Алексей Михайлович?

— Сейчас позвоню твоей тетке, — отвечив тот, — номер есть, подождешь, она придет. Ты здорова и тебе здесь не место. Расти большой. Всего тебе доброго.

Полянский выглядел сердитым. Взор его потемнел, и разные глаза словно бы сравнились. Нет, это был не всемогущий заступник, а обычный человек, усталый, немолодой и очень тучный. Ждать от него чудес не приходилось.

— Как же так? — вскинулся взволнованно Андрей. — Лизоньке не здесь?

— Полно, братец мой Франц, — покачал головой Полянский. — Был у тебя выбор: или вот она вот, или твои фантазии.

— Алеша, опомнись, — голос Рябчикова звякнул, будто медь, — неужели ничего не придумать?

— Это ты, писака, придумываешь! — прогремел Полянский. — А все остальные поступают по правилам.

Топнув ногой, он разоблачился, скинул пиджак и положил вместе со всеми папками на длинную крашеную скамью у стены. Самуил Елисеич приближался. Морщины расплзались по его лбу как змеи. Восстрый нос победно лез вверх.

— Бумаги подготовил? — справился главврач. — Пойдем, надо узнать насчет палаты. Кто дежурит?

— Пойдем, Алешенька, — масляно поддакнул Ройфман, — пойдем, дорогой. Все подготовил, все сделал. Теперь все будет как положено.

Они поднялись вверх по лестнице, влажной от недавней уборки. Медсестра за окошком проводила их скучным взглядом.

— А ты что, каналья, захотел райского яблочка? — пробормотал себе под нос Рябчиков. — Стало быть, нет, не судьба.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

— Ефрем, его сюда нельзя! — оправились Лиза. — Он ведь музыкант, его нельзя!

Андрей искал и находил, и обнимал, и гладил ее руки. Лиза не давалась.

— Писака, говоришь? — Рябчиков рассеянно поглядел на пуствующий лестничный марш.

Многострадальная история болезни Андрея В., а также пиджак Алексея Михайловича брошены были на скамью. Злой, искусственный больничный свет слепил.

— Андрюша, этого не будет, — пробовала утешить Лиза, — они ведь видели тебя настоящего, там, на сцене, они же знают, что ты говорил им правду! Ты же видел, Ефрем?!

— Эх, натура моя пакостная, разбойная, — горько усмехнулся Рябчиков, — будь что будет.

Он взял пиджак Полянского и бумаги Андрея и разыскал во внутреннем кармане ключи. Поманил Лизу и Андрея к дверям. Оглянулся на медсестру — та решала кроссворд и не обращала на них внимания. На предвечерней улице Ефрем Рябчиков отключил сигнализацию, отпер синюю иномарку главврача Полянского и открыл двери.

— Да лезьте же, — скомандовал он замешкавшимся молодым.

Прав у Рябчикова сто лет как не было, однако завелась сразу и пошла без помех. Лиза настояла сесть впереди, то и дело поглядывая на Андрея, мол, все будет хорошо!

— Тут поверни, в объезд, — заправски скомандовала она после площадки, — там пробок меньше.

— Куда мы, Ефрем Павлович? — спросил воспрянувший духом Андрей.

Рябчиков молча вытащил сигаретку. Лиза потянулась тоже, но встретила отказ. Рябчиков то и дело поглядывал на часы.

— Наверняка хватились уже, — заметил Андрей.

Невский в это время был запружен, и машина тащилась урывками. Рябчиков пару раз приударил по рулю, снова посмотрев на циферблат. Переползли Аничков, застряли у Литейного, выбрались. Близилась стена.

— Вокзал? — удивился Андрей. — Зачем?

Было без шести минут восемь. Ефрем шел первым, напролом, почти бежал, продираясь сквозь лавину встречных людей и багажа. Лиза тщетно пыталась ухватить его за руку, готовая вот-вот вернуться на своих каблуках. У расписания притормозили. Ефрем бросил беглый взгляд.

— Пятая—левая, — ухватил он.

Поезд номер семь стоял, посадка заканчивалась. В ноздри ударил запах тепловоза.

— Седьмой вагон, — сказал Рябчиков уже на платформе. Лиза столкнулась с носильщиком, взвизгнула, поспешила следом.

— Николай Ефимыч, сосед, — наконец сообразил Андрей. — Он ведь проводником!

Коля, розовощекий супруг Марьи Акимовны, стоял перед вагоном в форме и при фуражке, принимал запоздалых пассажиров. Второй проводник раскочегаривал титан. Ефрем долго говорил Николаю, спокойно, но с воодушевлением. Как ни старалась, подслушать Лиза не могла.

— До Москвы есть одно купе, а дальше разберемся, — махнул рукой Николай, — только с Лешей сам объясняться будешь. Пусть залезают.

— В Орле будете завтра к утру, — сказал Рябчиков. — Ну, до свиданища.

— Спасибо вам, Ефрем Павлович, — Андрей благодарно затряс его руку перед тем как садиться, — замечательный вы человек.

— Береги себя, Франц, и не только себя, — пожелал Рябчиков. Андрей ловко запрыгнул в вагон, нырнув в глубину тамбура. — Что ж, прощай, Лизонька.

— Как это?! — воскликнула та и сорвалась.

— В Орле его семья, там будете сыты и счастливы, — сказал Ефрем.

— Залезай, балаболка, — напомнил Николай. — Провожающих просят покинуть вагоны.

— Иди себе, Коля, — неожиданно вольно отмахнулась Лиза, — здесь прекрасно слышно.

— Две минуты, — сообщил проводник, сделал под козырек.

— Что еще за «прощай»? — возмущенная Лиза чуть не плакала. — «Прощай» значит «навсегда»!

— Есть на свете вещи, которые бывают только навсегда, — отозвался Ефрем, — потому что мы, как ни хотим, не можем ничего поделать.

— Но зачем... — Лиза покраснела. — Ты же сказал — бежать, если сорвался с привязи, бежать без оглядки! И к черту правду! Пусть как хотим, пусть лучше всякого! Ты же сам говорил!

— Мне бегать поздно, — Ефрем поглядел на нее с запредельной тоской, — ноги не те.

— Какая чушь! — в сердцах вскричала Лиза. — Никуда я не поеду!

— Это твоя дорога, — сказал Ефрем, — а мне еще кота кормить. Ступай. Объявили.

— Навсегда, — повторила Лиза, — я даже не понимаю, как это!

— А я понимаю, и в этом вся разница, — Ефрем откинул со лба взмокший вихор. — И поэтому для тебя лучше ехать... вперед. Там, впереди, спасение, понимаешь?

— Нет! — выкрикнула Лиза, когда поезд дернул и тронулся. Лиза цеплялась за соломинку, глядя в глаза, лазурно-небесные, нездешние, а лживые часы били полночь, и всем нерадивым золушкам пора было спать, и снег не должен идти ни в мае, ни в июне тем более, и видения во дворах-колодцах уж точно не должны оживать, и бабочка-капустница так и осталась на шторе, и как же невозможно целовать, не оторвавшись, когда ты на подножке, а проводник затаскивает внутрь, туда, где все скрипит и так несет углем...

Поезд номер семь—восемь, следующий в южном направлении, пыхта и клацая, уходил в путь. На платформе рассасывалось, скоро подадут следующий.

Ефрем Палыч Рябчиков постоял немного, да и побрел обратно к зданию вокзала. Мимо спешили люди, волокли чемоданы, встречались, лобызались, смолили табаком. Ефрем Палыч исчез в толпе, маленький и неприметный. А что? У него теперь был сюжет, за который многие сотоварищи локти будут кусать, особенно те, кто помладше и пожиже сердцем. Ефрем Палыч Рябчиков шел домой, где его ожидали крепкие выражения Полянского, румяные пирожки Марьи Акимовны, кошачьи победы предводителя Навуходоносора и, конечно же, знаковый ноутбук, немного потрепанный, но вполне способный удержать в памяти последнюю и неугодную, как майский снегопад, любовь.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

— Miserere mei Domine, — зачем-то по-латыни проговорил Рябчиков, — ибо кости мои потрясены и душа потрясена.

Эпилог (из не вошедшего в рукопись)

Лиза плелась, будто сомнамбула, по вагону, поезд трясся, сбивал, толкал. С натугой отодвинув дверь последнего купе, она вошла. Андрей ее ждал. Лиза промокнула глаза, сказала:

— Вот и все.

— Ты ведь понимаешь меня? — Андрей глядел на нее неистово и мятежно. — Я не мог поступить иначе! Ты веришь мне?

— Верю, — Лиза села. Мимо проплывали товарняки и одинокие вагоны. Поезд набирал ход.

— Не мог я третью и четвертую части, — продолжал Андрей, — не мог сторонней мазней такую музыку испортить!

— Значит, ты признаешься, что вовсе не Франц, — равнодушно сказала Лиза.

— Но ведь ты поверила, — с азартом подхватил Андрей, — поверила, потому что я чувствовал его, я действительно стал им, он наполнил все мои мысли, понимаешь?!

— Не понимаю, зачем, — Лиза не глядела на него, — какая глупость.

— Ты и сама врала, — нахмурился Андрей, — но теперь это не имеет значения.

Лиза налегла на откидной столик, спрятала лицо в локтях. Золушка забыла свою туфельку, сказочный принц был молод и имел много гонцов и еще больше спорых лошадей, а тут такое дело, Союз писателей, а она, Лиза, как назло обута полностью. Поезд несся, бежал вперед.

— Пойду, поблагодарю Николая Ефимовича, — сказал Андрей, — и принесу тебе чаю. Ты отдохай. Радио вот включу.

Он повернул ручку над шторой и потом вышел. Радио затрещало умолкавшими отзвуками, ломко, будто бенгальский огонь. Щелчок, еще щелчок, и вдруг зазвучало. Лиза узнала и разом очнулась. Песня была старой, хорошо знакомой, словно назло:

«Эх, дороги, пыль да туман. Холода-тревоги, да степной бурьян»...

Вот где ты бродишь, русская скиталица-душа!

«Выстрел грянет, ворон кружит...» — черный ворон вслед за мной в путь пустился дальний... — «мой дружок в бурьяне неживой лежит»...

Вот если неживой, так значит насовсем, навсегда, а если иначе — к чему, куда, зачем? Неживой, ведь горче-то и не скажешь, а у них — аналога такого слова у них нет. Случается иной раз всякое, и ничего нам, людям, поделывать уж нельзя. Ворон, странный черный друг, что ты здесь летаешь?

Лиза жалела себя, жалела, что опоздала, что не думала наперед, что не прыгнула, могла же, а в песне пелось так: «Снег ли, ветер, вспомним, друзья! Нам дороги эти позабыть нельзя». Никогда нельзя. Вернулся Андрей, радио забарахлило, и пришлось его выключить. Мелькнуло Тосно, катилось-стелилось, дребезжали подстаканники на столе. В который раз оглушил встречный.

— Знаешь, я ведь не люблю тебя, — неожиданно сказала Лиза.

Андрей встрепенулся и поглядел на нее с изумлением, еще не сообразив, что думать.

— Едем невесть куда, — говорила Лиза, — неизвестно зачем. Но вот музыка... о чем ты рассказывал... Бетховен. Я бы хотела послушать.

— Мы начнем все заново, — рассудил Андрей.

— Орел не Вена, — заметила Лиза, — а Шуберт не ты.

... В Москве подселились двое попутчиков, молодая пара, молчаливая, сонная. Лиза и Андрей коротали часы в тамбуре, выходили курить. Ефрем, конечно, был бы не в восторге, но Лиза наперекор приложила к губам сигарету. Воючий тамбур грохотал.

Путру разбудил Николай, растолкал — город через полчаса. Попутчики оказались жаворонками и жевали тульские медовые пряники с чаем. Лиза украдкой навестила проводника, шептала, просила передать милому по приезду, непременно, горячо строчила что-то на бумажном клочке. Николай Ефимыч не спорил и не вникал.

Состав прибыл, охнул, сбежались торгаши. На ветреной платформе Лиза и Андрей, одинокие, жались и глядели по сторонам.

— А может, до конца? — предложила Лиза.

— Пожалуй, — сказал Андрей, и снова оба забрались в отходящий поезд.

— С ума сошли, наверное, — говорил проводник, — там же граница, таможня, куда вас, спрашивается?

Таможня таможней, и пограничники туда же, но Лиза теперь точно знала: писатель на всякое способен. Чего еще желать? Ну же, нагадай, накукуй, позолоти, любимый! А посеми напасти миновали, и Лиза с Андреем на всех парах летели к югу, сквозь убранные яровые, где в сезон подсолнуха и кукурузы пропасть. А над посевами — вольное небо, чем дальше, тем южнее, — всю сочинял Ефрем, — и мазанки белые, и абрикосовые деревья подступают к самому полотну, трутся ветвями, машут. Абрикосы здесь продают ведрами, пирожки да раков поштучно, а вот дыни — в сетке.

А потом, на следующем рассвете, ровно через шесть туннелей скорый поезд дальнего следования окончательно встал. Горы и холмы, розовеющие от цвета акаций, обступили вокзал, вышняя сказочная синева озарилась встающим солнцем... Что случилось после, Ефрем не углядел — быть может, то налетел морской дух, а не слезы, или перебрал коньячку, а компьютер завис, черный кот по клавишам пробежал...

Лизавета Вадимовна и Андрей Григорьевич стояли на утесе. Подле, далеко внизу, лежало море. Разлившись вширь и вдаль за горизонт, оно дыбилося и жило-дышало, отмеряя каждому свой срок. И вот тогда, с легкой руки писателя и вопреки делам девичьим и сердечным, среди пугающих выдохов и вдохов приборя, Лиза отчетливо услышала: для каждого из нас здесь, в этом мире, с самого начала заготовлено что-нибудь получше...

Бестужев Никита. "Двор на Солянке"

Полина ФЁДОРОВА

ИСТОРИЯ ОДНОГО РАЗНОГЛАСИЯ

1

Довелось мне недавно поучаствовать в двух разговорах.

Первый был на одном юбилее между священником и учительницей младших классов —

Та начала пенять православной церкви на отлучение Льва Толстого.

И сказал ей священнослужитель, упрямо сверкнув глазами:
«Лев Толстой — еретик и горит в аду, и гореть там будет вовеки,
А читать его книг и думать о нем христианам не стоит!»
Тут едва не случился конфуз, но подошла хозяйка.

А вторая беседа случилась немного после.
Я имела неосторожность о первой проговориться
Близкому своему не то чтобы атеисту,
Но я знала, что он церковников крайне не любит —
То ли органа не имея, которым верят,
То ль боясь за свободу мысли и половую свободу.

И сказал мне сей ироничный грешник с усмешкой:
«Неужели тебе, православной, батюшкины слова не по нраву?
А ведь правда — можно ли христианам читать Толстого?
Несмирена ты, мать. Вот тебя б на поклоны поставил
Настоящий старец — на страх вам всем, модернистам!»

Опустила лицо я низко и губу до крови закусила:
Ох, молчал бы ты, человек, не нарывался!
Я тогда священнику ничего не сказала:
У честного отца — апостольское преемство,
А твое «вольнодумство» сидит у меня в печенках,
У честного отца в руках со Святыми Дарами чаша,
А в твоих руках, человек грешный, мое сердце.

Я смолчала из уваженья к Чаше и апостольскому преемству,
Но сердце свое уважаю намного меньше —
Проживу и без сердца!
Да и на кой тебе это сердце:
Лет через двадцать развалится от инфаркта,
Если раньше его аритмия не доконает.

А теперь заруби на носу, словно «Отче наш» запомни:
Ни один из вас не приставлен меня учить в таком деликатном деле,

А тем паче — судить с муравьиной кочки
Тех, Богом отмечен даже в своем богохульстве,
Тех, кто кажется в наше шустрое время ходячим анахронизмом,
Тех, кто верит не так, как ты, но не хочет быть мракобесом,

Так что лучше бы ты молчал, человек грешный.

А про инфаркт с аритмией я пошутила.

2

Кого люблю, того бью длиннострочьями злых стихов,
Сводимых к нагому смыслу, сухощавых, неблагозвучных, как скрип.

А все потому, что ангел с мечом поставлен в защиту у райских врат —

Теперь уже никому не будет сладок плод и шелковиста трава:
От горькой воды распухает прелюбодейцы чрево, терновником становится виноград

В руках у того, кто его без молитвы рвет,
И сохрани тебя Бог от лозы, что руки не смеет колоть!
О, сохрани тебя Бог от того, что во чреве не жжет, как съешь,
О, сохрани тебя Бог от любви моей. . .

3

А в одну прекрасную ночь поднялся ветер с дождем.
И наутро, к окну подойдя, мы не узнали мир:
То, что тленной порфирой на кленовых ветвях горело и не могло умереть,

Что вуалями, платами, покрывалами — алыми, словно грех
Застилало свет и трепыханьем крыл плескалось в сердце моем,
Облетело, пожухло и темно-бурым ковром распласталось по дну
Обнаженного сердца, под подошвы покорно легло
И внушало лишь жалость... Это был первый сигнал,
Если б мы признали его — как ты думаешь, был бы второй?

4

Памяти свящ. Даниила Сысоева

Близкий мой атеист, вот и все. Переплакало сердце,
И заплакало небо. Дальше играть невместно.
Тот честной отец, изрекавший хульные вещи на Льва Толстого,
Ничего уже не изречет. И не наше ему отмщенье.
И ничье не отмщенье, а милость... чего ты смеешься?... милость,
Но одна из тех, о которых молиться страшно.
Вот и он не молился. Лишь — никого не боялся,
В том числе и тех, кто за слово платит не словом.

Близкий мой атеист, вот и все. Все давно уже отгорело,
Только глупое мое сердце ждало сигнала.
Дождались.
Пора доиграть.
Забывать.

Расстаться друзьями,
У тебя утешительниц будет много, и я одна не останусь:
Мое сердце не паспорт — места для штампов хватит!
Разноцветных, святых, греховных... одно тебе обещаю:
Тот, кого еще нет, не будет ни в чем на тебя похожим.

Алексей ШМЕЛЁВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Четыре стены недожитых лет
и холодно здесь, и темно,
Васильев горланит, что «выхода нет»,
однако есть
дверь и окно...
И бел подоконник,
и чёрен порог,
и лампочка солнцем блестит,
не всё ли равно у какой из дорог
зелёной травой прорасти?

Обои несбывшихся встреч и потерь
залиты дешёвым вином,
и что-то огромное ломится в дверь,
и дождь шелестит за окном.

* * *

...быть может так
встречаются в пустыне
два миража,
и воздух плавится
меж ними едва дрожа,
но мы не миражи,
мы — люди
нам речь дана!
на что нам речь дана?..

И всё ж не сумев подобрать нужных слов
мы только кивнули друг другу пугливо,
а старый фотограф — ловкач-птицелов
поймал наши чувства в силко объектива.

* * *

Я люблю тебя здесь и сейчас.
Но не знаю, как сложится жизнь.

Пусть о вечной любви
тебе шепчет другой опрометчиво...

Я люблю тебя здесь и сейчас!
Разве этого мало? Скажи.

Если мало — прости,
Но добавить мне к этому нечего.

Море

Море подслушало,
как я признавался тебе в любви
и унесло слова мои на самое дно.

Как старые затонувшие корабли,
лежат слова мои на дне его... .

А где-то у поверхности воды
песчаный берег, словно пепел бел,
На нём тобой забытые следы -
их море тоже заберёт себе.

* * *

О.А.

Кем стану я после смерти — не знаю,
быть может я стану лучом
далекого солнца

и в солнечном мае
я встречу с твоим плечом.

И ты,
улыбнувшись забытой улыбкой,
смущённо прошепчешь:

«Привет...»

И каменный город
расстроенной скрипкой
тебе зарыдает в ответ.

А может быть там —
за могильной чертою
не будет ни солнца,
ни нас,

... и может быть вечером этим с тобою
в последний мы виделись раз... .

Пускай же тогда —
тот, кто выдумал этот,
наполненный тайнами мир,

Кому-то другому откроет секреты,
в которых запутались мы... .

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

— У вас ревмокардит.
— А что это?

Декабрь не лучший месяц для
уборки общего сортира.
Больница. Слева от меня
лежат четыре дезертира.

А у окна лежит таджик -
ему здесь тоже не до шика.
Нормальный в общем-то мужик
хороший даже для таджика.

Бывает я ему: «Салом!»
А он в ответ: «Салам, приятель!»
Так и лежим мы вшестером
в просторной чистенькой палате...

А в хирургии вонь и гной
и в тело вставленные спицы.
Я тоже вроде бы больной.
Но что я знаю про больницы?

Ольга

Ты — горе и величие несущая в горсти,
души моей язычество прими или крести...

... скажи мне, Ольга, видно ли
при тусклом свете дня,
тебе — Святой,
как идолы горят внутри меня?

... мы все, как свечи выгорим
на медленном огне,
ты — выпитая Игорем —
зачем явилась мне?!

Я знаю:
ночью лунною во мне угаснет бой,
и Царствие Перуново
падёт перед тобой...

... и станут просто глиною
все капища мои.

Ну а пока, любимая,
вот голубь мой. Лови!

Ты знаешь, может быть, давным-давно в ночи
Мне дали жизнь чтоб жить, и нет других причин...

Жить, чтоб в своём доме услышать детский плач,
Жить, чтоб беречь жену, и нет других задач?..

А я смотрю наверх, как будто там вдаль
Увидеть можно тех, что истину нашли...

Они нашли — и пусть, что ж я, задрал голову,
Боюсь, смеюсь, молюсь, но только не живу?!

И снег на провода спускается паря,
Замёрзшая вода — вот истина моя...

Видать своих проблем хватает в том краю -
Бог дал мне жизнь затем, чтоб сохранить свою.

Снегопад

Всевышний сыплет с неба
Невидимой рукой
На землю крошки хлеба,
Не зная, что другой
Ждём милости оттуда...
Но уж который век

Нам с неба вместо чуда
Под ноги валит снег...
И как поверить сложно,
Что наш удел таков —
Всю жизнь из пицци Божьей
Лепить снеговиков...

Читая Рембо

И я уйду. Лениво спрятав руки
в карманы неприметного пальто,
надев свои единственные брюки,
похожие, скорей, на решето...

О, Муза! Мы чужие в этом мире!
Но всё людским законам вопреки,
я буду для тебя играть на лире!
Приняв за струны пыльные шнурки...

Слушая Боба

Купив на небесах билет
за звонкую монету,
собрав вещички, я тот свет,
решил сменить на этот.

Билет проверил проводник,
мы тронулись из рая,
и напевал седой старик,
мне вслед рукой махая:

«Би-тел не те-рай,
от ду-ши по-гу-ляй,
но не за-бы-вай -
No woman — по сгу!»

А я кричал: «Запомнил, друг!»
Но не прошло недели,
как я проснулся поутру
с девчонкою в постели...

В пустой квартире мы одни:
— Ты местный?
— Нет — проездом...
И после часовой возни,
мы вышли из подъезда...

Вдруг кто-то крикнул нам: «Стоять!»
И тут же по цепочке,
узнал я кто такая «блядь»,
и где у смертных почки!

Её boyfriend достал кастет,
второй швырнул бейсболку,
и вдруг я выронил билет,
и всё вокруг умолкло...

... и мне припомнился тот миг,
когда в воротах рая,
мне напевал седой старик,
во след рукой махая:

«Би-тел не те-рай,
от ду-ши по-гу-ляй,
но не за-бы-вай -
No woman — по сгу!»

Весна

Весна! День солнечный и славный!
Дворняг приметив у ларька,
вдруг вспомнилось мне, как недавно,
«Зенит» вот также «Спартака»...

Наваждение

Я скушал чёрную таблетку —
ко мне во сне пришла брюнетка...

Я скушал жёлтую пластинку —
ко мне во сне пришла блондинка!

Я съел какой-то мудаты,
и мне пол ночи снилась ты.

Я — лох

Я не Beckhem, не Figo и не Raul,
у меня нету швов и ранений от пуль,
у меня нет медалей за храбрость в бою,
и как Басков наверно я вряд ли спую!

У меня нету яхт и футбольной команды,
в честь меня не проводят концерты, парады,
у меня нет друзей и знакомых в кремле,
я в скафандре с флажком не гулял по луне!

Я — лох! Эх... Ох...

У меня из руки не растёт паутина,
да и как Raffaell не рисую картины!
я совсем не качок и мой трицепс не прочен,
я и в фас не Tom Cruise, да и в профиль — не очень.

Я в дыму дискотек, словно ёжик в тумане,
и ни разу не звали сниматься в рекламе,
я из спичек коробки не делаю плот!
ну и кто теперь скажет, что я не урод?

Я — лох! Эх... Ох...

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

Половицы над нашими головами охнули и жалобно заскрипели, будто кто-то тяжелый переминался там с ноги на ногу. . .

— Это на чердаке. . . — так же шепотом сказала я. И, стараясь не выдать охватившей меня паники, вслух добавила:

— Надо пойти посмотреть.

Я принесла со двора топорик, Макс на всякий случай вооружился поленом, и наше войско двинулось штурмовать «пентхаус».

— Ерунда какая! — поднимаясь по лестнице, бодро говорила я. — Нет там никого! Просто дом старый, доски рассохшиеся, а мы вчера протопили, вот и. . .

Чердачная дверь вместо замка была замотана проволокой, давно слежавшейся и местами даже приржавевшей.

— Смотри! Да сюда сто лет не ходили, — я распутала узел, храбро толкнула дверь, и даже ахнуть не успела. . .

Над нами с хлопанием и свистом пролетели какие-то снаряды, осыпав нас дождем сора. Что-то крупное, серое ударило в слуховое оконце и вывалилось на улицу. . . Со страху я выронила топор и присела, закрыв руками голову. Макс бросил свое полено и захихикал:

— Мам, это голуби!

— Хочешь сказать, это они так топтали? — скептически осведомилась я, когда дар речи вернулся.

Мы огляделись: пустые ящики, пыльные трехлитровые банки, велосипед без колес, цинковая лохань с одной ручкой и прочие необходимые в хозяйстве вещи, обильно закапанные птичьим пометом. (А интересно, что я рассчитывала тут найти с топором?) Топтаться здесь было решительно негде, даже голубям. . .

Мы уже собрались уходить, как вдруг я заметила вещь, которой здесь никак не могло быть — на одном из ящиков стояла тарелка в синенький цветочек — вчера мы из нее суп ели. . .

— Макс, — охрипшим голосом сказала я, — можешь пролезть и достать мне вон ту тарелку?

Она была чистой — ни пылинки. Ну еще бы — я же сама ее отмывала! Хотя мало ли на свете таких тарелок. . . Проверить, впрочем, не составляло труда. Хозяйка оставила нам всего три таких посуды. Мы спустились в кухню. В буфете, застеленном свежими салфетками, стояли две тарелки в синий цветочек. Искать третью не имело смысла — я держала ее в руках. . .

В следующие дни я постаралась разузнать о доме побольше. Расспросила соседей: кто здесь жил? Давно ли дом пустует и вообще. . .

Оказалось, жил тихий старичок — божий одуванчик. Помер два года назад и с тех пор дом без хозяина. Хороший дом-то — подновить бы его, и глядишь, еще сто лет простоят!

В первую неделю нашего жития больше ничего примечательного не случилось. Крысы утащили у нас полкоробки сахара (хотя я до сих пор склонна думать, что ту «крысу» звали Максик), но это я им простила — пусть у них тоже кармес будет!

Шкаф вел себя смирно, мы даже насмелились повесить в него одежду. Иногда он все же немножко тикал, но как-то вяло — без энтузиазма. Посуда тоже больше не пропадала — и на том спасибо. Похоже, тутошний «барабашка» решил с нами не связываться.

Гроза пришла в глухой ночной час — неслышно прокралась огородами, обложила деревню и ударила сразу по всем фронтам. В первую секун-

ду, спросонок, мне показалось, крыша упала. . . В следующую — благим матом заорал ребенок. Я кинулась к нему в комнату. Вспыхнула молния, и я на мгновение увидела рядом с его кроватью высокий темный силуэт — не то поп, не то ёлка. . . (Сам Макс, как потом выяснилось, ничего не заметил — потому что орал предусмотрительно зажмурившись.)

Небесная драка была в самом разгаре. Мы с Максом устроились на двухспальной кровати в большой комнате. Рядом с кроватью стоял шкаф — тот самый. Я попыталась зажечь свет. Куда там! — подстанцию должно быть вырубил первым же ударом. Впрочем, молнии сверкали так часто, что на темноту жаловаться не приходилось. Макс икал и трясся, я озиралась по сторонам (что это было возле детской кровати? где оно?) и попутно пыталась отвлечь его разговором — ничего не помогло. Тогда, чтобы разогнать страх, я стала читать вслух молитвы: «Да воскреснет Бог», «Живый в помощи», «Отче наш», «Богородице Дево. . .».

— А молния в нас не попадет? — стуча зубами, спросил Макс.

— Нет! — пообещала я. — Не попадет, — и тут сообразила, что крыша у нас самая высокая в округе, а громоотвода на ней нет. . .

Я боюсь грозы. В детстве (мне было лет пять) молния угодила в дерево, под которым мы с мамой и бабушкой прятались в лесу во время ненастья. Позднее гроза сожгла старую ракуту с незапамятных времен росшую у нашего дома. А лет в тринадцать я столкнулась лицом к лицу с шаровой молнией в собственном курятнике и едва не погибла.

Словом, оставалось только молиться. . .

Понемногу гроза стала отдаляться. Громыхало реже. Но тут вдруг очнулся. . . шкаф. С каждым раскатом он сотрясался изнутри, точно какая-то сила бесновалась за плотно закрытыми дверцами, стараясь вырваться наружу. Тут уж я струхнула не на шутку. Гроза ладно, пускай. Но обезумевший шкаф. . . Зато Макс, похоже, не видел в этом ничего сверхъестественного: ну трясется шкаф, ну и что? Пдумаешь! Может, он тоже грозы боится. . .

Закончилось все внезапно. На улице польхнуло так, будто танк лопнул. В шкафу что-то треснуло и посыпалось со звоном. . . И все — больше никаких спецэффектов — ни в доме, ни на улице. Самое странное, что и гроза на этом кончилась. . .

Проспали мы с Максом чуть ли не до обеда, а когда проснулись. . . дверца шкафа оказалась приоткрытой. Я с любопытством заглянула туда, ожидая увидеть горстку праха, вместо своих платьев — после вчерашнего-то. . . А увидела Максимины джинсы — одна штанина наизнанку. И вокруг сынулина добыча рассыпана: гвоздики, гайки, даже один погнутый шпингалет — из карманов поди высыпалось. Когда барабашка штаны примерял. . .

С приездом любимого мужа все дикое и несообразное куда-то расплзлось и попряталось. Шкаф боле не бесчинствовал, крысы сели на диету, а пришелец. . . Со временем я стала думать, что мрачный силуэт у детской постели мне просто примерещился.

Я целыми днями домовничала, и даже посадила кое-что на грядках за домом под руководством бабушки-соседки. К концу лета у меня выросла редиска размером со свеклу и щавель, который я два месяца за лопухи принимала. . .

Сыночек тоже не терял времени даром. Еще в первые дни по приезде я заметила, что дитячко моё малость с причудами.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

Выхожу однажды на крылечко, а в палисаднике перед домом все перепахано: дерн из земли выворочен и аккуратно на место сложен — корнями кверху. Максик погулял. . . Пока я в оцепенении созерцала этот лунный пейзаж, явился мой «бульдозер» и утешил: «Так же лучше!» Северянин, блин! Был бы у нас холодильник — он бы еще и снежком из морозилки свое творение присыпал. . .

Помимо страсти к уничтожению травы, Макс питал еще более нездоровый интерес — к птичкам. Выйдя за калитку, он, как полоумный, гонялся за курами, утками, голубями, пугая пернатых чуть не до смерти. Пару раз я ловила сыночка за шкуру, вела в дом и там взывала к его уму, чести и совести. Макс проникался и, всхлипывая от жалости к обиженному, обещал сделать выводы.

Выводы он сделал: «надо получше прятаться. . .»

И вот как-то солнечным днем к нам в дом явилась целая делегация соседей. Возмущенно размахивая доказательством — куриными перьями, они поведали душераздирающую историю, о разбойничьих набегах.

Оказывается, Макс устроил себе лежку в кустах, и подстерегал зазевавшихся хохлаток. У него там был целый арсенал битого кирпича и булыжников, которыми он пулял в кур. Намедни подбил таким макаром лучшую несущку бабы Дуси — та, удирая, застряла в кустах и теперь охромела на правую лапку. И вообще, «из-за вашего бандита куры перестали нестись и теперь только гадят!»

Разбирательство в сельсовете, административный штраф в миллион — оно нам надо? Но главное, этот разбойник всех соседей против нас восстановил! А мы, между прочим, у них еду покупаем. . . Потому что в магазине здесь только мыло и колбаса — причем, на вкус они одинаковые. Ну, погоди, «Гроза несущек»!!

Опасаясь, что меня с психу кондрашка хватит, Лион быстро проводил горластых делегатов со двора: «Идите, идите, сейчас мы его научим сострадания. . .»

Я нарвала в огороде здоровенный веник крапивы и молча — без единого звука всыпала Максиму по первое число. Макс во время расправы тоже не пикнул — только почесывался. Этот «жгучий аргумент», как ни странно, оказался доходчивым. С той поры Максик сделался лучшим другом старушек и несущек.

«Доброго здоровьичка! Как поживаете?» — вопил он, заведя дремлющих на солнце бабушек. Отходчивые деревенские старики души не чаяли в вежливом мальчишке, зазывали его к себе, расспрашивали, угощали. . .

В результате Макс приобрел столь обширные познания в медицине, что запросто отличал радикулит от подагры, о чем я, к слову сказать, до сих пор имею самые смутные представления.

Домой он возвращался, волоча за собой по улице мешок с огурцами и картошкой, из майки во все стороны торчали гороховые стручки, а оттопыренные карманы шортов темнели кровавыми пятнами от раздавленных вишен и смородины — отрадная картина.

Отныне голодная смерть нашей семье не грозила.

Идиллическое это существование нарушилось в конце июня происшествием inferнального свойства. Лион обнаружил в доме тикающий шкаф. То есть я конечно и раньше рассказывала ему: тикает мол, зараза. Угу, покивал муж, бывает. . . Спасибо хоть пальцем у виска не повертел. Но кто ж мог знать-то?

Охваченный исследовательским пылом, Лион вытащил из шкафа все полки и перекладины и проверил в нем каждый шуруп — ничего! Тогда он, поднапрягшись, сдвинул таки этот «гроб» с места и стал про-

стукивать стену за ним — вдруг там чего интересное замуровано. . . Стена молчала. А выпотрошенный шкаф издевательски тикал.

Я уже стала опасаться, как бы он, войдя в раж, не раскурочил чужую собственность, но муж только рукой махнул: «Да шут с ним! Вечером дом почистим. . .»

Перед сном Лион зажег свечку и, несколько раз обошел комнаты, творя молитву. Ну все — теперь можно спать спокойно, решили мы.

— Э! Пошел вон! Отдай! Аaaa!!! — возмущенно завопил Макс среди ночи. Что-то бухнулось на пол, и раздался рев. Сшибая впотьмах мебель, мы кинулись на помощь. На полу посреди спальни барахтался Макс, над ним странно вспученное, шевелилось одеяло. . .

— Он меня с кровати спихнул! — возмущенно орал Макс. — И одеяло отнимает!

— Кто?!

— Откуда я знаю! Тут же темно!

Мы включили свет. Да. . . не постель — а поле битвы.

— А наволочку кто порвал?

— Он. . .

Комнату осмотрели, но любителя чужих одеял конечно не нашли. Однако кто-то здесь определенно был — в спальне стоял явственный запах озона.

Дело начинало принимать весьма скверный оборот. . .

В доме явно что-то творилось.

Днем — под щедрым солнцем он молодецково поблескивал кровлей и свежеемытыми окошками, вечерами — по-стариковски зяб и жаловаться на старческую ломоту в бревнах, а ночью — дедова избушка зажигала в черных провалах окон мертвенные огни. . .

Как-то, лежа без сна, я увидела в кухне голубые вспышки — совершенно бесшумные, но оттого не менее пугающие. Будто включенная на полную мощность газовая горелка бросала на стены трепещущие голубоватые отсветы.

Окно кухни выходило на зады соседского огорода. Может старики жгут костер? Тогда почему вспышки голубые?

Устав бояться, я разбудила мужа:

— Пойдем, посмотрим. . .

В кухонное окно тарасилась ущербная луна, соседи давно спали и призраки в голубом по огороду не шастали.

Лион пожал плечами:

— Пойдем-ка, милая, спать. . .

Конец нашему терпению настал на следующую ночь.

Ближе к рассвету сверху закапало что-то холодное — прямо на меня. Я проснулась недовольная и неуклюже попыталась сесть. На шестом месяце беременности, да еще в кровати с провисшей панцирной сеткой это было не так-то просто. В поисках опоры я оперлась рукой о постель и вдруг почувствовала под пальцами — лохматое, теплое, шевелящееся. . . Спросонок я заорала не своим голосом. Муж, разбуженный моими воплями, вместо того, чтобы спасти меня, с перепугу завопил еще громче.

Что-то живое, зажатое между нами, придушено пискнуло, вывернулось из моих пальцев и убежало под шкаф. Тут у меня, как говорится, в зобу дыханье сперло — дальше я могла только пузыри пускать. Мол-

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

ча. Лион включил свет. Из спальни, сонно хлопая ресницами, выскочил Максим:

— Родители, вы чего?

— Крыса, — клацая зубами, сказала я. — К нам в постель забралась крыса!

— И куда она делась? — спросил муж.

— Туда, — я ткнула пальцем под шкаф, в изгрызенный угол.

Лион вооружился кочергой, встал на четвереньки и ткнул ею в крысиный ход. Из норы раздалось злобное урчание.

— Наглая, зараза! — с удовлетворением заметил муж. — Она что, укусила тебя?

— Нет. Она похоже спала тут с нами. Я хотела сесть и чуть не раздавила ее. Тут вода какая-то лилась...

— Какая вода, — опешил Лион.

— Холодная...

Муж возвел очи к потолку, то ли ища протечку, то ли намекая, что беременный психоз в три часа ночи — это уж слишком...

— Тебе приснилось, — сосчитав в уме до десяти, ласково сказал он.

— Да? А это что? — я протянула ему руку.

На тыльной стороне ладони блестели капли.

История с крысой моментально поблекла на фоне этого мистического происшествия. Остаток ночи мы, как обезумевшие мухи лазали по потолку, доискиваясь, откуда что текло. Но потолок был сух и шершав, как глотка умирающего от жажды.

— Ну все! Довольно с меня этого шабаша! Давай позовем попа и освятим дом, — взмолилась я на рассвете.

Если б все было так просто! Дом-то не наш. Как хозяйева на это посмотрят? Да и потом, что мы можем предъявить в качестве доказательства: тарелку с чердака? порванную наволочку? может, предложить им покараулить шкаф? А не скажут ли нам: «ребята, не нравится — не живите!» И куда мы?

Или соседи: увидят, что батюшка с крестом — к нам, и пойдет звон по деревне, мол в доме-то, видать, ай-я-я-яй...

Однако хозяйева препятствовать не стали и вопросов особо не задавали. Похоже, знали что-то...

На другой день явился веселый батюшка — помахал кадилом, да так истово, что мы даже опасались, как бы он избу не поджег — искры так и летели. Помолившись и откушавши, служитель церкви благословил дом со чадами и уже собрался восвояси, как вдруг в сенцах явился Максим. (Во время обряда он был с нами, а потом играл во дворе.)

— Можно, я за калитку пойду? — странным голосом спросил он.

Я глянула в окно.

— Гроза собирается! Смотри, какие тучи чер...

Договорить он мне не дал — закричал, забился, как припадочный: «Аааа!! Не пускают! Ааааааа!!!»

Мы растерялись. Первым опомнился Лион — сгреб Макса, мотавшегося по дому, в охапку. Тот взвыл, норовя лягнуть отца ногой в живот. На помощь бросился батюшка. Двое взрослых мужиков не могли удерживать шуплого семилетнего пацана — он брыкался, кусался и так визжал, что стекла звенели. Наконец охрип и обмяк, как плюшевый заяц.

— Ну мальй, ты чуть дом не разнес... — озадаченно проговорил батюшка. — Эк тебя, сердешного...

И нам:

— Вы над ним почитайте. Вреда не будет. И ты, матушка, не бойся, больше она вас донимать не станут. Проводи-ка меня.

Я вышла с ним к калитке. Тучи шли стороной, ветер лохматил кусты и взметал пыль выше заборов. Батюшка остановился, посмотрел со значением:

— Мальй-то у тебя не прост. Ох, не прост... Знаешь, да? Ничего, матушка, Господь управит... — кивнул и пошел по стежке вдоль улицы.

С того дня нечисть присмирела. В доме настала уютная тишина и благоастворение воздушных масс. Шкаф не то что тикать, даже дверцами скрипеть перестал, когда мы его открывали.

— Тю! Что ж вы кошку-то в дом не возьмете? — покачала головой баба Дуся, которой я таки пожаловалась на наглую крысу.

Она сидела на скамеечке перед домом. Рядом в пыли копошились куры, за ними вполглаза приглядывал здоровенный котьяра, растянувшийся в тенечке — шерсть на нем породисто лоснилась, и весь он истекал жирным самодовольством.

Я прикинула, сколько крыс такому зверю нужно сожрать для сытости и вздохнула с умилением.

— Только мужика не берите, — строго сказала баба Дуся, заметив куда я смотрю. — Энтот-то живоглот — только пузо на печке греть! Ишь, утробница-то какая... А трусливый, сволочь — чуть крысу зачует, сейчас хвост подожмет и задом, задом... Тьфу! Бабу вам надо. Вон, глянь-кось...

По соседскому забору, изящно переступая по остриям, шла драная кошка, шевеля огрызком хвоста, как балансиром. Левое ухо у нее было обглодано почти под корень, морду пересекал косой шрам, отчего один глаз казался выше другого.

— Это вот лучшая крысоловка и есть! — сказала баба Дуся. — Ты не гляди, что страшна — это она с крысой дралась.

Я и раньше видела в деревне этих куцехвостых амазонок, покрытых ранами, искусанных, наводящих ужас своим видом. Они не валялись в кустах и на лавках, не мурлыкали на хозяйских коленках, но, сторожко прижав к голове обгрызенные уши, шныряли по огородам в поисках добычи, и чуть что — ловко сигали через забор.

— Куда ж нам кошку брать? — снова вздохнула я. — Мы ж уедем осенью...

— Э, милая, нашла об чем горевать! — захихикала баба Дуся. — Кошка-то в деревне не пропадет — ей тут жратвы в каждом доме — только лови...

И правда, подумали мы с мужем, отчего б не взять какую-нибудь временную мурку.

Крысоловку привезли в наше отсутствие. Хозяйева подъехали на своей «Ниве», увидели Макса, игравшего возле калитки, и спросили:

— А где твои папа с мамой?

Ответ сразил их наповал.

...Неподалеку от деревни, за ромашковым лугом тянулась молодая дубрава. Там под сенью коренастых дубов, укрытые прелой листвой, росли хитрые подосиновки. Я их не увидела — я их унюхала. Взяла палку и стала расковыривать сырую слежавшуюся листву. Под ней оказались крохотные — не больше ноготка плюшевые шапочки грибов. Ножка еще в земле, а винно-красная шляпка торчит будто пупок. И таких «пупков» нашлась чуть не сотня! Я их листвой опять присыпала, и места отметила — пусть подрастут чуток.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

Спустя несколько дней мы взяли нож, корзинку и пошли в дубраву.

А Макс остался у дома играть.

— Ой, какая кисонька! Это нам?

— Вам. А где твои папа с мамой?

— Пошли в дубки резать пупки, — невинно сообщил Максик.

Услышав о кровавых занятиях беременной пары, хозяйка переменялась в лице и уронила кошку. Та опрометью кинулась в открытую калитку и исчезла в густой траве перед домом.

Словом, когда мы вернулись, целостность моего пупка уже никого не беспокоила — полдеревни добровольцев бегало по нашему огороду с криками: «кыс-кыс» и «куда ж делась эта зараза!»

Нашлась она неожиданно. Я зашла в кухню и чуть не споткнулась о дохлую мышь, валявшуюся на пороге, умершую явно не своей смертью. Мало нам крыс! Теперь еще и эти покойники будут по дому валяться... Оказалось впрочем, что это не безобразия, а подарок — первый охотничий трофей, великодушно брошенный к нашим ногам. Вскоре явилась и сама крысоловка — щуплый кошачий подросток, трехцветная киска со смысленной мордой. Она кажется удивилась, что мы не стали есть ее подношение, и с видом: «Ну не хотят и фиг с ними, мне больше достанется» она уволокла свою добычу под кровать и там слопала вместе со шкурой. Ночью кошку тошнило мышкой...

Больше Муська, (так незамысловато называли мы охотницу), мышей не ела — брезговала. Душить — душила во множестве и сама же их хоронила, закапывая в мягкую землю вокруг дома. Ловила она и мелких птичек. Что в них есть — непонятно, там же перья одни!

А питать ее мы стали... эээ... словом, мы не жадничали.

По деревенским понятиям кормить кошку — только портить. А уж так как мы...

Ни рыбы, ни кошачьего корма в магазине конечно не было, так что обычно я покупала двести граммов колбаски.

— Ой, — сказала знакомая продавщица, когда я явилась в очередной раз, — что ж вы поздно нынче? Ведь целая палка с утра была, а теперь вот только хвостик остался.

— Ничего, — успокоила я, — кошке это без разницы.

— Колбасу? Кошке?! Хотела б я быть вашей кошкой! — в сердцах (и чего только не удумают эти городские!) она едва не отрезала себе палец. А я прикусила язык.

Впрочем, Муська не зря ела деликатесы. Вечерами она садилась у входной двери и зорко следила, не откроется ли ход на улицу. Соблазны ночи манили ее: беспечные воробьи, дремлющие на поленнице — мяаааконские лакомые ворррррбышки... норка у корней яблони, где так просто сцапать добычу, затаившись в лопухах, одуряющие запахи мокрой земли, писки и шорохи — ночь пахла охотой. Но мы были начеку.

— Держи Муську! — командовал Лион и шустро выскакивал за дверь, провожаемый завистливым взглядом кошачьих глаз.

Поняв, что удрать не получится, Муська шла отработывать колбасу. Она не спеша обходила свои владения, шуршала в подполе и на чердаке. Не знаю, как она справлялась. Может, строила крыс по ночам и внушала им правила хорошего тона, или съела втихомолку крысиного главаря, но только ни одной из этих тварей мы больше не видели и даже не слышали. Иногда, проснувшись среди ночи, я замечала в углу под шкафом стукот мрака.

— Муська! — шепотом окликала я.

В ответ тут же вспыхивали два бессонных желтых огонька.

Весь день шел дождь. Пахло мокрой листвой и скороспелыми яблоками. Лион принес с огорода целую миску розовощеких чумазных падалиц, и долго, до скрипа, отмывал их холодной колодезной водой.

В сумерках я затеяла печь оладьи: клала в пушистое тесто рассыпчатые яблочные дольки, подрумянивала их до золотистой корочки и поливала медом...

Мои мужчины, глотая слюнки, уселись за стол, держа вилки наготове. Кошка, забравшись на подоконник, сунула усатую морду в шипящую сковороду: «мяааасо? нет? какая жалость...»

— Муська, брысь! — строго сказала я. — Только шерсти твоей мне тут не хватало! Иди вон на улицу...

Киска обиженно фыркнула и пошла — куда послали.

Дверь во двор была приоткрыта, оттуда тянуло свежестью.

— О, к нам кажется гости... — без энтузиазма сказал Лион. — Кого это несет на ночь глядя?

Я прислушалась. На крыльчке кто-то сморкался и притопывал, отряхивая с ног налипшую землю. Мы выжидательно переглянулись.

— Может это баба Дуся за солью? — с надеждой предположил Макс, покосившись на оладьи.

Вдруг что-то зашипело, завизжало и покатилося со стуком, считая ступеньки... Через секунду в кухню влетел комок ярости (шерсть дыбом, глаза из орбит) и заметался, сшибая табуретки.

Мужики мои сорвались с места и наперегонки бросились на крыльцо. Вернулись озадаченные — делиться оладьями оказалось не с кем...

Кошку едва уняли. Храбрая крысоловка поджала хвост, забила в угол и не шла даже на колбасу.

— Может, чей-нибудь тузик к нам во двор забежал? — предположила я.

— Через забор перепрыгнул... — подхватил Макс.

— Ага, и насморк у него — от сырости, — подсказал муж.

Перед сном мы вышли во двор, посидеть на бревнышках. Я накинула теплую куртку и взяла Муську — она угрелась на руках и мирно подремывала, укрытая полой. Дождик стих, в разрывах облаков сияли умытые звезды, огни в окрестных домах были уже потушены. Вдруг кошка подняла голову и наострила уши — в углу возле поленницы зашевелилось что-то темное и двинулось к нам... В панике, обдирая мне руки, Муська рванула прочь — в дом, в безопасную ярко освещенную кухню.

— Кто это там? Крыса? — сердито спросила я.

— Вряд ли... — раздумчиво протянул Лион. — Крыс-то она не боится...

— Тогда кто?

— Барабашка бездомный, — сказал муж. — Выгнали его, вот он и шастает...

Была у моего мужа одна, но пламенная страсть — каратэ. Всю жизнь он фанатично тренировался: протыкал пальцами стены, ломал доски, и портил кирпичи. Возле дома под окнами он вкопал стоймя длинную гибкую доску, обмотал каким-то тряпьем и самозабвенно избивал ее на потеху соседям. Особый стих находил на него ночами: часика эдак в три мужу вдруг припадала охота подраться... И тогда я сквозь сон слышала доносящиеся с улицы ритмичные колотушки и выразительные чертыхания.

Эти ночные вылазки были полны приключений. Предраассветная жизнь загадочна уже потому, что происходит во тьме: невидимые ноч-

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

ные птицы кричат тревожными голосами, с глухим стуком падают созревшие плоды, в малиннике что-то трещит и ворочается (судя по шуму — оно размером с корову), в траве порскают разные мелкие

твари — может они кусачие, кто знает...

— Вставай! — шепотом сказал муж и потряс меня за плечо. — Я его поймал! Иди, посмотри...

Я с трудом разлепила склеенные сном ресницы:

— Как поймал?!

— Увидишь! Пошли скорей...

Зевая и жмурясь, я поплелась за ним. Около четырех часов утра было уже довольно светло, если б не сырой туман, висевший в воздухе неопрятными серыми космами. Тем удивительнее была представшая перед нами картина: в мутных сумерках по утопанной площадке перед домом бегал пластмассовый тазик... Дребезжа и подпрыгивая на камешках он мотался из стороны в сторону — кто-то злой и сильный колотился внутри. Звуки тоже неслись странные: тазик сморкался и попукивал... Сон слетел с меня в одно мгновение. Лион подтащил посудину к крыльцу и ловко перевернул ее — на ступеньки вывалился плотный пегий комок. Я наклонилась рассмотреть — он злобно фыркнул мне в лицо и наставил колючки...

— Мамочки... — икнула я и плюхнулась на ступеньку, — ... ёжик...

Так вот кто приходил к нам в гости, привлеченный яблочным духом! Вот кто шевелился ночью у поленницы и пугал нашу кошку!

— Из малинника вылез, — довольно пояснил Лион. — Лежка у него там.

Мы взяли ёжика в дом. Рядом с кухней был чуланчик, где лежали сухие дрова для растопки. Мы поместили пленника там — утром покажем его Макс, а потом выпустим. Предложили ему кусочки яблок, смоченную в молоке булку и даже вчерашнюю оладью, но он только сердито пыхтел и от угощения отказался. Ёжик не хотел булок — он хотел свободы.

Я вернулась в постель — досыпать, и долго слышала за тонкой стенкой беспрестанную возню и топот.

Разбудил меня раскатистый грохот — в чулане рухнуло что-то тяжелое: похоже, корыто, в котором я стирала белье. Представив себе ежа в этом цинковом «гробу», я поспешила на выручку. В дверях столкнулась с Максом:

— У нас там ёжик! — радостно заорал он. — Его наверно дровами завалило!

Максим оказался прав. Ёжик лежал в куче рассыпанных поленьев, придавленный березовой чуркой, и выглядел очень несчастным.

— Может у него сотрясение мозга? — испуганно спросил Макс. — Или перелом...

— У него страшная ежиная болезнь: «погнивание колючек поленом», называется, — авторитетно сказал Лион у нас за спиной. — Щас будем лечить.

Он снял с себя футболку, обернул ею ежа, отнес во двор и там вытряхнул на травку.

Пленник завозился, зафукал, не веря своему счастью, но убежать не спешил.

Из под крыльца вылезла Муська. Увидев поверженного врага, вздула горбом спину и отчаянно зашипела. Потом обнюхала и презрительно фыркнула: Надо же, какая крыса дурацкая — с колючками!

— Неужели это он все лето топал в доме и нагонял на нас страху? — с сомнением спросила я, глядя на безобидную мелкую зверушку.

— Угу, и в шкафу он тикал, и посуду воровал... — развил мысль Лион. — И кличка у него — Стрелочник.

Мы фотографировали ёжика на память, нацепляли ему на колючки гостинцев: яблок, слив, овсяного печенья, и отпустили с миром.

Последние капли лета вылились на землю тихими грибными дождями.

Осень швыряла нам в окна гремучие тополиные листья, солонила травы ночными заморозками — намекала...

На станцию нас провожали всей улицей. Отдельно на велосипеде везли тяжелый рюкзак. Макса посадили на багажник. Бабушки насовали ему в дорогу домашних пирожков, ватрушек, каменных магазинных пряников и липких ирисок. Словом, до вокзала доехал не мальчик, а кондитерский магазин!

— Вы уж не забывайте нас, — утирала слезы концом платка баба Дуся. — На будущий год приезжайте... с лялечкой.

— Муську берегите! — всхлипывала я.

Автобус, жирно пыхтя соляжкой, выбрался на объездную дорогу, я прильнула к грязному стеклу: знакомая вывеска магазина, горбатые соседские заборы, утки в канаве... Сейчас вон там за деревьями мелькнет крыша нашего дома. Мне хотелось увидеть его в последний раз. Но дорога вильнула в сторону и побежала под горку — все быстрее, все дальше...

ИЗДАТЕЛЬСТВО “СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В ИНТЕРНЕТЕ”

Самое амбициозное и пока ещё недорогое издательство Москвы приглашает новых авторов!

Издательство «Современная литература в Интернете» организовано опытными специалистами, и поэтому мы хорошо знаем, как напечатать книгу, которая осчастливила бы автора и доставила бы удовольствие читателям. Всем нашим авторам предоставляются приятные бонусы: при выпуске книги они получают бесплатно ISBN, оформление обложки (по материалам заказчика), доставку до подъезда в пределах Москвы и распространение в магазинах (на этот счёт у нас давно налажены связи с магазином «Библиоглобус» — одним из самых больших в Москве). Кроме этого, Интернет-магазин «Библиоглобус» рассылает издания книг не только по России и Ближнему Зарубежью, но и по всему миру. Предлагая книги в магазин, издательство не берёт никакой платы за свои услуги; таким образом, вся прибыль от издания книги достаётся автору.

Но продажи редко зависят от одного лишь факта попадания книги в магазин, гораздо важнее то, как Вы организуете рекламную кампанию. Если Вам нужен сайт в поддержку книги, то наши специалисты могут помочь в его разработке и продвижении (подробнее — см. сайт нашей веб-студии). А если Вы сочтёте необходимым публикацию критических статей об изданной книге в средствах массовой информации, то мы можем помочь Вам и в этом. Наше издательство может предложить несколько вариантов проведения рекламной кампании (сами мы предпочитаем Интернет-рекламу — как наиболее дешёвую и эффективную).

Деятельность нашего издательства регулярно освещается в СМИ, а изданные книги номинируются на различные литературные премии («Национальный бестселлер» и т.п.). Кроме того, мы имеем возможность организации презентаций книг в клубах Москвы и некоторых других городов. Именно на презентациях, как правило, удаётся успешно продавать книги людям, привлечённым тематической рекламой на сайтах и в социальных сетях.

Публикацию в журнале или сборнике можно назвать экономичным способом издания не только потому, что он дешевле, чем выпуск книги, но и потому что издательство берёт на себя все расходы и хлопоты по продвижению и рекламе сборника. К началу 2010 года наше издательство выпускает три периодических издания — * Литературный журнал «Контрабанда», хрестоматию «Музыка в переплёте» (стихи, рассказы и статьи, посвящённые музыке) и «Кошкин альманах» (сборник забавных стихов и рассказов о кошках). Участие в сборнике платное, имеет место строгий отбор материалов, литературное редактирование и корректура текстов.

Наши услуги можно заказать в любой точке России и за рубежом, воспользовавшись электронной формой, расположенной на сайте. Для удобства клиента мы организовали постоянно растущую сеть региональных представительств в различных городах России. Это позволяет нам избавить Вас от хлопот по оплате и получению заказа: всё это возьмёт на себя наш представитель в регионе.

Заказать расчёт на издание книги можно на сайте Litseries.Ru. К каждому литературному проекту мы относимся индивидуально!

Хрестоматия «Музыка в переплёте» (по материалам конкурса «Бекар»). Хрестоматия «Музыка в переплёте» выпускается издательством «Современная литература в Интернете» по итогам семи лет истории конкурса «Бекар», произведения которого посвящены музыке. В сборнике могут участвовать как авторы, участвовавшие ранее в конкурсе, так и те, кто в нём не участвовал. Стоимость публикации в хрестоматии — 300 рублей за полосу формата А5 (для прозы это около 1600 знаков, для стихов — 40 строк, включая заглавие, имя автора и пустые строки). Работы, вошедшие в шорт-лист конкурса «Бекар», могут быть опубликованы с 25% скидкой.

Кошкин альманах. Сборник стихов и рассказов «Кошкин альманах» будет выпущен издательством «Современная литература в Интернете» в первой половине 2010 года в поддержку сборника поэта Михаила Придворова «Кошкина книга». К участию в хрестоматии не допускаются тексты, в которых никак не отражена тема кошек :) Стоимость публикации в хрестоматии — 300 рублей за полосу формата А5 (для прозы это около 1600 знаков, для стихов — 40 строк, включая заглавие, имя автора и пустые строки).

Все книги распространяются по книжным магазинам России — таким, как торговый дом «Библиоглобус», книжный магазин Литературного института имени Горького, Передвижная книжная лавка писателей Живого журнала и т.д. Планируется организация презентаций хрестоматии в Москве, Петербурге, Ярославле и Киеве.

Заявку на участие в наших издательских проектах принимают по адресу karakovski@gmail.com. В случае положительного решения автору будет выслано уведомление и после оплаты текст будет немедленно добавлен в хрестоматию..

